

Никита Борисов

ЧУМА

(частично упорядоченное множество ассоциаций)

Повесть

Сон - обязательная часть нашей жизни. Среднестатистический человек спит 6-8 часов. От трети до четверти суток. От трети до четверти своей жизни! И что характерно, ничего об этом времени не помнит. Что там, во сне, происходило - загадка загадок. Всё прочно забывается в первые минуты бодрствования. Подобная вынужденная амнезия никого не смущает, являясь своего рода защитной реакцией. Редко когда какое сонное действие остаётся в памяти надолго. Но оно всегда будет вырванным из контекста череды снов.

Что будет с человеком, если он вдруг начнёт помнить все свои сны? Что это даст человеку? И что сны расскажут об этом человеке?

Издательство "Не Зачем unnecessary", 2018
info@or-records.ru

(С) Борисов Н.А., 2016
(С) Не Зачем unnecessary, 2018

Так получилось, что в самом начале весны сего года я в очередной раз загремел в больничку. Всё как обычно, ободранность стен совмещалась с бодрыми расписаниями и распорядком дня, а скорбная атмосфера боролась с желанием выжить. В общем, всё как обычно. Выжить в тот раз удалось, хоть и пришлось потратить на это какую-то часть жизни. Сколько будет ещё этих самых частей у меня? Как знать...

Всё было как обычно, да не всё. Только-только въехав в палату, я обнаружил на подоконнике объёмную тетрадь с записями. Вся мятая, с частично отсутствующими листами. Ожидая лекаря, я открыл первую попавшуюся страницу и стал читать. В тетради оказались странные заметки, написанные то ручкой, то карандашом. Почерк отличался от записи к записи, но было ясно, что всё написано одним человеком. Поинтересовавшись у куковавшего на койке соседа, я узнал, что тетрадка эта осталась от моего предшественника по палате, который зачем-то, по одному ему известной надобности, после сна силится записывать всё только что увиденное в иных мирах. Буквально на днях он съехал, вещи его уже забрали, но тетрадь осталась. Может, забыли. Или просто не знали о ней. Всякое бывает.

Так как тетрадка использовалась жителями палаты в качестве хозяйственного предмета (подставить под тарелку, вырвать лист) и никому никакого иного интереса не представляла, я торжественно вместо неё положил на подоконник несколько журналов и газет, а трофеем забрал для изучения. По мере прочтения у меня складывалось впечатление, что никакой логики и связи в повествовании как будто бы и нет. Считается, что сны редко когда связаны друг с другом, и искать в череде снов какой-то общий смысл бесполезно. Но потом пришло чёткое понимание, что в сонном спонтанном безумии связь и смысл очень даже есть. Именно общий мистический смысл, проявляющийся чем дальше, тем больше. Как будто, сам того не предполагая, записывающий сны сплёл странную психоделическую паутину абстрактных переживаний, так или иначе выражающих его жизнь и состояния.

К большому сожалению, некоторые страницы отсутствовали. Всё то, что сохранилось, я и предлагаю вниманию читателя. Редактировать каким-либо образом эти сонные тексты я не имею права, всё именно в том самом "тетрадном" виде, без купюр и коррекций. В записях фигурируют люди, неизвестные мне - да и есть ли они на самом деле, или это плод сонных галлюцинаций? Но ведь одни и те же люди просто так не снятся, даже если они и выдуманы. Следовательно, они в той или иной степени были важны автору. Оставим это на его совести. Впрочем, тексты это всего лишь тексты. А сны это всего лишь сны. Хочется извиниться перед теми, кто не хотел и не предполагал оказаться в чужих снах. Особенно если их для непонятных целей оставили в жизни в виде букв.

Эти заметки - не для выводов, не для морали. Здесь нет ни начала, ни конца. Это просто последние сны человека, не обязывающие никого и ни к чему. Как знать, что сейчас ему снится? Где он, в каком из своих снов?

* * *

Надо делать операцию на потрохах, идти утром, но я что-то всё тяну, тяну, хотя и знаю, что надо. Идти надо в некую поликлинику, вроде как даже и хорошую, всё уже там обсудили, а что-то меня удерживает от похода. Операция не особо сложная, но какая-то дикая, при этом восстановительный этап очень лёгкий, чуть ли не мгновенный. И что-то надо было сделать днём ранее, я и делал... Что характерно, почему-то все знают о предстоящей операции. Идти в больницу надо утром, но я смотрю на часы, а там уже два дня; я говорю Ане – ерунда, мол, можно же пойти и вечером, там лишь осмотрят и всё подтвердят, а операция уж завтра пусть будет. На том и решили. Но уже начинают поступать успокоения-поздравления с успешной операцией, от Гурмистрова и Маганюка. Вдруг.

У меня будто бы день рождения, Влад мне дарит наган – я именинник – принимаю его подарок и понимаю, что это тот самый экземпляр, который мы с Игорем дарили ему несколько лет назад. Но решаю не говорить ничего, не упрекать Влада. Незачем ставить человека в неудобное состояние, человек же наверняка просто забыл, что я ему дарил.

Днём ходил по Ошарке туда и обратно. По пути «туда» меня догнала тётка средних лет и спросила, где трамвайная остановка. Показал, объяснил, отправил в нужном направлении. По пути «оттуда» мне навстречу попала и сразу же первой заговорила другая тётка возраста ближе к пенсионному, спросила, где трамвайная остановка. Опять показал, объяснил, отправил на ту же самую остановку, что и в прошлый раз. Зачем мне были посланы обе эти бабы с одинаковым вопросом, зачем и туда, и обратно? Что это означало и кто это был?

* * *

Сigaretная бумага. Ощущение, что такой у меня ещё не было, что надо бы попробовать с ней скрутить.

Будто бы составлял сборник рабочих записей, делал некие Колины варианты песен туда... Потом спускаюсь с Аней по лестнице из дома на улицу, на выходе я задерживаюсь проверить почтовый ящик, а она выходит. В ящике очень много газет, целая пачка. Потом заберу, подумал. Выхожу, Аня стоит около подъезда и ждёт меня, рядом с ней какие-то люди. Мы уходим.

* * *

По каким-то общим делам едем в автобусе, вроде как даже и домой. Общаюсь с мужиком, который принимает решения относительно маршрута автобуса. В общем, начальство. Разговорились и осознали, что имеем общее прошлое: помним, как в середине девяностых было здорово и клёво на Москваре, все эти уютные значные местечки и достопримечательности. Вспоминаем о некоем здании где-то в том районе, около железнодорожных касс, решаем туда заехать (мой собеседник легко меняет маршрут, через то здание, а остальные безмолвные пассажиры сидят молча и принимают всё это покорно, их как бы и нет). Приезжаем. Народ снуёт, ощущение как от Москваря первых лет после распада страны. Здание пустоватое, но явно офисное. Мы ходим и смотрим, вспоминаем ощущения. Вспоминаем также, что тут была одна из первых хороших пивных, я вспоминаю длинные залы с лавками и столами (тоже длинными), где стоя пили. Ощущение уюта и ностальгии. Приятно. А через несколько лет я вешал там ту дикую люстру в центральном зале вокзала. Вешали по ночам.

Потом где-то в районе Куба, но там не Куб, а подземное хранилище зерна (типа склада). И я тут вроде как и временно, но явно свой. На земле прямоугольные, стального цвета, железные люки – доступ к зерну. Пока никаких погрузок-разгрузок нет, все люди тусуются спокойно и не суетятся, стоят, общаются. Я один иду, смотрю на всё это как в первый раз, кого-то знаю среди людей, но не разговариваю ни с кем. Просто иду мимо них в какой-то медвежий угол.

* * *

Весьма странные, но последовательные видения. Всё показывалось очень чётко, реально, события представляли собой структурированные и логически меняющиеся истории, связанные друг с другом. Ощущение какого-то успеха и могущества не покидало весь сон. Сначала была непонятная суета, мы будто бы втроём за каким-то забором прячемся, один из спутников даёт марки. Они двое принимают, а я что-то торможу. Вдруг вижу: к нам бегут менты. Я срочно скидываю марку на пол, они врываются к нам, но у меня осознание предвидения, что правильно сделал, что не стал лизать и успел скинуть, ибо теперь против меня ничего нет, даже и отмазываться не пришлось.

Вспоминается момент, что на какой-то дороге в грязи лежит швейная машинка Зингер (маленькая, типа Подольской, с полукруглым кейсом), я её поднимаю и открываю кейс, интересуюсь состоянием, не раздавлена ли машинка внутри... Но не беру её с собой. Потом я оказываюсь в каком-то странном кабаке-ресторане, куча людей, но все по группам. Знаю, что там какие-то знаменитости. Мы с кем-то сидим за столиком, шутим, непонятный весёлый человек жмёт мне руку, мы как друзья, за что-то он меня ценит, я всех заболтал. Все это видят и начинают смеяться, подходят какие-то тётки, что-то трём и смеёмся. Дальше ощущение того, что я в каком-то таком же заведении, тот же контингент, как вдруг ко мне подваливает тот самый мент, который нагонял за кислоту. Мы беседуем, он почему-то интересуется батареей, что да как... Какая-то нездоровая хуйня, но я его натурально забалтываю и отмазываюсь.

Потом на тёмной лестнице стою и говорю с П, он смеётся, мы шутим, непринуждённая беседа, меня хвалят и за что-то ценят, я непрерывно гоню, меня слушают как пророка. Напоследок мы жмём друг другу руки.

Потом аналогичная ситуация, но уже с почему-то с П, он широко улыбается, зубы белые бросаются в глаза, смеёмся, П меня почему-то за что-то ценит и бережёт, я забалтываю вообще всех-всех вокруг, потом сердечно жмём друг другу руки, после этого старюсь увиливать и отмазываться от всех. Среди них, впрочем, по ощущениям, есть и знакомые люди. На них я реагирую, само собой, хоть и с неохотой.

Общее ощущение могущества, хоть и не очень-то заслуженного. Но всё закончилось без краха, на энергетическом подъёме, хочется сворачивать горы и делать что-то гигантское. Приятное ощущение.

* * *

Какая-то преступная суета сует, беготня, преследования, подозрения. Ничего опасного, я порой даже в роли расследователя и спасителя. Секретные этажи, куда меня допускают. Спасение некоей жертвы, я на лифте поднимаюсь и стараюсь отвлечь стреляющего, распыляю огнетушитель. Обнаруживаю, что моим телефоном кто-то пользовался, там какой-то архив, разворачиваю его, но понимаю, что пользовалась Полина. И уже под

конец сижу на стуле и жду, справа рядом сидит бабушка моя, Клавдия, и держит на своих коленях, в своих руках, голову моего дедушки Ивана. Причём он, по идее, должен бы лежать, положи голову ей на колени, но я этого не знаю – вижу лишь бабушку, сидящую рядом со мной и держащую голову дедушки. Она гладит его по волосам, лбу, щекам.... Она его нежно и с любовью гладит, говорит с ним... И вот мы сидим и ждём, я слева, а они справа. Мы даже на каком-то приёме у чиновника или социального работника, или у кого-то типа этого. И он что-то спрашивает у бабушки про деда. А она так грустно-грустно отвечает ему: «Ванюша? Да он уж с полчаса назад как умер». Я, услышав это, начинаю считать: дед 27 года рождения, значит, ему сейчас, в грядущем 16 году, было бы 89 лет, а бабуле 90. Бабушка продолжает гладить его по голове, волосам, лбу... Закрывает ему глазки... Сначала я подумал: и чего она сразу не сказала, что он полчаса назад умер, а мы тут сидим, будто он живой. А потом вдруг так невозможно стало, совсем-совсем... Слёзы потекли из глаз даже немного, я ещё подумал, а уместно ли... Но стало чуть полегче.

Бабушка Клавдия умерла в больнице на Гребешке лет двадцать назад. Дедушка Иван умер в больнице на Маяковке лет десять назад. Он мне в детстве был как отец. Я рад, что повидал их сегодня.

Утром прилетела синичка и села на сетку окна, постучалась в неё – и улетела... Днём узналось, что этой ночью умер Юра Залуцкий. Когда-то у него на аватаре была изображена маленькая разноцветная птичка. Возможно, это он прилетал утром попрощаться.

* * *

Долго звонил телефон, я сплю, наконец-то отвечаю на звонок. Там молчание. Говорю (весьма сонно, даже как-то пьяно): «Да, я слушаю», но на той стороне опять молчат.

* * *

Нахожусь в непонятном помещении, что-то типа медпункта, ощущение реальной пользы. Спасаем людей, которые периодически появляются всё новые и новые, но суеты нет, всё под моим контролем. Потом еду в маршрутке, там какой-то непонятный человек, типа уголовника, какие-то конфликты рядом вокруг, у него появляется кость в горле. В итоге благополучно покидаю это всё. Как воспринимается конечная остановка, где все выходят из салона и расходятся по всем сторонам, их уже больше ничего не сдерживает и не соединяет, никто никому ничего не должен, все незнакомы... Ухожу оттуда, и попадаю вроде бы в Щербинки, там мама и батя в том числе. Мы покидаем прихожую, разувшись и раздевшись, и входим в комнату, но я как-то задерживаюсь – и большой чёрный котяра лезет мне на руки. Марс. Я сажусь на стул и беру его на колени, глажу, а он ко мне поворачивается и начинает по-человечески осмысленно говорить. И предупреждает меня в том смысле, чтобы я его умение не выдавал никому. Мне приятно ощущение, что он со мной поговорил и что больше никто этого не знает, вроде секрета или тайного знания. Вроде бы, этому предшествовал разговор об этом коте с кем-то из наших, но этого я уже точно не вспоминаю. Потом мы или там, или уже где-то в другом месте, но тоже вокруг со мной все наши: точно помню, например, Настю, Полину и Аню. Какая-то суета, что было до неё – забыл... Сидим и куда-то собираемся активно, собираемся, собираемся. Мы всё медлим, опаздываем. Я вдруг ощущаю, что очень хочу заскочить куда-то «к себе» в нору, только вот куда? Попадаю туда уже один, чищу зубы, но видя, что уже точно везде опоздал, никуда уже не тороплюсь. Потом мы с Аней попадаем на Мызу, там некое подобие рынка, там ад, суета из машин и людей, какая-то стройка-перестройка,

полнейший дурдом. На входе столик с пропускной системой или справочной, где девку достаёт народ вопросами и консультациями. Прямо за ней умывальник, тут же рядом жарят шашлыки. Пиздец, думаю, невероятное что-то делается. Но понимаю, что в любом случае всё это безопасно, не представляет ни уныния, ни безысходности, ни опасности – в любой момент можно просто уйти отсюда. Аня меня везёт направо в хозяйственные помещения (она явно тут бывала ранее), какие-то открываем двери, двери... Людей уже нет вокруг никого. И попадаем в комнату, где ванна, умывальник и т.д. Только мы вдвоём. Ощущение, что наконец-то добрались до спокойного места. Радость, что нет никаких посторонних людей.

* * *

Слежу и пытаюсь уничтожить некое зло, которое представляется в финале в образе комара, вяжущего сетки. Они представляются мной в виде материала, светло-коричневого, сероватого цвета, очень неплотная вязка, нить крайне тонкая, всё это набирается на спицах. Охочусь, находясь на горке напротив моего дома в Щербинках. Зло где-то в доме напротив, в одном из окон. Оттуда прилетает нечто опасное, я пытаюсь завязывать это... Комар говорит мне загадки, я пытаюсь разгадать. В конце концов, мне понимается, что комар загнан в угол и надо ждать от него сигнала, чтобы окончательно уничтожить. Я нахожусь около лоджий соседнего дома, внизу. Я не один, рядом кто-то, кто главнее, перед кем я в отчёте. Наконец, комар говорит, что будет что-то завязывать, плетёт свои сети, а я смотрю на это как на спицы и вязание, я бью по связанному клочку, вижу агонизирующего комара, бью ещё раз – и всё, освобождение и развязка напряжения, зло уничтожено. Ощущение сделанного дела, ощущение выполненной обязанности. Сделал нечто правильное, так ощущается всё совершённое. Тереблю в руках с недоумением, но с осознанием победы, немного связанного полотна, не понимая, куда его теперь сунуть, деть.

* * *

С Выковым идём по глубоким Щербинкам, ночь, зима, до нас докапываются местные, мы убалтываем их и уходим. Кого-то ищем. Потом подходим к какой-то девятиэтажной панельке, по периметру обросшей бурьяном и кустарником. Я предлагаю пролезть через них к стене и там посидеть передохнуть. Сидим. Ночь, снег, безветренно, иней сверкает от луны. Через заросли видно, что там достаточно большой стадион. Пытаюсь понять, где он в Щербинках такой, но не понимаю. На стадионе и его трибунах достаточно много людей. Всё видно, как днём, и все по-летнему одеты. Мы входим в раздевалку и видим, что команды спортсменов готовятся к матчу. В команде в оранжевой футбольной форме (форма обычная, но футболисты все босые) узнаю Лену из Э-Т. Мы обмениваемся какими-то словами. Выкова уже рядом нет. Иду домой, поднимаюсь по лестнице. Структура лестницы такова, что каждый этаж не в два проёма, в больше. И перед каждым следующим этажом одного из проёмов нет, он как бы сложен и его надо подтянуть и разложить. Несколько этажей я преодолел, но с одним из последующих что-то не получилось и я позвонил в чужую квартиру, дверь оказалась открытой, я вошёл. Там из комнаты вышел незнакомый мужик и безо всякой претензии поговорил со мной, я всё объяснил, он понял. Наконец, попав в свою квартиру, замечаю, что когда гостила мама, то осталась переверорощённой полка комода с постельным бельём. Почему-то эта полка прямо под аппаратурой. Я раздражён этим, звоню ей, но старательно избегаю сказать что-то грубое. Обращаю внимание на то, что на стыке большой комнаты и прихожей на полу щель, из которой поступает вода, образуя заводнённый участок прихожей. В квартире пар. По ощущению, это обычное дело, меня это не особо взволновало. Но при этом я осознаю, что сейчас вода поступает. Открываю входную дверь. В квартиру очень здорово брызнуло

водой с пола коридора. Решаю спустить воду через ванну и раковину, открываю краны. Решаю, что так вода будет активнее уходить почему-то. Иду в прихожую. В том месте, где коридорчик к кухне, нахожу прореху в полу, там плавает огромная доска или бревно. Я наступаю на него ногами и качаю, пытаюсь утопить. Это получается, я в состоянии спокойного дела беру и кладу в карман свою стальную линейку и ухожу. Ухожу по такому делу: мне надо попасть на Свердловку, иду я примерно от Чёрного Пруда, но срезаю путь и иду через дворы. По пути старый дореволюционный особняк: стёсанные столетиями ступени, характерные особенности архитектуры типа Кремля. Понимаю, что в этом здании учится Полина, решаю посмотреть здание изнутри. Внутрь всех не пускают, но я проникаю и как шпион крадусь по коридорам. Всё внимательно исследовав, пытаюсь выйти на улицу, но замечаю в одном из коридоров открытое окно, я подхожу к нему и вижу через него Свердловку. Понимая, что через окно туда не пролезть (неимоверно толстые стены и мелкое окно к Свердловке приобретает конусность, через которую я просто не пролезу плечами), выхожу через дверь, куда входил. Меня замечает охрана: высокий мужик в кожаных сапогах, плаще и фуражке, вылитый Дзержинский. Я его заговариваю, успокаиваю и спрашиваю, как пройти на Свердловку. Он охотно показывает мне дорогу, после чего я обхожу особняк слева и попадаю туда, куда шёл. Обломок стальной линейки всё это время был у меня в левом кармане.

Далее обрывочно: помню свою школу, какой-то очень дефицитный билет на хоккей в Дворец Спорта, я его кому-то дарю. Потом АЮ дарит мне два билета на хоккей, но там тренировочные матчи, откуда-то она их достаёт и отдаёт мне, она была очень добрая, хорошая и очень понятная, мы около машины на Корейском. Потом в школе мне надо что-то делать, я совершаю некие манипуляции и дарю один из тренировочных билетов бате, он радуется, мы договариваемся ехать вместе. Ощущение нахождения в нашем старом дедушко-бабушкином домике-даче. Это какие-то выходные дни, какие-то планы, всё безопасно и даже где-то неплохо.

Последнее – на меня смотрит Аня и я замечаю в её глазах набухшие слезинки.

* * *

Суэта вокруг примочки: у меня она как-то неправильно работает, я с трудом нахожу блок питания, от которого она работает хорошо (при этом есть чёткое понимание, что больше ни у кого такого блока нет, или, по крайней мере, нет такого у тех, с кем я в споре). Обладая пониманием подводных камней в плане коммутации конкретно этой примочки (похожа на лель-ЦЗ старую), я нахожусь на пути доказывания кому-то решающему подобные вопросы. Припоминается конфликтная ситуация с владельцами данной ЦЗ (или гарантийщиками – не разберёшь теперь), но я уверен в том, что успех будет со мной. Всё это происходит в местах с домами частного сектора, типа Мызы или Ольгино (не там, но как-то так: свои дома, выход на улицу тут же). Ещё припоминается что-то про плитку.

Утром, перед тем, как уже уснуть, лёжа в койке и задрёмывая, сквозь сон слышал, как на оконный карниз прилетела птица и стучалась по нему или же царапалась лапами. Было это на самом деле или уже снилось – не знаю.

* * *

Сначала я один дома на Ванеева, пытаюсь заснуть в спальне. За окном очень мрачно, почти темень. Огней нет, воеет метель, снежно. Мне кажется, что дом падает на бок, я как-то внутренне группируюсь. Потом через окно залетает огромный шершень, я понимаю, что поймать или убить его наяву не получится, поэтому надо заснуть и во сне его

прихлопнуть. Засыпаю, дожидаясь, когда он сядет на одеяло, бью по этому месту рукой, осознаю победу и выкидываю его из дома и сознания.

Идём с Аней домой на Ванеева по улице от остановки около танцевального клуба, она по телефону отвечает на какой-то идиотский опрос, я краем уха слышу, что что-то там про мужа, семейную жизнь... Она говорит, мол, я вот ждала-ждала и дождалась своего человека, он говорит, что ему нельзя становиться старше, что надо быть всегда немножко сумасшедшим. Подходим к подъезду – а дом уже вроде как на Голованова. Заходим в лифт, я нажимаю не 7 этаж, а почему-то 8. Решаю, что так кнопка сработает. Поднимаемся на 8 и идём в квартиру к Рузьевым. Там никого нет. Проходим в дальнюю комнату и ставим в холодильник только что приготовленную в нашей старой скороварке еду. Потом решаем поесть. Аня хочет есть прямо там, но я говорю ей – пойдём уж поедим к нам домой, на 7 этаж, а то тут чужая квартира, как-то неудобно... Без спроса всё-таки. Она соглашается. Идём; я захожу на кухню, а там внезапно оказывается вернувшийся домой Василий и ещё какой-то мужик. Мужик недоволен, Вася тоже неодобрительно качает головой. Я хочу оправдаться, начинаю издали: у тебя, дескать, телефон-то работает? Он говорит – да, работает. Я беру свой и хочу его набрать, продемонстрировать, что или не работает, или что-то ещё... Непонятно на что надеюсь: что не зазвонит, что ли... Думаю, не поменять ли его номер экстренно, чтобы вроде как и звонить, но не ему. Кручу телефон в руке, пролистываю телефонную книжку... Короче, дебильное состояние.

* * *

Стремительные перемещения и изменения обстоятельств. Ничего конкретного. В конечном итоге складывается такая ситуация, что приходится искать элегантное решение некоей проблемной обстановки. Я иду в районе своей школы, только что пообщавшись с опасным гнилым человеком, ответственным за один из районов, и придумываю хитрое решение, что надо его особым образом подставить. Чтобы перевернуть ситуацию, при которой невиноватому было выгодно признать себя виноватым, т.к. это будет более лёгкий исход для него. Короче, очень элегантное решение, хоть и сложное в реализации, скользковатое. Я рассказываю это Чиргинскому и убалтываю его проверить эту тему. Мы встречаемся поздно вечером на стоянке около моего дома, садимся в машину (он за рулём, я рядом, на заднем сиденье кто-то третий) и едем. Игорь всю горит идеей, эмоционально рассказывает план, придумывает элементы и детали реализации, а я как бы в тени: типа законспирированного, который нарушил тему и ушёл от публичного участия. В случае успеха буду не самым главным триумфатором, но и в случае неудачи виноватым не буду. Хуйня такая. Подлая. Но, как говорится, «одно общее дело делаем»...

* * *

В силу обстоятельств (как некое наказание), мне приходится делать несвойственные мне вещи, порой даже неприемлемые и вызывающие. Бегу в странном внешнем виде чуть ли не на четвереньках по Ошарской со стороны Эталона, сверху вниз. Ощущение большой скорости: я, вытворяя это, полностью понимаю, что меня никто не догонит, поэтому чувствую безопасность. Люди видят меня, обращают внимание и неодобрительно, с презрением, отворачиваются. Так я делаю несколько раз, народ на остановках даже стал замечать уже не только и не столько меня, как моё неоднократное мелькание туда-сюда. Наконец, спустившись по Ошаре, я попадаю во двор своего дома в Щербинках. Какой-то важный для меня человек, которого я не могу не знать, мне несколько раз предлагает что-то сделать, что избавит меня от всего этого бреда и обстоятельств. Для этого мне надо куда-то пройти через некие абстрактные преграды и проверки и там побыть несколько дней, делая это. Я соглашаюсь и иду туда с Алексечевым и Арбамовым, нам сказано

подняться на третий этаж соседнего дома. Там всё сделано современно, технологично и здорово: лестницы, оборудование и т.д. Санёк заглядывает на 2 этаж, где слышится женский смех и голоса, но никого не видно; я ему напоминаю, что нам надо на третий. Мы уходим со второго и поднимаемся выше. Там смотрят фильм. Он показывается на большой плазме на стене. Вокруг некоторое количество людей, но они заняты своими делами. В финале фильма показано крупным планом, что две руки (вернее, две кисти рук) борются с песком, который засасывает их в себя. Песок заваливает кисти рук собой, но руки раз за разом разгребают вокруг себя пространство и не пропадают из вида, борясь и выбираясь наверх. Я замечаю, что на пальцах обеих рук несколько колец. Обращаю на это внимание, мне приятно видеть кольца. Акцентирую на данном факте присутствия в видео кольца Анино внимание, которая рядом и смотрит фильм со мной. Она тоже замечает. Досматриваем видео до конца. Ощущаю, что это сон и что кольцо из не-сна попало в сон – ощущаю грань между сном и не-сном, поднявшись в понимании этих состояний на уровень выше, наблюдая и препарируя сон и не-сон как бы со стороны.

* * *

Какие-то дела с АЮ. Мы где-то за городом, отдельный дом, дорожки, мы готовим в доме еду, а она должна приехать зачем-то к нам. Потом видим: приезжает, из машины выходят люди, начинают как-то радостно носиться и играть во что-то, а Настя стоит в сторонке. Приехали, в общем, но я всё это наблюдаю из засады. Потом вижу, что машина уезжает и понимаю, что этот приезд не более чем какая-то маскировка, нужная для какого-то дела.

Суетливые мелькания, ничего особо конкретного. Что-то пишу, от меня ждут чего-то... Гужов пишет про меня, я про него, ещё про кого-то, всё это потом в газете – короче, некая бурная жизнь девяностых, но с осознанием того, что инструменты воздействия и осознание стали нынешними.

* * *

Чувство участия в долгой стратегической игре, в некоем глобальном шпионаже, когда живёшь в легенде и чтобы не провалиться, сам веришь в то, что задекларировано. Все вокруг как-то пытаются проявить участие, многие отводят глаза, но в основном народ узнаёт и как-то шушукается аж. Езжу на какой-то маршрутке, чувство дороги бесконечной. Потом попадаю на Электрон, где вроде как работа – магазин. Народу много, также много и продавцов. Меня пытаются спросить о всяком. Уводят из зала, я даже и включаюсь в работу, но всё равно себе на уме и в сторонке. Понимание того, что я тут хоть и за своего, а мне не хочется находиться здесь долго, и я ищу варианты уйти.

Дальше непонятная сцена: я в группе людей, какая-то закрытая территория за забором, лето, мы чего-то тусуемся и непонятно во что играем, какая-то игра спортивная, но это вроде бы и работа. Представляется, что мне это всё привычно и я в этой теме уже давно. К одному из коллег должны приехать родственники, они приезжают. Жена, дети. Уже ощущение, что это и не работа, а семья большая, идут семейные тёрки. Но у нас дела, мы заняты. Говорят жене коллеги, мол, вы пока погуляйте, а нам надо сделать всякое-разное. А она в ответ достаточно злобно и настойчиво заявляет, что останется тут, ибо ехала сюда не гулять, а к мужу. Тут этот её муж, наш коллега, выходит вперёд серьёзно командует ей: а ну-ка, гулять пошла и нам не мешай, в этом роде как-то скомандовал... Она с дочерью валит, мы подходим к коллеге и удивлённо говорим, дескать, ну и ну, во даёшь... А он так смущённо стоит... Но мы заняты делом, нам надо время, и нас не надо отвлекать. Короче, поощряем его.

* * *

Частичное беспамятство. Вспоминается лишь фрагмент о трансформации колец. Как будто бы я через некие коммуникативные средства странным образом обновляю свойства, что-то там запустил... Пишу об этом... Потом оказывается, что на кольцах теперь какие-то мистические слоны. Присутствуют непонятные надписи. Не понимаю, как мне ко всему этому относиться. Вообще не понимаю.

Потом еду в общественном транспорте типа маршрутки с кем-то из давних знакомых, мы беседуем. Помнится Узалёв. В результате принимаю решение вернуться на работу, но стою перед выбором: либо работать математиком, либо журналистом. Размышляя и взвешивая все аргументы в пользу журналистики, понимаю, что математиком тоже можно будет работать, потому что работа предполагает какие-то более-менее понятные дела. Короче, оказываюсь на работе. Коллектив старый, все ко мне проявляют внимание и пытаются как-то мягко пообщаться, что-то обсудить... Что характерно, по ощущениям, офис огромен, и он типа школы, где я учился, но при этом он с цехами-ангарами и находится в центре города, а также это всё ещё и больница. Так вот. Поговорив с народом, попадаю в цех, там Новышев управляет безумным манипулятором, мы договариваемся о чём-то. В общем, потихоньку пытаюсь входить в процесс, узнаю новые дела и уже высказываюсь, советую. Потом с кем-то говорю и узнаю, что тут работает Рузьев. Сразу же мысль: у него же есть машина – и понимание, что он и я живём будто бы всё ещё в нашем старом доме друг над другом, следовательно, буду с ним ездить на работу. Решаю его найти и поговорить. Ещё был какой-то разговор, там вроде бы были и Ливин, и Игорь. Разговор был про деньги, что надо зайти и забрать. Заходить надо было туда, где в школе учительская. Иду по коридору и сталкиваюсь с Ехровым. Здороваемся. Он пополнел. Встреча как-то с холодком проходит, мне не особо приятно, впрочем, как и ему. Но он дружелюбен, мы о чём-то поговорили. Вхожу за деньгами - и понимаю, что их надо забирать из общаги недалеко от площади Минина. Ищу по бумажке нужную комнату, там люди убираются и ремонтируются. Нахожу нужную комнату. Было ощущение, что я там уже был, и что деньги в бумажном свёртке были сверху на таком небольшом холодильнике, а теперь вижу высоченный шкаф холодильника. Какая-то тётка. Спрашиваю, она неохотно, но подробно говорит, что сейчас, дескать, не очень удобно всё отдавать, просит прийти через пару деньков – ну, скажем, в понедельник. Устроит ли меня это. Меня устраивает. Спрашивает, есть ли у меня документы для подтверждения того, что деньги мои. Документы есть.

Ещё было ощущение больницы, что я там либо работаю, либо лежу – короче, нахожусь там не на минутку, а надолго, кого-то ищу и шарахаюсь по коридорам и палатам. Но это было совершеннейшим образом в параллель с моими делами в офисе родной школы. Видимо, в видениях это всё было одним и тем же.

* * *

Беспамятство на 99 процентов. Вспоминается только лишь сюжет про какой-то дом, где жили явные иностранцы, два ребёнка-мальчика лет семи сидят на диване, потом входит отец и как-то наезжает, вернее, подавляет активностью. У мальчиков есть собака, он пытается её отнять. В итоге я ощущаю, что один из них тупо с ним соглашается, чтобы батя отстал, а второй упрямо и даже зло заявляет: «Это моя собака!». И с достоинством уходит прочь. Никто не ожидал.

* * *

Я жарю мясо, разное по сортам, на одной сковородке. Как-то по-особому выкладываю кусочки, это имеет большое значение.

Потом ощущение работы, рабочего процесса, но я всё ещё в квартире. С незнакомым мужиком, отдалённо напоминающим Обухонского, ждём информации из банка о поступлении денег. Денег нет и нет. Мы сидим и чего-то ждём, ждём... Становится ясно, что всё срывается. Я стою на лоджии с чётким осознанием того, что кого-то сбросил вниз, какое-то животное. Мужик идёт на кухню, там совещание. Я стою в прихожей, у меня тоже какая-то рабочая суета, но ощущение своей незаинтересованности во всём этом, своей отстранённости – меня всё это не касается, я сам по себе.

* * *

Яркие, но обрывочные воспоминания. Будто бы мы с коллективом то ли выиграла, то ли добились поощрения и узнаём, что нас повезут на крышу телевышки для экскурсии. Мы в Москве. Едем. Рядом сидит Выков. Нам сказали об этом только что, всем ужасно интересно, Лерич вообще впервые на таком мероприятии, а я вроде как был уже, и мне не в новость то, что будет с нами. Въезжаем в башню и начинаем резко ехать вверх по чрезвычайно крутой дороге. У всех аж дух захватывает. Автобус так наклонился, что все буквально лежат – едем почти по стене, только скорость не даёт автобусу упасть назад. Особенно тяжело тем, кто едет стоя. Наконец, приезжаем на крышу. А там воздух, офигенные просторы... Рядом видим крышу одного из зданий Кремля, тоже какая-то смотровая площадка, там группа людей, глядя на которую я чётко знаю, что один из них – П, спиной, в синем костюме. Я начинаю шутить об этом и говорить, ко мне подходит человек из местной охраны и начинает угрожающе шипеть, чтобы я затих.

Ощущение разбитого стекла от лампочки на полу, на ковре. Пытаюсь его убрать и получаю в руке занозу. Понимаю, что надо вынуть, что опасно, но крови нет, ничего нет. Какая-то молодая деваха рядом тоже хочет убираться, совочком и щёткой сгребает стекляшки, их много, я говорю ей, что щёткой и совком нельзя, что надо руками, но очень аккуратно, чтобы не порезаться... Во рту ощущение стекла, но не больно и нет крови. Просто понимание того, что мог наглотаться.

Мы в низком помещении, где ряды кроватей. На одной из них сплю я. Просыпаюсь от того, что темно. Вижу, что надо мной нет открыто висящей лампы, она разбита, стекляшки повсюду. Аккуратно встаю и ухожу. Там рядом какой-то человек, которого я знаю, но при этом немного опасуюсь. Прокрадываюсь к Советскому военкомату и проникаю за кусты, где выкладываю на такую решётку-батарею два куса чёрного хлеба. Бегу прочь. Я босиком. Ощущение безумной гонки и погони. Меня начинают преследовать. За мной идёт высокий худой человек. На улице зима. Я иду вдоль высокой панельки, пропускаю его вперёд, а сам бегу куда-то вбок. Выбегаю из-за дома, там сугроб, этот человек лежит в нём, я бью ему чем-то вроде большого маглайта по голове, спрашиваю его про того парня и ту девку, которая мне помогала убирать стёкла – они оба были рядом в сугробе – мол, кто они такие. Фейс отвечает, что они простые люди, никакого подвоха, работают на него. Никакой слежки, просто стечение обстоятельств. Я не верю ни единому слову.

* * *

Учусь в школе, но все ученики уже взрослые. Просят принести свои фотографии, а я забываю. Опаздываю на урок литературы – первый урок, учительница не знает, кто где сидит, а ученики сели как-то нестандартно, поэтому я вхожу в класс и не могу найти себе

место. Училка видит моё замешательство и приглашает к доске. Фотографию я свою забыл, но всё-таки какая-то вдруг появляется, я там в форме, типа после армии. Спрашивают про Маяковского, мол, кто был его соратником и т.п., я что-то отвечаю. После урока попадаю в странный кабинет, меня никто не видит. Но я вижу, как филолог спрашивает про меня и моих коллег по классу у какой-то тётки, явно из ведомства. Та ищет по журналу и находит, читает – оказывается, я жив лишь отчасти. Поэтому сразу же оказываюсь в странном месте, вроде огромного ангара, внутри которого вода, со мной рядом несколько людей, я всех знаю давно-давно, среди них Чубриков. Мы посреди ангара и воды на островке, ощущение нетрезвости – мы после банкета. Чувствую, что ко мне относятся как к старому знакомому-приятелю, и что все знают про моё плачевное физическое состояние. Мы ныряем в воду. Но ныряем странно – ныряем не вниз в воду, а вверх в воду. Выныриваем на куб, где с Чубриковым ходим и о чём-то говорим. Потом прыгаем обратно и попадаем ко всем остальным обратно. Я обнаруживаю, что у меня нет телефона. Начинаю вспоминать – и вспоминаю следующее: на днях мы были в изменённом состоянии, я ехал в общественном транспорте, на меня пялилась какая-то незнакомая баба, я спросил «как дела». Вокруг люди-пассажиры. Аня видит и смеётся, говорит про что-то мне, но мне как-то неудобно... Мы с Аней выходим из автобуса и приходим домой, мы в комнате, свет еле-еле присутствует где-то под потолком. Аня пропадает – она уже в осеннем парке. Я иду за ней. На улице ночь, в парке темно, деревья шуршат ветром листьев, парковая дорога практически не освещается. Иду по дороге и вдруг ощущаю, что уже на следующий день иду обратно к Ане, которую вчера не нашёл но которая уже опять дома в той комнате. Пытаюсь выйти из парка, телефона нет – припоминаю, что вчера куролесил, швырял телефон и был не в себе... Состояние некоей помятости – короче, хуёво и неудобно. Так в терзаниях дохожу до Ошарской, время раннее, ещё часа полтора до рабочего дня. Сбоку, слева от входа, замечаю белую рав4 Полинину, она с Настей стоит около машины и говорит о каких-то финансовых делах. Хорошо, думаю, как раз и поговорим перед рабочим днём. Вхожу в подъезд. Иду в комнату на первом этаже, там та самая ведомственная, которая читала про меня в журнале. Ощущение, что вернулся с войны.

* * *

Режу правую ладонь насквозь. Сломался кончик клинка у чинука, поэтому взял какой-то обычный. Режу ладонь поперёк, мысль – не получить бы заражение. Поэтому резать перестал. Боли нет, крови нет.

Какой-то новый многоквартирный дом, утро, Аня уже за работой и просит не отвлекать. Ещё какая-то непонятная баба с ней, они работают, считают. Торопятся. Потом смотрю – а они играют во что-то. Вечером АЮ пришлёт ко мне почему-то Вамилычеву с какими-то сложными договорами-бумагами для сертификации. И вот они передо мной, читаю их, там что-то про t12, про какие-то параметры, диаметры, и внизу зачем-то перечень авторских прав на самые разнообразные песни. Потом я иду на заводе в цех, вижу перед входом на участок Ливина, он работает на токарном станке, смотрю внутрь участка, там с десяток станков, за одним из них работает Ткашенко. Я смотрю ему в глаза, он на меня. Узнал; он подходит, мы обнимаемся как старые приятели.

Опять возвращаюсь в дом к Ане. Полно народу по квартире, даже Лерич. У нас какой-то праздник. Вдруг кто-то ломится в дверь, бьёт по ней, я говорю Ане, чтобы вызывала ментов, как вдруг по видео-наблюдению вижу, что за дверью возня-бойня и что мы спасены. Я говорю не звонить. Как вдруг дверь всё равно открывают, и к нам в квартиру проходит танцующий гуськом нескончаемый поток людей, хоровод. Они идут, но я не пускаю их к себе в комнату, они не идут... Сажусь в комнате около входа, какие-то левые

люди вокруг, несколько странного вида, они ведут себя крайне вызывающе. Лерич предлагает сходить покурить, мы идём на балкон. Я спрашиваю, как же они всё-таки открыли дверь. Лерич объясняет, что отжали стену с замком домкратом. Ощущение, что мы у него в квартире или доме, и стоим не на балконе, а около входа в Импульс-Стегляшку. Рядом знакомый мужик, но кто - не понимаю. Только-только начинает светать. Садимся в машину, Аня за рулём, едем от Импульса вверх к проспекту Гагарина. В районе Перекрёстка гигантская толпа странных людей, я понимаю, что это те самые танцующие, они что-то воинственно выкрикивают и хороводят. Понимаю, что они к чему-то готовятся, ведут работу и тренировки по ночам, когда им никто не мешает, ибо все местные жители ещё спят. Думаю, что вот так натренируются и чего-нибудь отчебучат. В голове понимание того, что их с каждым днём вокруг всё больше и больше, что они очень агрессивны. Мы прорываемся на машине через их толпу, вырुливаем на Гагарина и уезжаем в сторону центра.

* * *

Еду в маршрутке, народу не очень много. На заднем сиденье едет Павел со своей совой. Так получается, что он куда-то отлучается, а я её держу в руках. Все вокруг смеются по-доброму. Вдруг сова уже не на привязи, начинает летать по маршрутке. Маленькая Люба всё это снимает на камеру. Вдруг начинается потасовка. Я каким-то образом участвую в ней, кого-то бью и защищаю вроде бы немного знакомого чела. Мы все странно прикинуты, вокруг лето. Короче, спасаю его, драка кончилась, я хочу вымыть руки. Мыть негде, поэтому иду к водителю, но вместо водителя какая-то деваха. У неё в ногах таз с водой, я опускаю туда руки и мою их, стараясь не касаться её бёдер в застиранных синих джинсах. Она настроена лояльно, но сдержанно, и предлагает продолжить разговор, но позже. Возвращаюсь в салон. Там Павел героически себя ведёт, беседует с пассажирами, их уже совсем-совсем мало. Беседа про болезни, про опухоли. Вдруг моя маман спрашивает Павлика, типа, а у тебя чего? Он называет некий сложный диагноз, что-то в спине. Говорит, мол, пока без операции, но лечусь. Ну и ну, думаю... Павлик хороший и душевный, добрый. Но при этом я на всякий случай дёргаю маман за руку, передавая ей взглядом, что не надо продолжать. Люба показывает записи замедленной съёмки драки, как улетела в окно сова. Запись очень качественная, смотреть на совиные движения очень интересно. Она вылетела из окна маршрутки и попала в какой-то подъезд с комнатой, всё это обито деревянной рейкой. Светит солнце, лето. Заодно Люба показывает другие съёмки такой же замедленной камерой, где снят её джунгарик. Очень интересно сделано, да и вообще занятно посмотреть. Мало того что замедленная съёмка с очень хорошим качеством, так ещё и настолько вблизи...

Что-то во что-то переименовывают, я бешусь, новое название созвучно с болгарским Балкантоном. Кричу, что пусть хоть в Балкантон переименовывают, хоть во что угодно – плевать мне!

* * *

Связующих нитей нет, только обрывки.

Какие-то постоянные «туда-сюда», вдруг две овчарки подходят и как-то прижимаются-приваливаются на меня, я осторожно стараюсь освободиться, смываюсь домой. Попадаю домой. Вроде как живу не один, вокруг знакомые мне люди по работе и не особо близкие. Знаю их только по службе, а тут приходится открываться в быту. Ощущение забавных ситуаций, типа открывания им (а они – мне) привычек сугубо домашних. Я контролирую ситуацию и не позволяю выйти из-под контроля событиям. Пытаюсь зашнуровать новые

кроссовки, там странная система шнуровки. С удивлением обнаруживаю камеры. Вдруг Моркецова рядом смотрит и хвалит эту систему. Я рассказываю, что будет удобно куда-нибудь идти, а кроссовки всё пишут потихоньку.

Иду по делу, сажусь в маршрутку, она полна людей. Я не удивляюсь этому, сразу же закрываю открытое хайло сверху, чтобы не дуло. Один из людей говорит, типа, жарко же будет. Отвечаю, что я ужасно не люблю сквозняк и что помру с открытой форточкой. Человек улыбается и соглашается закрыть.

Выхожу в районе Лядова и иду по Костина к Горького, по левой стороне. Солнечно. Постоянно попадаются собаки, одна из них валяется на тротуаре и спит, на голове у неё кепка. Я не один, не помню только с кем, мы это видим и смеёмся.

* * *

Я на какой-то выставке, меня хвалят за мой вид – на мне кожаное, до середины бедра, пальто, отлично сидит всё...

Игорь Поряков хвалится, как проводит время: он только что встал, бодрый, домашний, а мы уже уставшие и вымотавшиеся... Кто «мы» - без понятия. Такой диссонанс состояния. А он рассказывает о чём-то, медленно всё так говорит, как актёр Табаков.

Беседую с каким-то человеком, чиновником, вдруг он видит у меня на пальце кольцо, узнаёт его и идентифицирует, тут же начинает относиться по-другому. Один глаз светился очень ярко.

* * *

Суета, связанная с Полининым обучением. Заботы, заботы... При этом ощущение, что будто бы я тоже где-то учусь. Лето, иду на улице по лестницам неглубоким, где-то на Свердловке, как вдруг понимаю, что я не хожу на физкультуру из-за здоровья. А ведь первый курс и я не знаю просто, вдруг надо будет обязательно иметь минимум 3 оценки для аттестации, чтобы не выгнали на первом же семестре? Значит, надо зайти к физкультурникам и предложить написать рефераты, что ли... Не знаю... Думаю я всё это уже будучи в каком-то автобусе, еду в училище. При этом поразительное ощущение присутствия рядом Саши Алексечнева и Вадика Подпорожского. Ощущение, что я с ними имею некие дела и что одновременно нахожусь у Саши в гостях. Надо куда-то с ним ехать, но у меня нет сил, возможно просто болезнь, но всё-таки я начинаю идти, ехать, вокруг люди, мне отвратительно, но знаю цель: вернуться обратно в нору. Только это и даёт силы.

Вижу сигареты, фильтр которых я примерно наполовину отрезаю ножницами. Кто-то из вышеперечисленных просит покурить, смотрит мои сигареты, перебирает их и не понимает, зачем фильтры у всех укорочены.

Непонятно где листаю какие-то книги, которые реализованы в виде постов. Вдруг на одной из страниц передо мной появляется человек, он забирает у меня кольцо и даёт вместо него какое-то новое: не идеально круглое, а такое вытянуто-овальное, с некоей длинной штукой сверху. Непонятно, как носить, тем более оно побольше моего старого. Неудобно. Сожалею, что моё кольцо, уменьшенное с моей подачи, куда-то уходит... Потом листаю дальше до страницы, где описывается о браке при изготовлении того кольца, которое мне дали. Рассматриваю: там снизу какая-то горизонтальная полоса,

видимо это и есть брак. Над полосой непонятные рунические или наскальные люди-звери-символы одной линией – якобы, это всё для влияния на погоду. В общем, совсем не замена старому кольцу по функциям. Тогда зачем же мне его заменили?

* * *

Бегаю-ношусь по школе. Полина в чём-то виновата, она ездит от нас с Аней на коньках, мы бежим за ней, чтобы уберечь от ошибки. Школа не совсем школа, а как большой магазин с высоченными, как в спортзале, потолками. Она всё время успевает от нас убежать. В конце концов, Полина оказывается загнанной в угол, и чтобы как-то вырваться, говорит нечто обидное для меня. Я её не виню, но решаю применить хитрость: сам, будучи на коньках, уехал в какие-то дальние залы, надел капюшон и лёг на лёд. Вижу, откуда-то сзади Полина, потерявшая погоню, выезжает из-за угла – я её ловлю. Потом сам ношусь по лестницам и пытаюсь что-то спрятать-скинуть. Мне то и дело попадаются на пути учителя, просто люди. Я старательно их или избегаю, или перегоняю. Прыгая с лестничного проёма на проём, буквально лечу. Где-то на первом этаже скидываю банку-жестянку с напитком, ещё где-то прячу пакет... В итоге всё успешно получается, я «был таков», как говорится.

Аня преподаёт английский язык, репетиторствует. Я ей говорю, что провёл анализ старых фотографий и новых материалов в сети и вычислил, где Оля Диакрёва. Спрашиваю Аню, как зовут ту девочку, которой она преподаёт язык. Она называет имя. Я уверен, что она дочь Диакрёвой. Спрашиваю, кто приводит девочку на занятия и прошу мне подсмотреть за её мамой. Ане становится понятно, почему они ходят на уроки к ней – а уроки проводятся в щербинковской квартире, где Оля была в своё время. Фотографии Оли: она там под двадцатые годы прошлого века, в очках, такая строгая девочка или девушка, но чувствуется очень гибкая и красивая телесная кошачья, чёрные длинные волосы... Ностальгии у меня нет, исключительно исследовательский импульс. Тем более Оля здесь совсем не похожа на Олю из моей молодости.

Какой-то невнятный человек сделал так, что из пожилого старичка выделил молодых парня и девушку. При этом, по желанию невнятного, всё можно было вернуть, слить обратно в старичка. Поэтому они были у него в рабстве, в каком-то роде... Например, парень давал ему прикурить через замочную скважину. Маразм, короче.

Забавно. В какой-то момент я или передаю, или прошу Аню подать достаточно большую крышку от кастрюли. Несколько раз прошу. Вдруг осознаю, что я произношу это вслух, реально. И Аня, ничего не понимая, у меня спрашивает, что за крышка... Я понимаю, что она ничего не понимает, но т.к. мне, будучи в системе сна, всё понятно и логично, решаю не конкретизировать ей суть проявления и просто-напросто обратно проваливаюсь в сон.

* * *

Примерно в районе детского садика, мимо которого ходил домой, в колонне одной из веранд я выдолбил некое потайное дупло, встроил там наподобие заслона – получился тайник. Якобы у меня там хранятся важнейшие предметы, документы, какие-то бутылки... Что-то важное и секретное из дома в Щербинках я перетащил туда. Дома меня окружают явно давно знакомые люди по работе. В один момент спокойствие нарушено тем, что кто-то из них запросто сумел из того тайника при мне достать предмет. Я понимаю, что тайник легкодоступен при желании всем, если они проявят интерес к этому. Поэтому я срочно эвакуирую оттуда ценности, всё успеваю, ничто не утрачено. Усиленно думаю над модернизацией тайника, его дверцы. Кое-какие варианты в голове есть.

* * *

Иду в районе площади Жукова. Там территория, обнесённая забором. Внутри забора площадка, поросшая травой и кустарниками, через которые натоптаны дорожки и ходы. По ним ходит народ в неизвестное мне учебное учреждение. Иду оттуда. Там только что проводился эксперимент, суть которого уже не помню, но ощущение от всего этого какое-то стрёмное и неприятное. Иду и понимаю, что иду не просто за забор, а куда-то по делу: надо ехать или лететь в другой город. Встречаются какие-то люди, среди которых узнаю Диванова, но натягиваю капюшон на голову и прохожу мимо. Не хочу себя выдать и тратить время на никому не нужные обмены словесами, шифруюсь. Иду с кем-то из знакомых. На одной из дорожек развилка, я пошёл в левую часть выхода из забора, знакомый в правую. Мы оба ждём информацию. Около выхода он (я смотрю на него издалека) видит на заборе или двери что-то типа стенгазеты, на которой эта информация написана. Он кричит мне. Делаю ему знак, что заметил его. Он пытается читать текст, но я не слышу, я ору ему, чтобы он всё это сфотографировал и мне послал. Он делает, вроде... Выхожу из забора и попадаю уже в зимнее мрачное, по ощущениям – остановка Щербинки-2 в сторону города. Там народ, почти митинг. Я аккуратно сбоку подхожу и пытаюсь понять, в чём суть дела. Дело меня не касается, но просто надо узнать суть происходящего. Оттуда иду на Голованова. Уже стемнело, смотрю на окна. Горит свет у моих в большой и средней комнате, горит свет у Выковых. Я буквально недавно оттуда выходил по важному делу, и вот возвращаюсь. Припоминаю, что только что там было мероприятие, где кого-то или хоронили, или поминали, связано было с Игорем. Помню, что сидели за одним большим столом, мероприятие проводили Настя и Андрей, там же была и АЮ. Было много аппаратуры, оборудования звукового, в котором я чётко признал аппарат Бивикова, вернее Хранителей: усилки, порталы, мониторы, белый Русстон. Я ещё подумал, что неплохо было бы его спасти, т.к. он никому нафиг не нужен, а то растащат же. Понимаю, что надо идти в первый подъезд, звоню куда-то наверх по домофону, вхожу, но почему-то иду в 1 квартиру. Вижу там сидящего на стуле Диванова и Крюкиных рядом. Мы начинаем говорить про ту стенгазету на заборе, я спрашиваю про Диванова – ведь ему надо куда-то вылетать очень скоро. Крюкины говорят, что он перебрал, но вроде уже всё в порядке более-менее. Настя говорит, что у меня на лбу шрам. Я смотрю на свой лоб, там над правой бровью есть шрамик, но небольшой, крови никакой нет, почти незаметно. Иду куда-то уже в другую квартиру. Там АЮ кому-то отдаёт распоряжение дать денег. Мол, аппаратуру сожгли на мероприятии и она оплачивает аппарат, денег за него говорит дать, сотку Диванову. Я протестую. Говорю, что не стоит тот аппарат столько денег. Она роется в бумагах и даёт мне цены на оборудование. Я в курсе цен и говорю, что это или это, например, стоит значительно дешевле, копейки... И вообще аппарат мой, а не Диванова. Изначально аппарат был Хранителейский, а покупали его им другие люди, вообще при чём тут какой-то Диванов? Мне показывают, что в аппарате сгорело. Показывают усилки, сзади показывают куда-то рукой, я отвечаю – ну да, транзистор сгорел, можно же перепаять, никаких проблем. Показывают Русстон: фloyd без пары сёдел, без одного колка и без некоего датчика. Читают мне по бумаге, что сломалось-сгорело, я критикую. За сто тысяч можно купить два таких рабочих полных аппарата.

Звонок в дверь. Смотрю в глазок – никого. Спрашиваю, кто там. Молчат. Приоткрываю дверь. Чувствую, что кто-то есть там, внизу, под глазком, и я эту тяжесть тащу открываемой дверью. Решаю, что на всякий случай не надо открывать дальше – и захлопываю замок. Смотрю в глазок, а там стоит Коля Гужов, средне нетрезвый, в пальто или крытом тулупе. Говорит он мне так, с сарказмом в голосе, типа, Никита Александрович, открывай, я знаю, что ты дома. Открываю. О чём-то беседуем.

* * *

Я у Насти около дома, жду её на лавочке на улице, чтобы ехать на базу. Она предупреждает меня, что с ней поедет её подруга. Подруга её поддерживает, всегда с ней рядом и даже часто за рулём. Я согласен, что на всякий случай это будет весьма кстати. Дом у Насти частный, но не как на Чернышевского, а как где-нибудь на Мызе. Приезжает её подруга, какая-то пухлая хамоватая баба под полтинник и сразу же начинает наезжать на меня, типа, чего это я тут да зачем... Я понимаю, что Настя знала о возможности такого её поведения и специально мне об этом не сказала и не предупредила, поэтому я принял бой и элегантно парировал колкости, и сам колол, стараясь не переходить рамки. Выходит Настя и говорит, что поедет первой. Я остаюсь в доме, запираю дверь. В холле какая-то женщина ждёт Настю, я прохожу мимо неё внутрь, ощущая себя психологически очень комфортно. Думаю, что вот согласился помочь лишь, а уже практически всё время тут. Вхожу в одну из комнат, там пожилая уборщица пылесосит, но пылесос не делает нужное. Я спрашиваю, не засорилась ли трубка? Смотрю – а она вся-вся забита какой-то липкой хуйнёй. Я начинаю раздражаться на уборщицу, требую показать, что она пылесосила и как забила дудку. Она признаётся и показывает, что пылесосила грибы, которые нарезаны и разложены на противне. Говорит она это с вызовом, как «бунтующая натура, готовая послать». Я злюсь, вне себя от возмущения. Иду в бассейн, в большое помещение с окнами по всем стенам. Там плавает Настя. Подплывает к бортику ко мне, я наклоняюсь, приподнимаю-притягиваю её за плечи к себе и целую. Говорю ей, что уборщица испортила всё. Спрашиваю, почему она здесь? У Насти хорошее настроение, она весёлая открытая, говорит, что надо помириться. Я иду обратно и издали завожу разговор, что если убираться с забитой дудкой, то можно спалить мотор, что уже один агрегат я таким же способом спалил. Говорю дружелюбно вполне. При этом совершенно не понимаю, что я тут делаю. И что вообще происходит.

* * *

Куда-то собираюсь ехать или идти. Знаю, что у меня есть некая награда, медаль или орден, я её прикрепляю на одежду, на грудь слева. Медаль за какую-то там отвагу. А Аня смотрит на мои руки. Руки все в мокром речном песке.

* * *

Мне надо куда-то ехать. Переодеваюсь. На улице, в одном из дворишков на Терешковке, с торца дома там некая антресоль, где лежат все мои вещи. Я по лесенке туда залезаю, беру вещи, рюкзак всё норовит упасть, поэтому я его ставлю на землю. Ранняя зима, то снег, то дождь, слякотно, почти темно. Одеваюсь. Мой дед соглашается меня подвезти, мы едем по проспекту Гагарина в районе Медицинской в сторону Щербинок. На улице почти темно, на дорогах сплошные лужи-моря. Разговариваем с дедом. Он говорит, что опасается пробок, что в таких лужах запросто можно заглохнуть. Говорит, что забыл отвернуть какой-то колпачок, из-за чего заглохнуть в воде очень просто, поэтому надо двигаться. Подъезжаем к Терешковке и видим, что там внизу на Гагарина начинается огромнейшая лужа и уже пробка, многие другие машины глохнут. Решаем повернуть после Электрона направо. Сначала едем, но потом встаём: затор. Я выхожу из машины и ковыряюсь с курткой с подстёгивающейся меховой подкладкой, военной, лётной. Долго ковыряюсь, дед в машине рядом. Вдруг машины поехали, дед тоже поехал. Я решаю, что просто буду идти рядом, ведь при таком трафике никуда не пропаду и не отстану. На дороге слякоть и лужи по колено. Вдруг вереница машин (в том числе и дед) сворачивает налево, куда-то во дворы. Я понимаю, что они решают объехать лужи. Иду следом, но в

темноте теряю деда из виду, его машина с другими машинами куда-то уезжает дворами. Также понимаю, что уже не смогу его догнать. Выхожу на Терешковой к магазину, торгующему одеждой, в том числе и военной. Там тесно, по ощущениям в магазине знакомые люди. Я смотрю развешенную по стенам одежду. Прямо на ней висит маленький телевизор, что-то по нему показывают. Вдруг у меня звонит телефон. Смотрю на дисплей и не понимаю, что там написано: какие-то разводы и непонятные мутные буквы, будто запотел дисплей. Думаю, что что-то поломалось в аппарате. Опять входящий звонок, опять непонятно определяется, но я уже знаю, что это мне звонит дедушка. Вдруг вижу, он стоит рядом в светлом халате с телефоном и звонит мне. Мы уже не в магазине, а в каком-то вестибюле. Я подхожу к нему и говорю, что я тут. Рассказываю о том, как я отстал от его машины, как он уехал от меня во двор и мне не получилось его там догнать, поэтому для простоты ситуации я вышел обратно на трамвайные пути на Терешковке, чтобы там было проще встретиться-пересечься с ним, созвонившись. Спрашиваю, что он тут делает в халате. Дед отвечает с грустью, что он заболел.

* * *

Надо что-то проверить у Полины в школе или колледже. Какой-то вопрос по физкультуре. Решаю самостоятельно пробраться в учебное заведение и всё разузнать. Вхожу в вестибюль, раздеваюсь в гардеробе, но номерков нет – оставляю аляску так. Подхожу к проходной и понимаю, что я без сменной обуви, что нужны какие-то бахилы, что ли... Но на проходной вахтёра нет, поэтому я прохожу. Быстрым шагом иду по коридору, вижу вдали учителей, справа лестница. По опыту зная, что спортивные залы на первом или нулевом этаже, ныряю на лестницу и спускаюсь. Спортзала нет нигде. Решаю узнать у кого-нибудь, вхожу в достаточно большое помещение, с виду напоминающее раздевалку. Там уборщица, лет пятидесяти с лишним. Я у неё что-то спрашиваю, она грубо отвечает. Я отхожу, сперва немного вспыхнув, но потом решаю победить её дружелюбием и юмором, поэтому подхожу к ней и что-то там начинаю шутить. Она веселеет, контакт налаживается. Садимся пить чай. Достаяю откуда-то баночку с земляничным вареньем, угощаю её, подкладывая в вазочку, а потом ещё решаю дать ей варенье с собой домой в виде подарка.

Днём на пересечении Рождественской и Фруктовой подошла тётка за пятьдесят и стала задавать социологические вопросы. Я отвечал без проблем, за что тётка выдала конфету. Буквально несколькими минутами ранее я планировал зайти в магазин и купить конфет. Теперь потребность в этом отпала, но и есть её я не стал – просто принёс домой Ане.

* * *

Крайне мутная и неприятная база, где творчество и репетиции. Я с кем-то что-то играю, делаю. Меня окружают совершенно неприятные люди, но есть и нормальные знакомые – помнится Выков, Микро. Какие-то полу-панкерши, какие-то тёрки по поводу составов... Был и Алексечнев. Грядёт что-то тревожное и неприятное. Территориально это примерно где кинотеатр Импульс. Мне надо смотаться домой в Щербинки-2, я иду и понимаю, что забыл телефон. Потом возвращаюсь и никак не могу его найти. Сажу в каком-то зале, передо мной молодёжь явно нарываётся, я достаю нож и приставляю его к боку молодого пацана, который наезжал. Он испугался, но в ответ тоже достал опаску. Я решаю спустить дело на тормозах.

* * *

Ощущение, что от меня откусывают-отщипывают куски. Каждый вырванный кусок кому-то приходится впрок. Сейчас звучит как некая аллегория, но во сне было понятно, почему. В какой-то степени присутствовал Никифор, но где и как – забылось.

Спускаюсь по крутой горке вниз, на улице снег, на горке разложены книги на продажу. Я неодобрительно говорю тётке-продавщице, что очень уж крутая гора, неудобно спускаться. Вокруг много людей, которые падают. Тётка раздражённо отвечает, что она не продавщица. Спустился. Я не один, а с кем-то. Мы проходим через проходную (пропусков нет, но нас пустили, узнали) и попадаем на огромный завод. Начинаем ходить по цехам, всё открыто, полно народу, мы рассматриваем инструменты, фрезы... Я понимаю, что это ГНИПИ, где я работал в начале девяностых. Предлагаю сходить до своего родного цеха и посмотреть, но мы не идём. У меня иногда чешется голова, я особо не придаю этому значения. Какой-то знакомый пожилой мужик – мой начальник в ГНИПИ – смотрит в мои волосы на голове, раздвигает их руками, что-то там берёт и говорит, что у меня вши. Что надо бриться налысо и обрабатываться. Меня это нисколько не пугает. Подумаешь. Единственное, что смущает, это не передались бы вши через подушку жене. Показываю ей голову, она рядом, она говорит, что это всё несложно вывести и без бритвы, особыми шампунями. Фигня, короче. Потом куда-то едем на машине, не можем то и дело найти нужную дорогу, останавливаемся у шлагбаума, нас консультируют по маршруту.

Во всём этом была логика, и сюжет выглядел стройным, но сейчас осталось лишь только малое воспоминание обо всём увиденном.

* * *

Представляется какой-то магазин с охотничьими тряпками и оружием. Непосредственно там я не работаю и не работал, но был, как говорится, в параллельной структуре. Вспоминаю, что не так давно были с этим магазином дела, но теперь там прошла мощная волна перестановок и перемен, я прихожу туда и спрашиваю нужного мне человека. Говорят, что пока его нет на месте, скоро будет. Хожу по залу. Приходит другой знакомый. Я не понимаю, узнал он меня или нет. Вроде бы узнал. Говорим с ним о безопасности, я рассказываю про необходимость установки видео-камер. Он соглашается. При этом и он, и я понимаем, что это демагогия, что камеры тут были всегда. Да и сейчас наверняка есть. Говорю ему, что мне нужно взять банку рыбных консервов. Идём в подсобку, он начинает рыться в коробках и периодически доставать оттуда консервы и предлагать мне – разные консервы, совершенно разные. То одно, то другое. Я ото всего отказываюсь. Вдруг он заявляет, что есть раритетный вариант: и протягивает мне банку шпрот, ещё советских. Я её внимательно рассматриваю и беру. Не отравлюсь. В ходе этого размышления что-то вспоминаю о том, что раньше консервы хранили очень долго, поэтому эти старые консервы «ещё и нас переживут».

* * *

Идём с мамой в какую-то социальную организацию. Что-то, связанное также и с кладбищем. Мы здесь точно не в первый раз. Посещение наше не рядовое: организацией проводится странное мероприятие или акция, где посетители могут выбирать, где им быть: в здании в зале, или на улице. И это что-то означает, показывает отношение к какой-то важной проблеме. Солнечно. Мы одеты в чёрное. Решаем побыть и на улице с одной группой, и внутри здания. Везде получить информацию. Мы не относимся ни к одной из групп, мы как бы сторонние наблюдатели, но при этом нас это всё ужасно интересует. Около здания стоит стол, где надо покупать входные билеты в здание. За столом сидят пожилые люди, представители организации. Ощущение, что это вовсе какое-то тайное

сборище, секретное и для избранных. На улице, как ни странно, народа нет. Мама проходит сразу к зданию, открывает дверь и входит, а я подхожу к столу и хочу привычно купить билеты – они всегда были недорогие, символическая сумма. Вдруг старикан-билетёр мне объявляет, что сегодня особенный день и билет стоит сорок тысяч рублей. Я удивляюсь и зову маму, чтобы та вернулась. Но она уже прошла в здание. Я понимаю, что там интересно, но за такие деньги есть ли там кто-то? С другой стороны, на улице народа нет, значит все внутри... Непонятно. Я продолжаю стоять около стола и никуда не иду, билеты не покупаю. Непонятное состояние.

* * *

Нахожусь на работе, очень комфортно себя чувствую, меня окружают приятные и знакомые люди. Рабочее место в комнате квартирной, но вместе с тем это всё будто бы в деревне, в частном доме. Работа идёт спокойно, всё понятно и известно. К нам приезжал некоторое время назад представитель фирмы, где что-то делают или разрабатывают, он оставлял мне свой телефон, но я, спустя некоторое время, бумажку с его телефоном и координатами выкинул, как ненужную (много бумаг и макулатуры выкидывал, вот и её туда же, в хлам). Эта фирма делала для нас что-то серьёзное, или разрабатывала, используя в том числе и наши решения. Вдруг этот мужик-представитель опять возникает у нас в офисе; мне немного неудобно перед ним – он-то знает, как меня зовут и где я, а я выкинул его координаты. Визиток почему-то не фигурирует. Мужик экстренно примчался ко мне, чтобы я отремонтировал какой-то его измерительный прибор, некую палочку-датчик, который перестал работать. Или работал некорректно. У них от этого стоит важная работа, ответственность чуть ли не перед президентом – в общем, оборонка или что-то типа того. Я говорю, что потребуется время на разбирательство с проблемой, требую у него драйвера к датчику, документацию и т.п. сопроводилковку. Провожу манипуляции с датчиком, тестирую, подключаю к компьютеру. Обычная работа. У меня есть помощница, которая услужливо мне притаскивает то, что я прошу по работе, а также делает еду. Молодая, приятная, похожая на одну из моих знакомых в юности. Я с помощницей не перехожу грань, но мне приятно её отношение ко мне – понимаю, что она на меня смотрит с интересом. В ходе каких-то дел оказывается, что есть ещё какая-то девушка, очень эффектная и красивая, работали раньше вместе с ней, подруга моего знакомого. У нас спонтанно образовывается на работе тусовка с этими девочками, мы гудим и выпиваем. Потом прёмся куда-то на улицу, уже в районе улицы Фигнер около Юпитера, там что-то пьём и смеёмся, вокруг полно народа, лето, фонтан, настроение очень весёлое... Суета сует. На следующий день на работу прихожу первым, пока никого ещё нет, мужик со своим датчиком проявляет себя по телефону. Коллеги по работе ещё по домам. Я понимаю, что как-то так вышло, что я вчера остался с той, эффектной. Она тут же, рядом, в чёрных очках. Потом все вчерашние люди оказываются тоже рядом, мы как-то с отвагой вспоминаем вчерашнее. Мне приятно, но давит дикая усталость. Все смотрят на меня, слушают и делают так, как я говорю. При этом меня сильно удивляет вчерашняя тема с эффектной. Она в чёрных очках и лёгком летнем свободном платье, на ногах туфли с каблучками, волосы длинные и распущенные. Помощница милая и услужливая. Обе смотрят на меня как на важного для них человека, а я понимаю, что хоть мне и приятно это внимание, но у меня есть Аня, которую я люблю сильнее всего на свете. Между тем, всё интересуется своим сломанным датчиком мужик-заказчик. Я параллельно этому пытаюсь выяснить причину поломки его прибора. Он подключён к чему-то типа осциллографа, я смотрю на экран, измеряю.... Пока всё делается, выхожу из офиса на улицу. Попадаю на типичный деревенский проход, около коего вижу обгоревшие штабеля стройматериалов. В частности, деревянные двери, но не совсем двери, а толстенная фанера размером с дверь, в которой торчат гвозди. Я наступаю на эту фанеру и аккуратно стараюсь не проткнуть себе ноги. Я босиком. Думаю, что хорошая фанера, надо бы её

оттащить домой, что ли... Иду дальше. Подхожу к строящемуся многоэтажному дому. У меня задание: где-то высоко, на одном из этажей, идёт загораживание площадки деревянным забором. Это законно, вроде, но мы – против, поэтому надо в забор потихому врезать дверь или калитку. Я нахожу это место, там действительно забор, народа вокруг никакого нет, я внимательно смотрю и вижу в заборе уже несколько калиток и проходов, они все не заперты. Видя такое, решаю ничего не делать, а просто пользоваться ими. Спускаюсь вниз, перед выходной дверью вижу безумную деревянную конструкцию, типа КПП. На улице день, иду обратно на работу. Замечаю, что ту фанеру с гвоздями уже кто-то унёс – думаю, что нечего было утром щёлкать клювом, надо было сразу же хватать и тащить к себе. На работе обнаруживаю, что фанера с гвоздями уже дома. Гвоздей нет. Я смотрю на неё и планирую сделать какую-то мебель.

* * *

Медитативно занимаюсь перекалыванием предметов в левой дверце холодильника. Банки, пакеты. Чтобы всё аккуратно убиралось на полочках. Особое внимание уделяю поддону с тюбиками мазей и лекарств: они стояли наверху, а я их перемещаю вниз, на нижнюю полку. Смотрю, как бы чего не испортилось, открываю банки и контейнер – в них ничего особенного, в основном пустые. В одном из контейнеров обнаруживаю имбирь.

Люди сидят и пишут контрольную работу. Как на вступительных экзаменах. Я наблюдаю за этим как бы со стороны. После этого вижу парня, длинного, в очках, лет двадцати, который бурно радуется тому, что сдал. Ему задают вопросы, он отвечает. Говорит, что очень долго к этому стремился, что с сестрой они уже писали такие работы и у него не получалось, поэтому он куда-то там устроился работать, долго работал, а потом выучился на «гетеророида», и вот теперь у него всё поэтому и получилось. Ему не верят. Тогда парень предлагает посмотреть работы его сестры в личном деле. Якобы, это докажет его слова.

Смотрю в свой кошелёк и вижу, что там, где всегда воткнуты несколько пластиковых карт, теперь пусто. Кроме одной карты.

* * *

Как будто купил новую квартиру в доме, который в Щербинках, где Сделай Сам. Но дом как башня, вроде того, где ЗАГС Приокского района, только значительно больше и выше. Хотя всего 12 этажей. Квартира на 11. Огромная, полно комнат, высоченные потолки, даже выход в оранжерею, из которой попадаешь на крышу с лестницей, которая идёт винтообразно: можно по ней подняться на 12 этаж. Я туда дохожу и вижу в окнах 12 этажа какую-то организацию по пошиву одежды. Иду обратно. Над входом в оранжерею висит внешний блок кондиционера. Вспоминаю, что у предыдущей хозяйки этой квартиры я спрашивал про него, и она говорила, что многое оставляет, в том числе и кондиционер. Решаю, что займу не небольшую комнату в недрах квартиры, а эту огромную, с выходом в оранжерею и крышу: будет где курить и работать. Квартира наполнена мебелью белого цвета. Видно, что тут давно не живут, но всё добротно и грандиозно. Дом уже не новый. Подъезды с большими лестничными пролётами и высокими потолками. Лифт есть и обычный, и грузовой. Звоню Комару, спрашиваю про что-то, что надо – вроде, про старый орган-синтезатор. Потом решаю сходить в магазин, спускаюсь через оранжерею на улицу и оказываюсь около дома напротив магазина Перекрёсток в Щербинках. В магазине вижу Комара, зову его, он не замечает, он с кем-то беседует. Догоняю. Он говорит, что пока нет интересующего меня, но он спросил ещё кое-

где... Предлагаю ему зайти, посмотреть новую квартиру. Идём, подходим к дому, я говорю, что дома отключили электричество, но скоро дадут. Он подходит к осветительной лампе и включает свет. Я говорю, что это, вероятнее всего, аккумулятор. Начинаем подниматься по этой самой винтовой лестнице вверх. Вдруг вижу, что постепенно начинают загораться окна: видимо, свет всё-таки включили. Мне поступают звонки по телефону, но экран размазан и расплывчат, ничего не понятно, неизвестные мне номера и сообщения странного рекламно-мистического содержания. Комара рядом уже нет. Я доезжаю на лифте до 10 этажа и решаю один этаж пройти пешком. Между пролётами часть лестницы перегорожена таким заборчиком, я перелезаю через него и вижу, что нет финальной части пролёта. Решаю прыгать. Меня сзади догоняет какой-то незнакомый человек лет тридцати пяти. Я прыгаю, он за мной. Оказывается, он мой сосед сверху. Он мне говорит что-то с большим странным акцентом, как будто из глубокой Сибири, плюс к этому непонятный мне жаргон и слова. Отвечаю ему что-то, он в свою очередь признаёт во мне, в моём ответе, своего. В целом, приятное знакомство. Видно, что парень он работающий и надёжный, хоть и не до конца понятный мне в своём лингвистическом аспекте. Я даю ему свою визитку, но она не новая, а из старых, с каким-то приклеенным стикером. Он спрашивает, почему она чёрная. Потом говорит, что это хорошее решение. Я прошу его дать мне свои координаты. Он достаёт лист бумаги и начинает рисовать схему. Сначала я не понимаю, что за схема, но потом он объясняет, что у него в этом доме, около арки, небольшой магазинчик электротоваров, он там работает, хозяин там. Я знаю это место. Пишет, что его зовут Чеботаренко Алексей, протягивает мне эту бумагу. Прошу ещё дописать туда его номер телефона, он дописывает. Дома обнаруживаю, что электричество есть, всё в порядке. Хожу, включаю везде свет и поражаюсь большой квартирой. Я в такой огромной квартире никогда не жил и не был, меня всё восхищает и удивляет. Полное ощущение начала какой-то новой, удивительной жизни здесь.

* * *

Я на Нартова-2. Иду вдоль НИИТОП, надо попасть в Аваир, но я не хочу там быть узнанным, поэтому наблюдаю за ними через окно. Они находятся в таком двухэтажном помещении на первом этаже, причём видно сразу оба. Я хочу встретиться с Рашидом или Володей, но не вижу их. Вдруг понимаю, что меня видит Равиль. Взглядом спрашиваю у него, на месте ли Раш. Он также взглядом отвечает, что нет. Иду прочь. Поднимаюсь куда-то наверх и там хочу заночевать: это не гостиница, но и не дом. Странное помещение, в котором уже кто-то есть. Меня преследует незнакомая тень, ищет со мной встречи, я избегаю её компании. Вдруг она врывается в это помещение, приносит мне какие-то подарки. Я очень недоволен, я вспоминаю, что это какой-то прошлый собутыльник, а источник напрягов мне сейчас не нужен. Он возвращает мне якобы мои очки, я наезжаю на него за то, что очки сломаны. Он не верит. Я показываю: одна половина от одних очков, вторая – совершенно от других. Дужки вообще от третьих! Высказываю ему претензии на повышенном тоне, почти ору, дабы слышали все. Всячески оказываю давление на него, чтобы оставил меня в покое. Наконец, вроде удаётся избавиться от назойливого пассажира. Цель достигнута, но напряжение осталось. Общая обстановка такова, что надо сохранять инкогнито в как можно больших местах, не хочется быть на виду, палиться. Не хочется быть узнанным. Но почему-то надо быть именно тут. Решаю идти в сторону Э-Т, на улице этот переход оказывается очень длинным, тротуар весь во льду и утоптанном снегу, поэтому иду очень аккуратно и медленно, не упасть бы. На углу Нартова и Бекетова какая-то суета, я обхожу сбоку всё это безумие. Потом где-то передеваюсь в другое пальто, перед глазами мелькает ирреальная разноцветная мозаика, меняются цветные картины. Рашид мне что-то говорит, спрашивает, я отвечаю. Общаемся с удовольствием. Он старый друг. Мне немного неудобно ощущать себя объектом такого внимания со стороны людей, поэтому единственное желание - свалить

куда-то, где ничто не будет связывать меня с прошлым, с воспоминаниями, с былыми переживаниями. Чтобы не было никакой истории.

Я работаю в особой военно-конструкторской организации, хожу в форме, старлей или капитан, что-то или преподаю, или конструирую. Ощущение того, что не особо здесь нужен, поэтому собираюсь уходить. Происходит забавная подтасовка фактов и манипуляция со стороны местной знаменитости, тоже военного, который вдобавок ко всему ещё и Герой: на кителе висит звезда героя СССР. Он как-то хитро так сделал, что я тут же стал дико нужен. Все ходят и просят меня о чём-то. Я иду по лестнице на верхний этаж, там огромные коридоры, как в торговых центрах, нахожу один из отсеков, где среди прочего вижу АПС, лежащий на полке. Разговариваю с продавщицей-сотрудницей, сидевшей перед монитором за столом. Я кручу-верчу АПС, разбираю, взвожу и т.д., думаю о конструкции. Снимаю со ствола возвратку, роняю на пол, она куда-то катится. Догоняю металлическую змею, поднимаю её с пола. Мне никто не мешает, но от меня явно что-то ждут. Я хочу переодеться, для чего захожу за угол в том отсеке, но всё время заглядывают какие-то люди из соседних комнат, они улыбаются и смеются, проявляя внимание, поэтому я продолжаю думать над изменениями в АПС. Наконец, всё поняв, выхожу уже из аудитории в вестибюль. Там меня встречает тот самый Герой, мы разговариваем. Говорю ему, что всё продумал и придумал. Я иду очень гордо, напевая «человек проходит как хозяин необъятной родины моей», сам над собой смеюсь. Меня распирает от элегантности решения и двойной сути придуманного. Герой говорит, что хорошо, что ему удалось всё так повернуть, что я не ушёл, а то я такого не придумал бы. В принципе, соглашаюсь. Он спрашивает, может ли мною придуманное давать возможность обратной конверсии – я молчанием ему отвечаю, но посмотрел так, что он понял, что возможность есть всегда и везде. Вообще.

Ковыряюсь на работе с почтой, всё надо для работы. Ретькин рядом, он в основном и администрирует всё это дело. Созваниваемся с ним, я что-то спрашиваю и прошу сделать, мы координируем действия. Потом возникает необходимость моей матушке получить почту, она просит ей её настроить. Я по телефону пытаюсь узнать, что за почта и в каком домене, и она наконец-то говорит. Отвечаю, что это несложно, мы уже рядом, я делаю, она куда-то звонит. Говорит с кем-то, кто эту почту ей регистрировал. Она спрашивает у него про особенность настройки, но слыша непонятные слова, говорит, мол, минутку, я передам трубку тому, кто это настраивает. И передаёт трубку мне. На том конце провода слышу Ретькина. Я внутренне хохочу. Дима мне даёт нужную информацию, я всё настраиваю. Маман говорит, что не знала, что я знаю Ретькина. Я говорю почему-то, что я старше его на семь лет. Ощущение того, что рядом есть неизвестные мне люди, и что мы находимся в прихожей на Голованова.

* * *

Нахожусь в здании завода, огромного по территории и заброшенного. Я не один, мы в группе. Завод знаком нам, мы тут или работали раньше, или сейчас работаем. Почти ночь, практически ничего не видно. Иду к одному из цехов, он представляет собой достаточно обычное здание типа 4-5-этажной сталинки с жёлтыми стенами. Понимание того, что электричества тут нет и быть не может, всё давным-давно заброшено. Какие-то кусты, высохшие деревья, грязь... Я уже неоднократно пытался попасть сюда, но всякий раз здание было тёмным, и осознание того, что попасть в него нереально, отпугивало меня – я внутрь не шёл. Смотрю на здание и замечаю, что наконец-то где-то в окнах есть свет. Здание уже не 4-5-этажное, а много-много этажей. Вхожу в подъезд и оказываюсь сразу на непонятном мне этаже, но точно не первом, где-то наверху. Быстро беру небольшую проржавленную коробку прибора и бегу по коридору к лестнице. На лестничных пролётах

есть мусоропровод, кое-где он заварен наглухо. Спускаюсь по лестнице, этаж за этажом попадают заваренные мусоропроводы, везде разные и по-разному заварено, всё грязное и ржавое; я слышу глухие шаги за мной, кто-то тоже спускается по лестнице, несмотря на то, что лифт есть и он работает. Я быстро вытаскиваю шнурки из ботинок и неряшливо медленно иду, тем самым позволяя догнать себя и перегнать. Меня догоняет старик и начинает на повышенных тонах выговаривать, что «ходят тут, ходят, гадят по углам», а также выражать подозрение во мне как в таковом, типа, «бомж». Но мы всё идём и идём по лестнице. Замечаю, что нумерация этажей совершенно непоследовательная: номера этажей, написанные на стенах, буквально скачут от нижних до каких-то трёхзначных. Нескончаемый подъезд и лестница. Наконец-то мы выходим на первый этаж. Я снимаю с ноги ботинок, он из коричневой кожи, очень качественный. Даю его старику и спрашиваю, разве может такой дорогой ботинок быть у бомжа? Он трогает и соглашается, что у бомжа не может. Сразу же вижу, что понимание того, что я не бомж, у него уже есть, он как-то успокоился и размяк. Завоевал доверие, ага. Выхожу из подъезда наружу, несу прибор в руках. Потом где-то пытаюсь открыть его, для чего выкручиваю винт. Прибор и винт ржавые, но в конце концов винт поддаётся отвёртке. Шлиц винта прямой, на шляпке два параллельных шлица рядом. Когда винт немного откручивается, то вижу после шляпки обычную резьбу, потом резьба как у дюбель-гвоздя, поэтому следующий участок должен открутиться быстрее. Но я кручу, кручу, нескончаемое время уходит на откручивание. Не покидает желание плюнуть на всё это, а я упорно кручу. И вот он откручивается. Длина винта не очень-то и большая, максимум сантиметров десять. Вижу на кончике тоже обычную резьбу, которая вкручивается в гайку. Вынув винт, мне в руки вываливается и гайка, в которую винт был вкручен. Также выпадают два мелких винтика-вкладыша внутри гайки, как будто они что-то там удерживали. Один из винтиков представляет собой только шляпку. Я делаю вывод, что эту их длину подгоняли вручную, серийно так сделать нереально. Цель достигнута, и я выхожу из магазина. На улице пасмурно, я иду не один, а с кем-то из близких мне людей. Мы толкаем перед собой пустую тележку. Идём по открытой парковке, на которой в хаотичном порядке огромное количество таких телег. Их сотрудники магазина пытаются свозить в ряды или как-то группировать, но всё равно хаос непрерывный. Я иду и чтобы как-то пройти сквозь это нагромождение, тараню их своей тележкой и даже пинаю ногами. Тележки разгоняются от этого во все стороны, мы идём всё дальше и дальше. Понимаю, что делаю неправильно, пиная их, но другого выхода нет, нам надо идти.

* * *

Беспамятство 50%. Я с кем-то из знакомых. Мы в Щербинках, в моей школе, в том переходе, соединяющем два основных здания. Переход-коридор очень светлый. Там находится нечто из перевернутой мебели, к которой нашли прикреплённый пакет, напоминающий взрывное устройство. Знаю, что уже вызваны службы, но зачем-то лезу туда руками. Приезжают сапёры, я рассказываю, что один такой пакет я убрал на полку над окнами – все удивляются, но я чётко достаю с полки пакет и отдаю сапёрам. Потом мы начинаем смотреть на тот, который прикреплён и ещё не обезврежен. Решаем его взорвать. Первый раз рвануло слабо, но потом – знаю – рванёт сильнее, поэтому я отбегаю к концу коридора и прячусь под подоконник. Взрыв настолько мощный, что по коридору летят кирпичи, осколки и проч. Если не спрятаться, то наверняка будет 200. Я пережидаю, когда всё успокоится, вылезаю из-под подоконника – вокруг пиздец, всё разрушено. Там-сям валяются какие-то части овощей. Поднимаю с пола напололам разрезанную красную луковицу и свёклу. Луковица внутри на срезе с белыми прожилками и серединкой. Ловлю себя на мысли, что похоже на кость внутри обрубленной конечности. Смотрю на часы и понимаю, что они уже давно стоят и показывают неправильное время в районе четырёх с чем-то.

* * *

Какая-то конференция, я там прыгаю и бегаю из себя, это показывают людям со стороны. Ощущение, что недавно была мощная заваруха, из которой мы все вышли победителями. Смутно вспоминаю, как в составе группы пытался попасть в магазин, стёкла были бронёбойными, поэтому я достал наган, и продавщица открыла заднюю дверь, из которой выбежал мужик с полными карманами продукции. Мы смеёмся. Продавщица уже поняла, что сейчас весь товар будет нами изъят, выпускает нас внутрь. Вдруг я ношусь по зданию с очень сложными и оборудованными новейшей медицинской техникой кабинетами. Там мои коллеги по работе за кем-то следят и как-то манипулируют всеми остальными людьми. Опять возвращаюсь на конференцию, сижу на своём месте, вдруг вижу АЮ, у неё новая причёска – светлые прямые волосы, не особо длинные. Она видит меня и зовёт, говорит, что покажет мне, как надо менять причёску. Я подхожу к ней, потом понимаю, что оставил свою сумку с вещами на стуле, где сидел. Возвращаюсь – сумки уже нет. Нигде нет. Содержимое сумки не жалко, там особо-то ничего нужного и не было, но почему-то жалко саму сумку.

* * *

Я быстро иду, порой даже бегу, по очень красивой улице. Ощущение, что мой маршрут с Маяковки на Минина через Кремль, по резкому подъёму, что от Скобы попадает прямо в одну из башен. Но эта дорога гораздо длиннее, с разного рода домами и строениями. Бегу, иду, путь мне хорошо знаком, моя цель – пройти его как можно быстрее. В один момент оказывается, что я не один, а с маленьким ребёнком, мальчиком лет десяти. Я являюсь ему защитником или учителем: ребёнок явно не чужой, но и не мой родной. Но - родной по сути. Ощущаю большую ответственность перед ним. Он очень живой и общительный, то и дело пытается куда-то любознательно залезть или отклониться от маршрута, тогда я беру его за руку и продолжаю идти. Финальный подъём; я открываю синюю калитку, и мы выходим на дорожку, примерно как около Козьей Тропки. Дошли. Я начинаю доставать из карманов вещи: в кармане оказывается Анин пропуск на работу, что-то вроде пластиковой карты, но из-за того, что он был всю дорогу в кармане, у него отломилась одна из граней. Ничего страшного, я живо представляю ремонт пропуска: просто его склеить.

* * *

Я в музее, огромном помещении с многими залами и высоченными потолками. Великолепие обстановки. Порой складывается впечатление, что это какая-то мощная смесь Эрмитажа с неимоверно богатым концертным залом. Т.е. центральный огромный зал, потолок метров в 20 наверх, а по бокам этажи с залами и проходами, которые выходят в этот большой зал. Я хожу, разглядываю экспонаты. Вечер, музей закрывается, уже никого из посетителей нет, но я прячусь от сотрудников, желая остаться в музее на ночь. Наконец, все уходят, но кто-то из них остаётся в качестве дежурных. Я на втором этаже. Выключается свет. Прячусь в экспозиции, квадратных метров под тридцать. Вдруг замечаю, что в этом месте что-то происходит, какая-то еле заметная активность. Не понимаю, что это. Иду из этого зала, меня замечает сотрудница, крупная фигуристая тётка-смотрительница, явно из начальства. Лет под тридцать с небольшим, красивая, вкусная, но чуть тяжеловатая. Я объясняю, что случайно остался в музее, что ничего тут не испорчу, никому не причиню беспокойства. Она разрешает мне остаться, а сама уходит. Я возвращаюсь в тот самый зал с активностью и начинаю изучать его содержимое. Разбираюсь, как включать свет. Нахожу странный прибор, типа кассетного магнитофона, ставлю туда кассету. Сложная система коммутации: звук то есть, то нет, то

он из магнитофона, то из колонок в зале. Вдруг я что-то переключаю, и звук начинает орать вообще по всему музею. Я понимаю, что это палево, срочно пытаюсь выключить магнитофон, у меня получается. Выключаю и свет, вообще темнота, я ищу настольную лампу, бра на прищепке. Включаю. Лампочка от силы ватт на 5. В зале кто-то есть. Понимаю это, когда откуда-то из стены появляется человек, потом второй, помоложе. Меня ловят и угрожают убить. Эти люди – не люди, а местные духи. Тут мне приходит понимание тематики этого зала: здесь показаны те, кто на тёмной стороне. Я парню помоложе делаю предложение, чтобы он меня не убивал (у него нож), а за это я ему объясню и покажу, как это – быть живым. Он сначала не соглашается, но я уговариваю его, и меня не убивают. Иду с ними на первый этаж, мы входим в учебный класс, где учительница ведёт урок, а молодёжи человек десять. Парт нет, просто стоят рядами стулья. Мы извиняемся за опоздание, садимся. Я что-то ему рассказываю шёпотом. Ухожу из зала, поднимаюсь на второй этаж. Вижу, что появились редкие люди. Понимаю, что в музее есть понятие «ночных посетителей»: люди приходят с экскурсиями в музей в полночь. Мало их, буквально несколько на весь огромный музей. При этом я сверху всех их если и не вижу, то уж точно чувствую и отслеживаю. Ухожу обратно в тот самый зал на втором этаже. Ток есть, всё работает. Опять завожу магнитофон и включаю трансляцию кассеты на весь музей, время как будто отмоталось назад: резко выключаю маг, гашу свет, ищу бра-лампу, включаю пять ватт... Ко мне приходит на шум та самая смотрительница музея, уже вовсе даже и не такая крупная. Она уже не в официальной одежде, а в каких-то обтягивающих джинсах и футболке. Я извиняюсь. Вроде как урегулировали ситуацию. Идём с ней на первый этаж в боковой коридор. Приходим в вестибюль, откуда дери в комнаты. Понимаю, что это комнаты, где живут сотрудники музея. Тётка ложится на пол и как-то нечеловечески корчится, ей или нехорошо, или она нежится – я не понимаю. Потом вижу её лежащей на столе на животе, очень привлекательную, джинсы даже подчёркивают красоту фигуры. Но быстро выхожу обратно в вестибюль. Входит с улицы мужик средних лет, сзади ко мне возвращается из комнаты смотрительница. Мужик её знает и говорит ей (да и мне тоже, я же рядом), всё ли в порядке, не мешали ли они нам в музее, потому что они всю ночь «рвали снаряды» (или испытывали, или уничтожали – я так и не понял). Нет, говорим, не мешали они нам, мы ночью ничего не слышали. Мужик уходит. Вижу в одной из открытых дверей, в комнате сотрудников, стоит машина. Невысокая девочка в кожаных штанах и косухе открывает дверь машины, собираясь куда-то ехать. Смена заканчивается, утро, светло, все собираются по домам. Я выхожу на улицу: огромная площадь, чуть снежит, людей нет. Осознание того, что всё кончилось, и кончилось без потерь, благополучно. В кармане у меня лежит та самая кассета.

Нахожусь на Нартова-2, поднимаюсь этажом выше и в одной из дверей вижу контору, где за столом сидит Выков Андрей. Мы друзья, смеемся и чего-то гоним. Рядом его ковокеры, все знакомы, обстановка комфортная. Надо что-то совместно сделать с Андреем, он делает некие манипуляции на ноутбуке, я чувствую, что это как-то связано со мной и болезнью. Спускаюсь вниз к себе в офис, там Галерлин. Он фактически и работает, а я лишь изредка, но всё равно тут. Дела у него не очень идут, но главный там другой человек, Мазанкин. Как-то так получается, что для того, чтобы дела можно было выправить, а ситуацию уладить, надо сделать достаточно резкий поворот в деятельности. Я опять наверху у Выкова, мне звонит Галерлин и говорит, что надо отделяться, банкротиться, а потом заново создавать фирму. Я соглашаюсь; говорю, что уже давно так предлагал сделать. А сам думаю, что придётся больше работать, но да ладно... Прорвёмся! Иду в соседнюю комнату, а там какие-то дети. Они балуются и брызгаются водой. Я цыкаю на них, чтобы перестали. Мне в ответ показывают систему водоснабжения: там «параллельные» краны, включать надо одновременно оба в обеих кабинках, только тогда вода идёт, в противном случае в одной из кабин бьёт фонтан и

брызгает во все стороны. Т.е. они не балуются, а просто не могут совладать с канализационным безумием. Я ухожу обратно и встречаю человека, которого смутно помню. Он тоже узнаёт меня. Мы не виделись лет пятнадцать. Он в курсе моей болезни, что-то спрашивает, но я смазываю тему беседы на незначительную, ибо не хочу развивать такого рода вопросы. Итогом оказывается, что он это спрашивал с целью узнать, когда у меня будет время, чтобы договориться об интервью. Я говорю, что до середины декабря запросто когда угодно, но и потом можно выкроить время, только надо уже заранее договариваться. Выхожу из Нартова-2, сажусь в маршрутку 62 и еду. На заднем сиденье люди, место есть, я туда втискиваюсь. Мне надо ехать хрен пойми куда далеко, сдавать кровь, спектральный анализ. На одной из остановок входит человек, я знаю, он военный ветеран, лет сорока с лишним. Вижу, что у него вместо одной ноги такая слоновья лапа: расплющенный пенёк вместо стопы. Он просто и открыто высовывается из штанины, мне несколько неприятно, я чуть отсаживаюсь вбок, чтобы этот слон не был напротив меня. Думаю, что раньше видел его в кроссовках или кедах, как он в обуви с такой ногой вообще мог? Сижусь опять у Выкова, этажом выше нашего офиса. Общаюсь молодым сотрудником, шалопай и весёлый чел, из сынков богатых предков. Его особо никто в расчёт не берёт, но он нужен многим именно из-за его финансовой стороны. Мне-то он пофиг, но я его знаю откуда-то. Потом оказалось, что он перевернул свою судьбу и устроился в ментовку, ему сделали аттестацию – мажор гордо стал работать и раскрывать со своей шалопаистой натурой преступления, никого не боялся. Это всё промелькнуло в один миг. Опять подумалось, что фирму мы с Галерлиным и регистрируем новую, переназовёмся, как говорится, - ну и что? А толку? Вдруг чел, который интересовался про интервью, говорит, что ему надо тоже в кровяные анализы попасть, сделать сложный анализ. Я говорю, что знаю, где это делается. Мне не хочется, чтобы по моим медицинским учреждениям кто-то ходил из знакомых. Но я не показываю вида и рассказываю, как туда проехать.

* * *

Зима. Я спускаюсь с горы на лыжах. Это какая-то гонка, надо успеть первым спуститься. Спуск долгий, лыжня хорошая, угол спуска примерно 45 градусов. Никаких сложностей. После спуска попадаю на ровную площадку, там я снимаю лыжи и беру санки – как детские, такой же конструкции, ложусь на них животом и еду на них дальше с горы. Доезжаю до нижней точки, встаю на ноги. Тут же рядом калитка. Я знаю, что мне надо попасть в некий дом, можно идти в обход, но можно и через калитку, так быстрее. Калитка типа деревенских, какие бывают в заборах. Вхожу через калитку в заснеженный сад, тут же поднимаюсь по деревянной лестнице на второй этаж и оказываюсь в доме. Там моя бабушка, я ей рассказываю про спуск, очень подробно и детально. Потом перемещаюсь в тёмное помещение, где я и мои знакомые, которых идентифицировать не получилось, навещаем нашего давнего товарища, лежащего в постели в коме. Он очень беспомощный, лежит давным-давно. Вдруг что-то происходит, и он выходит из комы. Все вокруг очень радуются и смеются, я же начинаю с ним разговаривать, он мне отвечает. Сначала очень слабо, а потом всё живее и живее. Я рассказываю, как спускался с горы, про лыжи, санки и калитку, он меня хорошо знает и отвечает на рассказ – по всему видно, что время, проведённое в коме, он не помнит. Для него те десять с лишним лет, проведённых на койке, будто вычеркнуты. Для него то, прошлое время, было словно вчера, а для всех нас прошло десять лет, даже больше... Радость огромна от того, что он ожил, вернулся, опять с нами. Ощущение, что нас стало больше.

Потом едем с батей откуда-то на его жигуле к нашему дому. Около соседнего дома он выходит из машины и быстро уходит. Как я понял, на почту. Тут же возвращается весьма раздражённый, что-то ему там не понравилось, что-то не получилось сделать. Он ругается

на почту и сотрудников, раздражённый их поведением: ему или что-то не сделали, или что-то не выдали... Едем к дому, он нервно тормозит, машину пронесит чуть дальше и мы немного сносим телефонную будку около нашего подъезда, к которой по-левой подключались в восьмидесятых, когда дома не было телефона. Я выхожу из машины, оцениваю ситуацию и говорю ему, чтобы он сдал назад и перепарковался, чтобы нас не обвинили в порче будки. Он отъезжает и сцепляется в районе переднего бампера с какой-то импортной легковушкой, которая тут же ремонтировалась: под правым передним колесом было два мужика, они что-то там чинили. На улице уже лето, вечер, приятное время. Люди начали орать, чтобы срочно подняли ту легковушку повыше, чтобы ремонтники смогли выбраться из-под неё, потому что их зажало. Батя отъезжает, легковушка едет по мятым пластиковым бутылкам – якобы, так она повыше и людей не раздавит. Два мужика под колёсами вцепились в машину снизу и нервно говорят, чтобы мы «побыстрее». Никто никого не виноватит. Я замечаю, что на кабине дальнобойного трэка (уже не легковушка, а большой грузовик) видны следы рук и отпечатки пальцев на краске. Их надо быстро смыть, до приезда ментов, чтобы они не могли никого привлечь ни за мужиков из легковушки, ни за будку. Мы с мутным соседом из 1 подъезда 4 квартиры идём к нему за химикатами. По ощущениям, он похож на Кирилла Марвушкина. Я не иду домой, потому что у меня нет ключей, как я говорю. На самом деле, ключи у меня есть, просто я решаю перестраховаться и не брать ничего из дома. На всякий случай. Сосед открывает первую дверь, и я вижу, что в междверьевом пространстве наверху есть замаскированный люк-лаз. Сосед ловко поднимает люк и залезает в тайную комнату. Вскоре там оказываюсь и я. Комната как квартира, с лоджией, которая выходит примерно на уровень второго этажа первого подъезда, во двор. Я жду на лоджии, а он роется где-то внутри. Он чуть навеселе, добрый и позитивный. Наконец-то он находит нужное и подаёт мне ёршики для мытья бутылок. Я решаю, что это не самое удачное решение в нашем случае, но в принципе и это сойдёт. Далее он даёт средних размеров бутылку-аэрозоль с чем-то типа хлорки. Начинаем пшикать на ёршики. Я сомневаюсь, что это поможет, но куда деваться.... Он вяло пшикает, и я говорю ему об этом. Он начинает сильнее. Вдруг бутылка лопаётся и начинает летать. Вылетает за пределы открытого окна лоджии на улицу и с внешней стороны бьётся по окнам и занавескам, желая залететь обратно внутрь. Но ей это не удаётся. Нам очень весело, мы смеёмся, как ненормальные.

Мы сидим дома, только что откуда-то приехали. Соседский молодой парень у меня просит ключи от машины или связку любых ключей, но я не даю. В шутливой форме всё. Выходим в подъезд, он начинает настаивать. Ему надо покрасоваться перед приятелями ключом, ему надо его достать. Я давно не был дома, мне хочется от него отделаться, поэтому идём обратно в квартиру, я достаю из-под матраса какие-то ключи и начинаю ему ключ за ключом показывать и объяснять, что «этот не подойдёт, не похож на ключ от машины, этот тоже не подойдёт, тоже не похож на авто-ключ» и так далее, пока не перебрал все имеющиеся у меня ключи. Мои логичные доказательства убедили его, что того, что ему нужно, у меня нет. Он ушёл, расстроенный и без ключа. Пока смотрели ключи, я отметил про себя, что несколько из них очень похожи на бланки для стволов, в виде большого сверла. Выхожу в прихожую и встречаю там Фелаева, он держит в руках тоже какие-то железяки. Мы начинаем обсуждать их, а я рассказываю про ключи. Рядом находится Денис. Я говорю, что подойдёт и что не подойдёт. Денис смеётся – да, говорит, ну ты и специалист. Все смеёмся, я ему в ответ тоже шучу, что уж он-то всяко не меньше...

Надо сделать какую-то запись, а я никак не могу начать. Тыковлев сделал, Никифор тоже, а я торможу. Почему-то меня уговаривают делать просто акустику, но я в голове уже планирую электричество – твёрдая уверенность, что поступлю так.

Мы с кем-то едем из деревни домой, откуда всё и началось. Подъезжаем к огромному нелепому дому. Я говорю, что тут живёт богач по фамилии Мазанкин. Огибаем дом и видим, что он висит там на лесах и варит на стене витиеватые узоры. Я понимаю, что талантливый миллионер в своём творчестве добрался и до сварочного дела. Варит не пойми как, но видно, что ему это всё очень нравится, а мнения окружающих ему не важны. Мы едем дальше, не останавливаясь. Говорим про Мазанкина, хвалим. Вдруг нас обгоняет машина странного вида, сваренная из частей других машин: дверь от одной, капот от другой и т.д. – вообще вся сварена из того, что подошло. Я говорю, что это тоже Мазанкин сделал ради творчества и теперь с удовольствием вот ездит. Мы все отмечаем, что он молодец, талантливый человек. Видим, что рессоры у машины придерживаются сеткой Рабица, и смеёмся. У меня даже какая-то гордость в ощущениях за то, что я Женю Мазанкина знаю давно и что он меня тоже знает.

Ощущение, будто в блюде много лимонных косточек. Я ворошу их пальцем, гоняю по кругу.

* * *

Мы с Аней договорились встретиться с Полиной где-то в городе. Долго собираемся и идём на остановку в Щербинках. На улице очень солнечно и радостно. У меня на ногах высокие военные ботинки, но они без шнурков, поэтому я иду очень аккуратно, чтобы не упасть, но зато наступаю куда ни попадя без разбора. Аня ушла немного вперёд и собирается переходить дорогу, стоит на светофоре. Я пытаюсь её догнать, для этого мне надо пересечь небольшой островок-клумбу. Наступаю на неё – и как-то неправильно стало на душе. Решаю аккуратно по бордюру выйти из клумбы, потому что вижу на ней только-только начинающие рост цветы. Красиво. Стало жалко их топтать. Вижу, что Аня уже перешла дорогу, я её теряю из вида, но не из ощущения. Ощущения, что она где-то рядом. Смотрю на часы, висящие на стене в комнате: без десяти минут десять. Наблюдаю большой стол, за ним сидят люди, один из них что-то рассказывает знакомым голосом – но кто это, я не вижу. В комнате полумрак. Мы договаривались встретиться с Полиной в десять где-то в городе, а я всё ещё дома и уже точно не успеваю. Решаю достать зубочистку и вижу, что в нескольких банках их по несколько штук. Решаю все зубочистки переложить в одну единственную баночку. Перекладываю, а одну оставляю себе.

* * *

Мы делаем какие-то дела, занимаемся бизнесом, но нас пытаются подставить и устранить. Я угадываю в ситуации происки некоей Колдуньи. Прессинг продолжается, но мне всё нипочём, я цел и невредим. Нахожусь дома в Щербинках, хочу выйти на улицу перед сном. Маме предлагаю остаться дома, позаниматься хозяйством. Я уже оделся, но вспоминаю, что что-то забыл в комнате, поэтому прохожу туда-сюда, беру и возвращаюсь в прихожую. На кроссовках была налипшая грязь, я сильно намусорил на полу. Из комнаты на кухню идёт батя, я его останавливаю и прошу поаккуратнее идти, ибо грязно. Он говорит, что всё равно же уже грязь на полу, так чего же теперь? Я отвечаю: чтобы не растаскивать грязь дальше по квартире и не мельчить её. Прошу маму подмести пол. Что-то всё вожусь около двери, собираюсь. Вроде бы и идти-то не особо надо, но хочется, но надо бы... Маята мелкая, какая-то мысленная возня. Решаю никуда не ходить. Раздеваюсь и иду в большую комнату, сижу на диване. Рядом, в кресле перед компьютером, сидит батя. Мы с ним разговариваем, чтобы не услышала маман: наполовину через чат, наполовину голосом. Он недоумевает: кому нужно нас уничтожить и пакостить нам, мы же всего лишь пацаны шестнадцатилетние... Я отвечаю, что вообще-то мне уже сорокет, но в остальном - никому с точки зрения бизнеса не надо; есть, конечно, те, кому мы

мешаем, но они такой ерундой заниматься уж точно не будут, они большие, это примерно как сеть магазинов пытается уничтожить конкурента в виде мелкого одиночного ларька... Также отвечаю ему, что у меня есть некие догадки, но про Колдунью не рассказываю. Сидим, мирно беседуем и обсуждаем ситуацию. Я полулежу на диване, мне хорошо и уютно. Батя в кресле около компьютера. Мама на кухне делает приготовления к ужину. Дом. Отчий дом.

* * *

Особая ночь. Впервые с того момента, как я начал вести эти записи, у меня были видения, которые я даже в общих чертах не смогу описать. То, что я видел, имеет мало отношения к чему-то, что возможно структурировать и выразить словами. Практически все пять часов сна были наполнены совершенно особыми чувствами и состояниями – но я всё достаточно хорошо помню. Лишь иногда были вставки из более-менее понятных сцен, которые можно зафиксировать человеческими словами.

Читаю книгу, там нет иллюстраций. Мне дают книгу с иллюстрациями, я сразу же листаю до прочитанного места, но понимаю, что много картинок пропустил, поэтому решаю перелистать страницу за страницей всё с самого начала. Книгу я получил от кого-то, кто мне крайне дорог.

Мы сидим на диване и едим гречневую кашу. Я ем аккуратно, но мои сотрапезники – моя жена и мать – немного просыпали кашу на диван. Я беру палочки, используемые мной в качестве обеденного прибора, убираю ими просыпанную кашу с дивана, просто съедаю всё. Говорю, что ничего страшного, что всё хорошо, вообще не стоит даже и думать об этом, никаких следов не останется. Успокаиваю.

Всё остальное описанию и словам не принадлежит, поэтому пытаться описывать увиденное я не буду. За пять часов этого сна я прожил целую жизнь. Потрясающее чувство. Находясь в воспоминаниях пережитых ощущений, я чувствую силы на совершенно новую жизнь, как будто произошло перерождение. Силы восстановлены в совершенно невиданных доселе объёмах. Хочется жить, творить жизнь. Думаю, что если подобные сны будут меня посещать и в дальнейшем, то писать мне будет просто не о чем и незачем в силу невозможности выразить словами то, что только что было.

Утром мне рассказали, что я говорил во сне этой ночью. Сказал две фразы:
-Чёрт! Я всё слышал, о чём они говорили!
-Аня, мы должны сами всё сделать!

* * *

Бесконечные погони: я то убегал, то догонял, то помогал убегать или догонять – никаких чётких ассоциации или конкретики, только одно ощущение скорости и абстрактной цели. Во всех случаях было достижение цели, никакого разочарования нет.

* * *

Я приезжаю на Нартова, чтобы встретиться с Рашидом. Поднимаюсь к ним на этаж в НИИТОП. Не был в Аваире в офисе уже много-много лет... У меня нет пропуска, я его оставил где-то в гостях, но меня пропускают. Вхожу внутрь. Новые люди, всё непонятное, суета. Я обнаруживаю Рашида, он постарел, но самое непривычное – он без усов и бороды. Мы общаемся, как старые приятели, без напряжения, но всё-таки уже ставшие

другими... Куда-то ходим, о чём-то беседуем. Гуляем по площади Нартова – там опять, как и пятнадцать лет назад, рынок и забегаловки, мы раньше в них часто заседали, а теперь просто гуляем, желания куда-то далеко идти нет. На улице спокойно, часов семь вечера, лето.

Вдруг резко зима, Новый Год, праздничное настроение, я в чужой квартире в гостях, мы гудим. На утро 1 января мне надо куда-то съездить, а к вечеру я намерен возвратиться и продолжить. Иду по очень светлой улице, снег и солнце, но свет серый, хоть и ужасно сильный. Добравшись до цели, находясь в каком-то учреждении, встречаю хозяина квартиры, сообщаю ему, что еду обратно – он не против, вечером опять будут гости. Передвигаюсь по улице и думаю, идти или не идти... Вдруг в правом боковом кармане нащупываю рукой ключ от той квартиры: небольшой, со светлым пластиковым брелоком. И понимаю, что до этого момента не задумывался, как попаду туда, если владельца дома не окажется дома. Теперь ясно, что я смогу открыть дверь. Открываю дверь этим ключом. В доме кто-то есть. Меня узнают, я прохожу в дальнюю комнату. Там кавардак, но никого нет. Вспоминаю, что мне надо забрать свои документы, в ящике забираю всё своё: бумаги, паспорта, пропуск на Нартова, какие-то бумажники. Это всё моё, не чужое. Чужое не беру, даже не разглядываю. После чего сажусь за стол около окна и смотрю на улицу. Спокойствие и ощущение передышки. Думаю, что делать дальше: оставаться опять на ночь, или же всё-таки валить домой...

Нахожусь напротив входа в Ошарскую, через дорогу. Там уже нет тропинок и всё разрыто и перекопано. Лето, деревья все в листве. Высокая трава. Я прячусь во всём этом чуде, даже не приходится мутить окоп. Устраиваюсь удобно и надолго: предстоит следить за входом в офис. На часах в районе пяти утра, ещё нет ни машин на дороге, никого. Жду. Решаю прогуляться вверх по улице и обратно. Обращаю внимание, что если идти вниз по Ошарской к наблюдаемому подъезду, то там стоит несколько легковых машин и автобусов. Я подхожу поближе и пытаюсь рассмотреть номер автобуса. Водитель видит меня, но ему плевать. Номер местный, но не на девятку начинающийся. В легковушках тоже есть кое-где люди. Я перехожу обратно дорогу и опять принимаюсь наблюдать. Какой-то особой цели у меня нет – просто наблюдаю, смотрю, сопоставляю и строю смысловые конструкции, пытаюсь понять грядущее.

* * *

Работаю в учебном заведении, что-то типа школы, учителем начальных классов. Происходит непонятный скандал, в котором я не участвую, но при этом нахожусь в состоянии сокрытия неких сведений об участниках. Потом происходит второй скандал (т.е. ощущение повтора), но тут уже я хочу убрать бутылку со спиртом из-под моего стола в классе. Меня просят сфотографировать рабочее место, я фотографирую, это является своего рода доказательством, но у меня уже всё подготовлено и учтено: палева на рабочем месте никакого нет, всё шито-крыто. У меня ощущение, что я сплю. Иду по улице.

* * *

Откуда-то иду домой. Вдруг сзади едет машина, типа крузака. Оборачиваюсь и вижу, что это и правда чёрная сотка, номер 020. Узнаю номер, останавливаюсь. Машина едет по придомовой дорожке очень аккуратно. Я дожидаюсь, когда она поравняется со мной и вижу, что за рулём никого нет. При этом машина аккуратно всё едет и едет. Тут я понимаю, что ей управляют дистанционно. Начинаю смотреть по кустарникам, по углам и по сторонам, с целью заметить управляющего. Замечаю за деревьями и кустарниками Чиргинского. Я радуюсь: он решил разыграть меня, или, вернее сказать, пошутить. Я

немного иду рядом с машиной, буквально метров 10 до моего подъезда, около которого машина начинает делать разворот для парковки. Жду рядом, стою, улыбаюсь. Кричу Игорю, мол, я его заметил, выходи. Он выходит, тоже весёлый, мы давно не виделись. Рады встрече. Я говорю ему, что надо было в его прошлый приезд в навигационной программе отметить парковку и по этой точке уже парковаться, тогда бы всё было исполнено ещё лучше.

После работы захожу в магазин. Я уже был тут неоднократно, он какой-то нелепый и локальный, но при этом там всегда можно купить всякую мелочь типа хлеба или молока. Магазин рядом с домом, это часто бывает весьма удобно. Вечер. Поднимаюсь по лестнице в магазин на второй этаж и понимаю, что в помещении ремонт. Какие-то стройматериалы, мешки с мусором, доски и проч. Я кричу, есть ли кто тут. Выходит продавщица лет пятидесяти. Прошу хлеба. За мной в магазин заходит невысокий мужчина. Я его узнаю: П. Он что-то говорит и убеждает продавщицу, которая его не узнаёт вообще никак. Дома, уже поздно вечером, рассказываю Ане про этот случай. Представляешь, говорю, вот как так можно не узнать П? Искренне удивляюсь этому, а она несколько не удивлена: говорит, что можно же ведь политикой и не интересоваться, и тогда на всё, что ей сопутствует, будет плевать. Вот продавщице в магазине и было как раз плевать, ей главное сделать ремонт и продать побольше жратвы населению. Я искренне недоумеваю: как может быть плевать на те социальные внешние факторы и аспекты, что напрямую влияют на её жизнь?... Параллельно этому разговору я переписываюсь с мамой по скайпу, желаю ей спокойной ночи. За окном вдруг слышится вой сирен, какие-то взрывы, суета сует. Я говорю, что уж не война ли началась. И чётко понимаю, что да, это так. Хочу посмотреть на новостных сайтах, запускаю Хром, жду открытия. И вот как-то стрёмно на душе, беспокойно... Решаю пожарить на сковороде – не помню только, что именно. Ставлю на плиту большую сковородку, лью на неё масло, включаю газ. Вдруг слышу в комнате звонок на мой телефон. Бегу в комнату, отвечаю, на связи взволнованная мама, что-то мне говорит. Я спрашиваю, что случилось. Она опять говорит, но я снова ничего не разбираю. Она замолкает на полуслове. Я зову её, зову – она молчит. Я уже криком кричу!!! Поворачиваюсь к Ане и говорю, что надо срочно ехать в Щербинки, там что-то случилось, вероятно. В голове думаю, что можно просто вызвать такси, чтобы не дёргать Аню за руль – мы уже практически спим, уже глубокая ночь... Собираемся.

* * *

Остались лишь обрывчатые образы, ощущение от образов и обстоятельств – короче, словами тут описывать нечего. Да и не получится.

* * *

Варил картошку, свёклу, ел всё это. Какие-то контакты и встречи по работе, только офис там, где Лондон. Помню Ливина и Дормачева. Сумбур, непонятности, мельтешение – практически ничего не помню.

* * *

Беспамятство, хоть и искусственное. Физическое состояние не позволило сделать усилие и осуществить документирование воспоминаний. Интоксикация медикаментами убивает память и желание в ней копаться. Всё ломит, выворачивает изнутри суставы. Кожа чешется с внутренней стороны.

* * *

Я в магазине, покупаю буханку ржаного. Потом захожу в отдел с обувью и одеждой, рассматриваю стеллажи: продукция скорее полу-военного и специального типа, хоть и с закосом под гражданскую. Вижу классные сапоги, демисезонные, на молниях. Мне они очень нравятся и я их покупаю, даже не примеряя – дома меня ждёт Аня и надо торопиться. Прихожу домой, мы сидим на кухне, я ем хлеб, только что купленный. Ем мякиш, а корку оставляю, чтобы потом просмаковать. Очень вкусно. Про сапоги я ничего не говорю. Думаю, что их надо сначала всё-таки померить, а то вдруг они не подойдут. Но не покидает ощущение правильности покупки. Уверен, что подойдут. Но всё-таки решаю померить. Выхожу из кухни и понимаю, что рюкзак с сапогами я оставил в нашей машине, которую мы запарковали где-то в районе улицы Деловой. Мы уже вдруг не на кухне, а в каком-то учреждении, я жду Аню. Говорю ей, что мне надо по делам, направляюсь к машине. Иду по Деловой от Фантастики, примерно в том направлении. Весна или осень, солнечно, на дороге грязь и лужи. Я иду босиком. Что характерно, иду совершенно нормально, не испытывая никаких неудобств или боли, совершенно естественно. Мысль, что надо бы как-то помыть ноги, прежде чем мерить... Точно знаю, куда пойду это делать. В голове чёткое понимание происходящего, никакой маяты – наоборот, строгое следование плану. Дохожу до промзоны и участка, где припаркована наша машина, ищу её глазами, но что-то не вижу. Знаю, что она где-то тут. Рядом есть поликлиника, я решаю сходить туда и помыть ноги, ополоснуть их прямо в раковине. Хочется есть, я на кухне отламываю от корки ржаной буханки кусок и медленно ем. Жду Аню, она собирается, чтобы совместно со мной поехать куда-то по делам.

* * *

Будто меня предала мать. Такое ощущение, что из-за неё вот-вот произойдёт что-то такое, из-за чего меня чего-то лишат, разрушится моя привычная жизнь. Причём действие происходит не со мной, но при этом я всё вижу собственными глазами, от первого лица. Т.е. восприятие происходящего как некоей театральной роли. Я совершенно спокойно всё это понимаю, принимаю, участвую в этом. Огромная любовь к маме не позволяет мне как-то иначе всё видеть. Вечер, мы готовим салат, режем овощи. Я последовательно нарезанное сваливаю в большую чашу или салатницу. Вдруг понимаю, что вывалил туда и нарезанный лук. Понимаю, что лук в салате едим только мы с Аней, а мама и батя не едят, я восклицаю с раздражением. Мама видит лук и успокаивает меня, мол, ничего страшного, всё сейчас вынем, ведь я же ещё не перемешал... Она осторожно вынимает почти весь лук в отдельную тарелку. У меня чувство вины, но также и светлое ощущение исправления косяка, исправленного положения. Всё это я чувствую и вижу сам, как бы «про себя». Вдруг ощущаю опять «роль», что скоро всё кончится и меня чего-то важного лишат из-за неё. Даже не лишат, а просто всё хорошее закончится. Но это – не про меня, а про кого-то другого, я опять в этом осознании лишь актёр.

* * *

Собираюсь из дома, размышляю: надеть тёплую кепку или накинуть капюшон... Надеваю кепку с ушами, иду и смотрю на себя в зеркало. Нормально, можно и так ходить.

Стою где-то в очереди, у меня виднеется пряжка на ремне и необычные кольца на руках. Замечаю, что это увидел какой-то человек.

Приготовил на ужин некое месиво, оно вкусное, но не особо приятно выглядящее. Я говорю Ане, что ужин особенный, хоть и странный с виду.

* * *

Я вернулся на работу, мы что-то обсуждаем и делаем. Идут некие проекты, связанные с модернизацией и конструированием, но из-за отсутствия людей, по своему профилю заточенных под это дело, приходится вникать во все тонкости всем, даже АЮ. Она очень энергична, я чувствую контакт с ней на солнечном уровне – мне приятно с ней разговаривать и что-то обсуждать, просто общаться. Ощущение, что я был в какой-то командировке с П, где происходили разные активные полулегальные выкрутасы, от которых я старательно сторонился и избегал прямого участия. И вот возвращаюсь обратно домой, но иду не домой, а к АЮ на гребешке. Впрочем, там не её дом, а типа клуба или офиса, где все, так или иначе, встречаются. Я захожу в боковую дверь и вижу Настю – мы обрадовались друг другу, накрывает какая-то тёплая волна, мы смеёмся и улыбаемся. Рассказываю ей что-то не связанное с работой, рассказываю также и про то, что дрянь на почке опять увеличилась, опять надо резать. Открываю окно, отвернув шторы, чтобы было побольше свежего воздуха. Ощущение, что это не я, а она у меня в гостях, комната моя. Фальши в общении и разговоре совершенно нет, я с удивлением это отмечаю, мне приятно с ней болтать ни о чём. Она показывает мне непонятные запчасти и чертежи, мы разговариваем про них. Показывает мне телефон и говорит, что хотела со мной обсудить какие-то секретные вопросы, что звонил П. Отвечаю, что видел его звонок, но пропустил и не слышал, увидел уже ночью пропущенный вызов, было поздно перезванивать... Она говорит, что он с кем-то уже в командировке в Америке, что на одном телефоне у него деньги есть какие-то, а на этом основном пятнадцать с чем-то тысяч, всё в порядке. Потом она уходит в соседнюю комнату, и я понимаю, что там её мама с её ребёнком. Что-то сказав им по бытовым темам, Настя выходит ко мне и предлагает перейти в офис. Для этого нам надо выйти на улицу и зайти через основной вход. Мы выходим, и она мне протягивает несколько кусочков хлеба или чего-то такого, говоря о том, что давно обещала меня угостить. Я пробую, жую, пытаюсь прочувствовать вкус – это свежий лук, белые кусочки от свежей луковицы. Вкус действительно деликатный: и не острый, и не сладкий, а как раз такой, какой надо, при этом чувствуется весьма качественный продукт. Я хвалю этот лук или хлеб. Тогда она протягивает целую белую луковицу, которую я беру у неё из рук, нюхаю, но не ем. Отличная луковица, свежак, я очень люблю лук. Нюхаю, чуть раздвигая сверху шелуху – обалденный запах, мне очень нравится. Ценю такие продукты, смакую и эстетически радуюсь. Никакого ощущения слёз из глаз или лукового привкуса нет и в помине. И уж тем более горя. Убираю луковицу к себе куда-то в карман. Благодарю её за угощение и думаю, что надо было тоже что-то подарить ей, принести подарочек. Я напоминаю, что она обещала мне что-то о ком-то рассказать, она рассказывает полунамёками, я ничего не понимаю и задаю встречные вопросы. Она отвечает опять загадками, я опять задаю вопросы вновь и вновь. Как кошки-мышки, вопросы-ответы. Но понимания нет и нет. Дело касается каких-то людей, с которыми мы сотрудничаем и которые что-то мутят против нас. Кто конкретно, я понимаю, но они мне не знакомы лично. Пытаюсь как-то помочь и проанализировать ситуацию, но при этом не хочу ввязываться в процесс по полной программе. Выхожу из дома АЮ и наблюдаю, как на перрон приезжает электричка или поезд метро, но вижу его в разрезе, в боковой проекции, будто на чертеже. Мне всё понятно, я рассматриваю внимательно этот чертёж и отмечаю, что и как можно модернизировать. Настя рядом и тоже участвует в обсуждении, что-то записывает – у меня осознание того, что всё придуманное очень быстро реализуется и воплотится в реальный продукт. Чувствую ответственность.

Уже дома подметаю пол, сметаю пыль с плитки и думаю, что в магазине сегодня надо будет купить творог для Ани на завтрак, сметана и сахар у нас уже есть.

* * *

У нас дома полностью забитый холодильник, а надо ещё что-то приготовленное туда убрать, поэтому решаем отвезти продукты Аниной маме на Терешковку. Я смотрю холодильник там – тоже всё занято. Дверца в морозилку находится в основном отсеке, из-под него выглядывает какая-то тряпка. Тёщи дома нет. Мы что-то принесли и всё-таки кладём туда. Идём по Бекетовке пешком к машине, она припаркована достаточно далеко. О чём-то разговариваем. Ощущения очень спокойные и добрые.

* * *

Я, мама и кто-то ещё находимся в квартире 64. Занимаюсь чем-то по хозяйству. Вечер, почти ночь. Слышу, что кто-то звонит в дверь, за дверью идёт разговор. Особо не вникаю, только уже потом спрашиваю и узнаю, что у нас новые соседи из квартиры 61 напротив, там какие-то молодые, лет по тридцать с небольшим, и они нетрезвые приходили и спрашивали что-то про обмен квартиры. Мама, будучи вежливой, сразу не отказала и обещала подумать. Я говорю, что надо было сразу отказывать, нечего тут раздавать надежды. Но надеюсь, что они забудут об этом предложении сами и больше не придут. Проходит какое-то время, совсем уже ночь глубокая. В подъезде какая-то мощная движуха. Я смотрю в глазок: там постоянно ходит народ, у них явно праздник коромыслом, причём двери открыты и у 61 квартиры, и у 62. Люди приезжают и уезжают на лифте, празднично одетые, как на Новый Год. Также приходят и уходят по лестнице. Ладно, думаю, жалко что ли, подумаешь... Лишь бы нам не мешали. Вдруг звонок в дверь. Ещё и ещё раз. Я подхожу с раздражением к двери, размышляя на ходу, что взять в руки для драки, если потребуется. Беру дубинку или большой маглайт-шестёрку и смотрю в глазок: там толпа пьяных соседей, звонит тот странный тип, что предлагал обмен. Открываю дверь. Он с наездом спрашивает, подумали ли мы про обмен. Я твёрдо, но с замыслом заболтать тему, отвечаю, что "да", но пусть ещё раз изложит, что хочет. Мужик опять предлагает нам поменяться с ним квартирами: у него 94 квартира и он хочет нашу, чтобы быть поближе к 61 квартире, которую купили его друзья. Я говорю витиевато, что мы взвесили все про и контра и приняли решение отказаться от данного предложения по причине наличия мнения о необходимости сохранения своих территорий. Мужик переспросил, правильно ли он понял. Я твёрдо сказал, что понял он правильно, и что на его предложение отвечаю отказом. Очень твёрдо сказал. Он криво усмехнулся и стал уходить, бормоча какие-то невнятные раздражённые речи, типа, мы козлы и нафиг было давать тогда надежды... Свалил. Ощущение, что эти беспокойные соседи – загульные, надо быть теперь осторожными. Дома всех успокоил, но сделал внушение на предмет обещаний "подумать". Решаем сходить в гараж деда, выходим на улицу. Глубокая ночь, темень. Идём по Голованова вниз, к гаражам. Спускаемся с горы. Я понимаю, что дедовский гараж уже лет двадцать с лишним продан. Входим на территорию кооператива, а там кипит жизнь: многие двери гаражей открыты, свет, много где музыка. По дороге между гаражами полно народу просто сидит или гуляет, разъезжают на роликах несколько парней, один из которых без рук. Нас никто не трогает, мы спокойно доходим до гаража, но нумерация уже давно изменилась, поэтому мы ищем глазами. Около одного из гаражей сидит мужик в костюме, солидный такой, что-то делает. Но гараж закрыт. Я разговариваю с мамой, этот ли гараж. Мы решаем, что этот. У нас есть связка ключей, но мы почему-то уверены, что замки не поменяны. Нам надо что-то забрать из гаража, какие-то наши вещи, которые нам потребовались и которые мы не забрали тогда, когда гараж продавали. Спрашиваю у мужика, его ли гараж. Он отвечает, что его. У мужика на лацкане светлого пиджака приколот депутатский значок. Он приветлив и не посылает нас с нашей просьбой, но видно, что он ждёт подтверждения того, что мы – предыдущие владельцы. Я предлагаю сравнить ключи: достаю нашу связку, он свой ключ, мы сравниваем: они одинаковые. Мама говорит, что одинаковые, даже

показывает на какую-то секретную отметину. Мужик берёт наш комплект и отпирает оба замка без проблем. Мы входим в гараж: там всё аккуратно, горит свет, стоит машина типа старенького серого ижевского Москвича 412, номер 26-23 ГОФ. Я прохожу к основному верстаку справа от машины, спрашиваю маму, что забирать. Мы берём какую-то мелочь, детали, приборы для измерения, приبلуды для авторемонта и комплекты запчастей. Думаю, что надо бы посмотреть наверху, на антресолях. Мама обходит машину слева и начинает лезть наверх по натянутой верёвке, как по верёвочной лестнице. Мужик наблюдает за нами с интересом, улыбается. Видно, что он вовсе не против того, чтобы мы забрали наши вещи. Спрашивает, мол, забыли что-то забрать, когда продавали? Да, говорю, забыли, а теперь вот понадобилось... В общем, вижу, что мама лезет – она в хорошей физической форме, подтянутая и высокая. Я запрещаю ей лезть, говорю, что опасно, можно упасть. «Мама», говорю, «давай-ка я полезу»; депутат говорит, что моя мама хорошо молодо выглядит – мне приятно это слышать. Она подчиняется мне, спускается, и я лезу сам. Залезаю на вторую полку-антресоль над верстаком и опять спрашиваю её, что взять. Там особо ничего нужного нет, но я узнаю старые коробки с крепежом, снимаю их. Ещё вижу такой клёвый ящик из толстой резины и думаю, что его бы тоже надо. Но в нём навалено каких-то пластиковых бутылок с маслами, вынимаю их из ящика. Вдруг замечаю, что слева стоит большая коробка, доверху набитая магазинами 5.45 и 7.62, чёрные и рыжие, тридцатки. Бубнов не вижу. Беру длинный от РПК и думаю, что магазины новые, классные, но они мне не нужны уже давно, чего их, солить, что ли... Тащить ещё ж надо... Короче, они не нужны. За ящиком вижу лежащий разобранный, с вывернутым стволом, макет. Я решаю его забрать. Он в пластике, чуть потёртый, но вполне себе. В гараж заходят знакомые депутата, один из которых с собакой. Люди приятные. Собачник видит, как я спускаю вниз эти железки, подходит и спрашивает, настоящий ли. Я говорю, что это, конечно же, макет, что всё там изменено и восстановлению не подлежит. Он смотрит, понимает суть вопроса. Вижу, что у него есть пистолет, он кладёт его на верстак, чтобы удобнее было стоять. Собака не лает, не бесится, она большая и дружелюбная, любопытно смотрит на людей. Я снимаю сверху ещё ствол с колодкой мушки и газовой камерой, ещё какие-то детали. Прошу маму найти какую-нибудь сумку под всё это, или большую тряпку. По гаражу там-сям валяются тряпки, в них что-то завернуто – я думаю, что можно взять одну из них и завернуть всё, что мы набрали, с собой. Депутат не против, он всё отдаёт. Я ещё раз обращаю внимание на его автомобиль в гараже, на старый Москвич. Раритетная машина, говорю. Хвалю. Он, и это очевидно, очень любит свой автомобиль. Ему приятно, что я оценил.

* * *

Мы едем на машине с Аней. Болтаем о времени, когда несколько лет назад были пожары по области. Едем куда-то за город. Аня рассказывает, что хорошо знает эту дорогу. Нам надо развернуться, и она съезжает с основной трассы на просёлочную дорогу. Я начинаю спорить с ней, предлагая развернуться прямо на трассе, но она упрямо едет вглубь леса. Мы доезжаем до странной базы-магазина: там на территории развешены самые разные товары, как на блошином рынке, много открытых гаражей, туда-сюда ходят люди, занимающиеся ремонтом. Аня подъезжает к одной из сторон этого загона, крутит руль и поворачивает, разворачиваясь. Я вижу справа около выезда с этой базы развешенные на стене секунд-хендовские вещи. Вижу Вадима Подпорожского, он смотрит на кожаные куртки и брюки. Выбирает совсем уж убитые брюки, с одной штанины что-то висит отрывающееся, все они уношены – но зато этот экземпляр, как сказал Вадим, крайне редкий и нужный ему. Мы пешком выходим с территории базы и начинаем идти к основной дороге. Вадим идёт впереди, неся штаны на вытянутой руке. Я смотрю на них: они волочатся по лесной дороге, по грязи и пыли. За нами идёт толстый мужик, продавец на базе. Он говорит Вадиму, что "штанцы-то подубитые, есть же экземпляры в состоянии

гораздо более весёлом". На что Вадим твёрдо заявляет, что ему нужны именно эти. Хозяин-барин. Иду и попадаю в деревню – был тут много раз, всё понятно и не необычно. Стою около знакомого мне дома. Там надо что-то или забрать, или посмотреть, но занятие это не очень законное. Я вижу, что дома никого нет, но каким образом туда пробраться, мне известно. Вдруг слышу, как по дороге едет машина. Я забегаю за угол и прячусь, наблюдая за подъездом к дому. Приезжает неизвестная мне машина, а за рулём хозяин дома – молодой парень, чем-то напоминающий Лёху, который работал в НИИТОП на первом этаже (я в то время трудился там же, но на 3-м). Подхожу к нему, мы здороваемся, он спрашивает про цель моего визита. Говорю ему легенду о том, что мы тут рядом по работе, но потребовалось воспользоваться ванной комнатой, вот я и зашёл к нему. Он пропускает меня в дом, шутит. Легенда изначально была такая: по делу надо к воде, которая есть у него в ванной комнате, в водопроводной системе требуется что-то проверить. Эта версия его вроде бы устроила. Я понимаю, что отмазался, после чего ухожу прочь из дома и деревни, примыкаю к группе моих коллег, и мы двигаемся в город, продолжать выполнять задание. Вспоминается рядом почему-то невысокий Гурин – он меня немного напрягает своей обособленностью и чужеродностью, но он явно не враг. Мы с кем-то ещё спускаемся в подвал торгового центра – по работе, но ощущение, что дом где-то рядом. Мне хочется заглянуть в магазин и купить питьевой воды. Я знаю, что надо зайти именно туда, именно в этот магазин. Прошу бутылочку воды. Вижу, что тётка-продавщица наливает её прямо из тазика с простой водопроводной водой. Я решаю ничего не говорить, мне это не столь важно, лишь бы не потратиться особо. Тётка наливает пару бутылочек 0,33 и ставит на прилавок. Я спрашиваю о цене, она говорит про сто сорок рублей за бутылку. Почему-то меня эта сумма очень разозлила, я с вызовом переспрашиваю, она повторяет. Я отказываюсь покупать эту водопроводную, налитую в бутылки прямо при мне, воду. Слишком дорого и очень уж вопиюще, как говорится...

* * *

Беспамятство. Что-то было, долгое и содержательное, но всё стёрлось в процессе пробуждения от боли. Еле-еле ворочаю рукой.

* * *

Огромная и целостная история, в которой я принимал важное участие. К сожалению, всё стёрлось в ходе утренней процедурной суеты. Осталось в памяти ощущение каких-то бесконечных перемещений по огромному зданию-организации, где куча охранников и слежки, но мне всякий раз получалось одурачить преследователей. Из двери в дверь, из лестницы на лестницу... Потом показывал Ехрову свою медицинскую карту с какими-то исследованиями, говорили про увеличение дряни на почке, мне было немного неудобно всё это показывать, но почему-то это сделать было надо. Далее перенёсся куда-то домой: там непонятный человек исследовал трубу с горячей водой в ванной, потом стал её двигать туда-сюда и сдвигать вверх, мотивируя это тем, что этот полотенцесушитель не на месте. Я подумал, что соседи сверху ёбнутся, когда увидят пляски трубы и её перемещения.

* * *

Занимаюсь очень важным делом, от которого многое зависит. Но выражается это в какой-то глупости, типа варки свёклы. Ответственность, внимательность – всё это я аккуратно делаю раз за разом. Параллельно этому, происходит что-то активное в плане перемещений по городу: мелькают районы, масса знакомых людей и событий. Впрочем, все эти мелькания неизбежно и обязательно заканчиваются варкой свёклы – базисным занятием,

без которого не будет ни районов, ни людей, ни событий. Конкретика стёрлась в предрассветном выныривании из подсознания в сознание, остались лишь ощущения от общей картины сна.

* * *

Мы с Аней на Корейском, но визуально это совсем другой дом и другая квартира. Я жду её, а она убирается и стирает, развешивает на балконе выстиранное. Балкон странный: одна его сторона кончается стеной с окном соседей. Бельё сушится прямо на стенах к соседям. Полина где-то в квартире, ждёт Аню, чтобы ехать по делам. Я перемещаюсь на работу: там идёт обсуждение всяких обыденных мероприятий. Приносят чай, но у меня в этот момент в руках уже кружка с кофе. Поздравляют с праздником. Мы начинаем обсуждать исторические аспекты праздника, я что-то заумно говорю. Корни вопроса уходят в фашистские тайные общества, в Туле, в символизм. Меня слушает высокая девушка, джинсы и сапоги на каблуках, длинные темные волосы, очки в тёмной оправе – чем-то напоминает Галю Проборову в то время, когда я её видел с Сергеем, в девяностые, у Игната Филиппева. У неё в руках оказываются бумаги с графами, которые надо заполнять, что-то типа анкеты. Мы заполняем, она помогает – ощущение, что она помощник и коллега по работе. Слышу, в дверь (я уже опять дома) звонят. Аня открывает. Я в комнате. Она говорит, что пришёл медработник. Молодой парень, около тридцати, приносит сумку и начинает из неё доставать какие-то предметы, спец-одежду, приборы... На кухне подключает ноутбук и мы все вместе начинаем составлять карту, отвечая на вопросы программы. Медработник заносит данные в амбулаторную карту.

* * *

Какие-то военные пытаются подставить своих коллег, моделируя ситуацию следующего характера: в ресторане, где они должны обедать, заказывается столик, на который делают большой заказ, подтверждающий необоснованное швыряние деньгами. Я сижу за соседним столиком и спрашиваю, что это и зачем. «Ты, вроде, взрослый человек, умный, но таких простых вещей понять не можешь», - говорят мне, упрекая в отсутствии стремления понять мотивы. Но дело в том, что я всё понимаю, только мне одного никак не понять: зачем всё это в принципе. В их случае.

* * *

Мы с Аней приехали к Андрею Крюкину в деревню и ждём, чтобы что-то забрать или с кем-то встретиться. Ждём на улице около своей машины, рядом стоит машина Андрея, какая-то девятка или пятнашка. По телефону он сказал, что сейчас придёт, но его всё нет и нет. Я знаю, что там, где он (т.е. в их доме), сейчас находятся и Ольга, и Настя с Любой, и Игорь. Но Игорь из деревни выезжать не может, у него что-то типа подписки о невыезде. Короче, ждём. Время поджимает, и я решаю поторопить Андрея, начинаю с Аней стучать по капоту его автомобиля, чтобы сработала сигнализация. Видим Андрея, бегущего к машине. Мы смеёмся и кричим ему, что всё в порядке, это мы его через сигналку позвали. Он подбегает к своей машине и гладит её по капоту... Говорим ему, что машина у него хорошая, кормилица и т.п. – говорим искренне и честно. После чего идём все вместе к нему в дом. Там я встречаю Игоря, мы очень рады встрече, смеёмся и болтаем обо всём подряд. Он рассказывает, что ему там где-то надо было пройти процедуры, заставляли надевать другую одежду – короче говоря, приключения. Очень интересно. Игорь в хорошем настроении, я тоже энергичен и весел, мы давно не виделись и никак не можем наговориться. Но надо ехать. Я всячески оттягиваю расставание, поэтому предлагаю поесть. Варю со своей бабушкой суп из рыбных консервов,

картошечки и вермишели. Вермишель очень тонкая. Получилось вкусно. Зову народ с тарелками и накладываю им ложкой суп. Настя пробует и смеётся, говорит, что похоже на консервы, мы все смеёмся, но ведь вкусно же! Ложкой накладывать крайне неудобно, поэтому беру половник и иду к столу, где все сидят. Сначала добавляю в Настину тарелку, которая стоит справа и накрыта крышкой. Она поднимает крышку и я добавляю ей до краёв. Рядом справа сидит Андрей. Потом подхожу к Ольге, она справа от Андрея. Справа от Ольги – наша Полина. Я пытаюсь положить добавку Ольге, но теснота мешает мне это сделать. Я прошу Полину подвинуться немного, чтобы я её нечаянно не облил горячим супом. Она не замечает меня, игнорируя полностью. Я ещё раз говорю ей, чтобы пустила меня долить суп, это в её же интересах, чтобы я случайно её не ошпарил. Она опять предпочитает не заметить мои слова. В общем, я постоял немного около Полины, она так и не подвинулась, продолжая не замечать. Меня это расстраивает и огорчает. Но другая моя часть сильно рада из-за встречи с Игорем, с которым мы пообщались, много и радостно. Очень хорошее ощущение.

* * *

Я в квартире 26 у бабушки, мы суетимся по хозяйству, что-то совместно делаем. Вхожу в её маленькую комнату и понимаю, что дед давно умер, но обстановка в комнате ничуть не изменилась. У меня стойкое ощущение, что я живу в этой квартире, веду себя здесь как хозяин. Под кроватью обнаруживаю тарелку с какой-то или едой, или конфетами – с чем-то приятным съестным. Ем или не ем это – не помню. Бабушка где-то рядом делает привычные бытовые вещи по дому, всё это вполне комфортно, хоть и есть понимание отсутствия деда. Рядом Аня, мы исследуем квартиру, открывая всякие шкафчики и ящички, заглядывая во все уголки. Аня стоит перед зеркалом и что-то хочет померить. Приходит мама, начинаем двигать мебель. Ане надо уходить по делам, поэтому двигаем мы вдвоём с мамой, но вокруг оказываются какие-то непонятные, средних лет, люди кавказского типа. Они помогают передвинуть стол, он огромный, полукруглый, мы начинаем его складывать. Мама залезает на стол с ногами и куда-то их прогоняет. Дома опять никого постороннего нет, сидим в большой комнате 64 квартиры, свет выключен, сидим перед ноутбуком, что-то смотрим или читаем, а у меня мысли о том, что ноутдохнет: слишком мутное изображение... Есть желание попробовать поднастроить его поярче или и вовсе заменить на новый. Я попадаю в свою первую школу, у меня тут есть какие-то дела, вокруг суета и полно народу. В голове желание поскорее вернуться в 26 квартиру и продолжить окунаться в любимый быт. Заканчиваю и иду домой. Мне звонят по телефону, я попадаю в мутный бункер, где какие-то мои знакомые или живут, или работают. Мы там обсуждаем что-то ранее запланированное, я выхожу на улицу, уже темно, ночь. В том месте, где магазин Панда, чуть поглубже на Богородской, я вижу ночной бар, на часах бара около десяти вечера, за стойкой двое, один из них Лемми. Я там недавно был, но заходить опять сейчас туда не особо хочется, пить тем более не хочется, я тороплюсь домой, мне на телефон опять звонит Рашид, я отвечаю, мы о чём-то разговариваем. Ощущение повторяемости происходящего. Звуковым оформлением постоянно идёт Смоуки. Детские воспоминания: у деда в 26 квартире был вертак Вега, мы на нём частенько слушали этот винил.

* * *

Абсолютно на первый взгляд никак не трактуемая и не воспринимаемая логически череда событий и символов, среди которых были и вполне реальные участники. Помню прямоугольники с расписанными по ним числами, процентами. Помню, что встречался с Никифором на моей территории, ибо под конец провожал его. Коля был худ, но энергичен. Я сказал ему, что неизвестно когда ещё получится встретиться в жизни. Он

был радостный, какой-то душевный и добрый. Также помню тайники, в которых у меня было спрятано что-то такое, что могло бы заинтересовать кого-то ещё. Проводив всех из дома, я осознал, что в тамбуре много грязи и паутины. В голове торчал план вмуровать в стену подъезда небольшой сейф.

* * *

Приезжаем на Терешковку, везём с собой целую кучу вещей. Внезапно я понимаю, что мы забыли захватить с собой чайник со свистком и пакет документов на электросчётчик для Насти.

* * *

В коммерческой организации я взял кредит, или даже какие-то предметы в рассрочку. Отдав долг, снял с себя данное обязательство, и на душе стало спокойно и легко. Вдруг, читая прессу, натыкаюсь на упоминание этой организации. Я знаю, что там же Аня что-то брала – она рядом, тоже видит упоминание и говорит, что также всё выплатила. Я перемещаюсь в офис этой фирмы. Он находится в каком-то старом здании, по ощущениям напоминающим ДК УВД в девяностые годы, в бытность нахождения там пресс-службы. Мне всё знакомо, я вижу закрытые двери из основного помещения. Сажу и просто читаю журнал про науку и жизнь, но понимаю, что этот журнал с напечатанной целой книгой. Мне непонятны мотивы, побудившие издателей делать такой странный выпуск. Вдруг входят сотрудники организации и какой-то левый человек. Ему что-то или кого-то надо, а местный народ его старается выпроводить. Он подходит к одной из закрытых дверей и начинает в неё ломиться. Дверь открывается, человек заходит в тайную комнату и находит в ней неживого человека, стоящего в дверном проёме. У всех возникает понимание чего-то такого, что полностью объясняет всё-всё, что было непонятно до этого. У меня тоже. Я вспоминаю былые дни, как с местными людьми сидел на балконе этого ДК, мы сверху смотрели на улицу, шутили и куролесили, ещё даже не открылось джаз-кафе, настроение было отменным. Сильная ностальгия по тем временам. Воспоминания захватывают меня так, что я начинаю проживать сюжет на балконе заново, но с учётом прошлого: вспоминаю, что я на балконе, в прошлом, читаю журнал с напечатанной книгой. Потом иду в дальнюю комнату, где много дверей, появляются люди и скандальный человек, ломающий дверь и т.д. и т.п. Всё закольцовывается. В журнале вижу фотографию этого самого левого чела с укулеле в руках и думаю, что неплохо было бы купить домой такой же инструмент.

* * *

Так получилось, что я помог какому-то человеку, после чего беседуем и оказывается, что мы с ним имеем много знакомых в прошлом. В основном, знакомые в той или иной степени связаны с музыкой: в частности, с ИнЯзом, с комнатой на верхнем этаже, за залом, где была точка Хранителей. Этот человек мне рассказывает то про одного, то про другого, показывает какие-то фотографии, я узнаю этих людей. Какой-то бородатый мужик на фото, контрабасист, мною распознанный почему-то как знакомый Праводеева, кто-то ещё у меня вызвал ассоциацию с Туманиным, кто-то ещё с Бивиковым. Но все те, о которых мне рассказывал тот человек, судя по его словам, были уже мертвы. Потом я оказываюсь дома. Ко мне приходит или как-то контактирует со мной Шура Тыковлев, мы замысливаем абстрактный музыкальный проект. В параллель к этому наконец-то происходит встреча с Никифором, который всё-таки посетил меня, больного и немощного. Он был не один, а с какими-то людьми, также из прошлого, среди них точно был Юра-Бацилла. Коля забывает у меня свой телефон. Потом опять появляется Тыковлев и

рассказывает про сайт с музыкальными новостями, якобы надо там прочитать что-то и он сейчас нам это вслух расскажет в любом случае. Будто какое-то выступление. Я открываю сайт, мы совместно читаем. На телефон Коли часто звонит он сам, я не отвечаю из-за непонятной мне причины. Таких звонков было много, но я всё время не отвечал. Потом он опять приезжает ко мне, я говорю, что он забыл свой телефон у меня, после чего отдаю ему аппарат. Он заряжен еле-еле, но работает. Коля смотрит в телефон и как-то раздражённо говорит, что не надо было звонить на телефон и с него. Подходит к моему шкафу в большой комнате и начинает там укладывать или перекидывать какие-то вещи. Я хочу ему возразить, что не отвечал на его телефоне никому и не звонил, но почему-то молчу, т.к. не хочется выглядеть оправдывающимся, тем более что оправдываться мне действительно не в чем.

* * *

Первая часть сна прошла с болью, поэтому проснувшись под утро я сначала всё увиденное прекрасно помнил, но тут же забыл, переключив мозг на добывание и употребление обезболивающих пилюль.

Нахожусь или в офисе, или в доме у АЮ. У меня сильно болит зуб, надо его лечить. Рядом с нами сидит Юля. У меня есть знакомая, зубной врач, «нелепая девочка», как я её называю, она находится совсем рядом, около ЦСМ в Жемчужине. Но Юля (почему-то у меня она во сне Юля, но не совсем Юля, а всё-таки кто-то другой) тянет к своему доктору – или, точнее, в свою знакомую клинику. Я как-то вяло соглашаюсь, мне по большому счёту всё равно, где вылечить зуб, дело-то житейское. Мне они обе так или иначе хотят помочь, дают какие-то талоны, так что у меня нет морального выбора. В общем, мне всё равно, поэтому я не имею никакого лечебного плана и отдаюсь на волю случая. Едем к ней домой, недалеко от площади Горького. Там навороченный многоквартирный дом, мы проходим через первый этаж, я вижу очень сложную систему видео-наблюдения, мне она интересна, я начинаю её изучать, нажимая на кнопки и рассматривая меню, возможности и т.п. Архивы под блоком, само собой. Множество настроек весьма громоздки. Рядом какой-то мужик и знакомая, они говорят, что не разбираются во всём этом. Заходим в дом, а потом оттуда сразу в клинику. Она недалеко от Серой Лошади, только на другой стороне и в глубине, за Миром Музыки. В клинике всё как обычно: регистрация, посетители, взрослые и дети... Среди посетителей вижу знакомых. Чиргинский, когда его вызвали к доктору, спросил, надо ли раздеваться – раздеваться надо, он начинает переодеваться в больничную робу. Я сижу и жду. Жду, жду... В конце концов меня зовут и проводят в недра поликлиники, там вообще что-то непонятное, какие-то детские группы – я постепенно въезжаю, что они сами не в курсе, что мне надо и тоже понимают невозможность помощи мне. Они не лечат зубы. Я злюсь, потому что прождал там у них хуеву тучу времени, почти весь день потерял, неужели они не могли сразу сказать мне, что не занимаются зубами? Блядство полное. Иду куда-то ещё. Рядом в полуподвале уже не поликлиника, а какой-то магазин – иду туда и делаю что-то такое, что меня резко обогащает, но вместе с тем ставит в положение скрывающегося, убегающего. За мной идут по следу и гонятся, я открываю новые и новые двери, прячусь в комнатах, стараюсь выбраться из лабиринта магазина-подвала. Наконец, дойдя до выхода и протиснувшись через приёмную той поликлиники, я выбегаю на улицу и теряюсь в толпе. В голове мысль, что с этим больничным ожиданием я здорово наследил, меня запросто могут вычислить по регистрации медицинской карты. Деньги я куда-то спрятал. Иду к Юле, но её дома нет, зато есть АЮ, ещё какие-то люди, знакомые мне по работе, в том числе и Чубриков, Форлов, Чиргинский. Я терзаюсь: в голове понимание того, что надо вернуть деньги, которые не мои, надо лечить зуб, надо валить отсюда. Я отправляюсь опять в больницу, уже на своё усмотрение. Помимо этого решаю вопрос с деньгами, которые спрятал.

Наконец-то они все у меня, я восстанавливаю статус-кво – очень радостное настроение, которое однозначно понимается как «теперь потерь нет». Только одно меня тревожит: посещение дома знакомой, которое так или иначе записано в архиве видео-наблюдения. Я решаю разобраться с аппаратурой и удалить запись. Понимая, что всё равно никто его не увидит, ибо никто не понимает в том видео-наблюдении, а со временем ротация записей удалит всё старьё в автоматическом режиме, всё-таки начинаю исследовать интерфейс программы. Чёрт ногу сломит. Я недоумеваю. Удалить ничего не могу. Но стрём как-то начинает вскрываться – непонятно только, кому: окружающим, затронутым или только внутри меня? В общем, какая-то муть. Я стараюсь всё сохранить и сделать неизменным то, что достигнуто до этого дня. Но нет чувства измены, есть скорее некий долг, некая обязанность. Понимаю, что от меня также зависят люди, что за ними надо присматривать, помогать... Тут ещё эти деньги, которые вроде бы и мои, но вместе с тем и чужие. Что с ними делать, я не могу решить. Тут Форлов предлагает поучаствовать в его деле – он важная фигура и мне надо где-то побывать и помочь ему. Перемещаемся в аэропорт Стригино, я стою около окна, жду Валеру. Он идёт, но за ним следят. Получается так, что мне сбрасывают на пол кучу пачек с деньгами, я их незаметно подбираю и иду к выходу незамеченным. Дело сделано, я помог, опять деньги и опять успешное разрешение проблемы. Опять у Юлии дома. Я, когда был в первый раз в больнице, где видел Игоря, подслушал нечто такое секретное про одного сотрудника, что может сильно изменить отношение к нему у коллег. Он, как оказалось, предатель. Так получается. Я не хочу открыто говорить такими определениями, поэтому рассказываю про то, что приключилось в больнице, отстранённым и иносказательным вариантом. Впрочем, с полным пониманием того, что всем слушающим всё чётко ясно. Вижу, что Настя делает какие-то распоряжения. И знаки мне, чтобы я заткнулся. Но внутри меня остаётся чувство, что из-за меня пострадал человек. Вины нет, просто чувство случившегося. Также понимание, что мне ничего не угрожает извне, проблем у семьи после моего ухода уже не будет. Спокойствие на душе. Замечаю, что у меня обручальное кольцо не только на правом безымянном пальце, но и на левом. Вдруг Чубриков говорит всем вокруг, что знал про предательство ещё и раньше. Говорит как само собой разумеющееся. Все удивлены. Я замечаю, что вокруг многие знали об этом или как минимум догадывались. По большому счёту, мне плевать на всё это, у меня сейчас совсем другие цели и задачи, играть в эти игры абсолютно не хочется. Смотрю на всё это со стороны, мне смешно. Немного грустно, но спокойно и смешно. Несчастные люди в своей бессмысленной возне нелепы. Как никогда.

* * *

Яркое солнце, лето. Я варю суп, даю кому-то попробовать. Гордость за суп. Вдруг возникает необходимость какой-то записи в документах, и надо переписать из паспорта несколько строчек по-английски. У многих в паспортах нет английского перевода, я хочу попросить перевести. Дормачев говорит, что у Лены в паспорте есть такая запись и что она уже сдала свои данные ему. Я понимаю, что мы с Аней просто оттуда перепишем эти строчки, подставив свои имена. Для этого я вхожу в дом (муравейник-гостинка), поднимаюсь на какой-то из верхних этажей и попадаю на приём. Достаточно большое помещение, очень много людей. Впечатление, что это примерно сто лет назад. Некая дама помпезно курит папиросу, я хочу тоже закурить, но не нахожу в карманах курева. Она даёт мне папиросу, уже раскуренную. Я пробую затянуться из соображений исследователя: интересно, какой табачок был в начале двадцатого века. Ничего не понимаю, папироса кончается достаточно быстро. Мне вдруг всё становится всё равно.

* * *

Живу в загадочном мире: меня окружают люди, и мы все объединены какой-то одной целью. Я всё своё самое ценное ношу в сумке. Ещё у меня есть ноут, подключаю его на улице около первого подъезда моего дома на Голованова, где стоянка. Вдруг начинается странный шум. Я спрашиваю у знакомого мне человека, что происходит. Он задумался и сказал, что летит дождь. Ощущение, что мы в какой-то ссылке, в раю на небе, здесь всех нас собрали для чего-то или из-за чего-то, но у нас всё равно свои цели и отношения. Быстро пытаюсь отключиться от сети, подобрать всякие свои вещи, сумки, но на земле лежат чужие вещи, они ценные и интересные, я подбираю и их. Дождь начинает капать, я уже под дождём бегу в подъезд. Ругаю знакомых, что они не помогли мне. Внутри – летний день, идёт какое-то строительство дач, много домов. Как будто бы всем-всем раздали участки и на них началась стройка своими силами. Суббота. Мы все друг друга знаем, сотни людей, я иду через участки и здороваюсь со всеми, а они все со мной. Вдруг вижу Рому Баршина, мы перекидываемся какими-то дежурными словами. У меня спрашивают, сколько надо закладывать пороха, чтобы у бревна что-то там взорвать безопасно. Это надо для постройки дома. Я отвечаю, что однозначного варианта нет, ибо надо знать тип пороха и конечную цель. Зачем-то спрашиваю про скорость горения. Слышу, что кто-то говорит о том, что если заложить в бревно пороха много, то можно случайно убить соседа. Я на ходу кричу, чтобы закладывали побольше, тонну тонн, тогда убьют обязательно! Шутка всем нравится, все смеются. Наверху, в квартире, мы с Аней и Полиной сидим и что-то делаем. Мне жалко Аню, жалко Полину. Но я разыгрываю спектакль, что теперь «всё будет строго и минималистично». Полина лёгкая и приятная, спрашивает меня о сказке, которую я пишу для неё. Я отвечаю, что нет никакой сказки. Она говорит, что я же ей её читал по телефону, на что я отвечаю детскими категориями: «забыл», «потерял», «когда-нибудь потом, да» и т.п. Мне очень жалко Полину, я её обнимаю и глажу по голове, как маленького котёнка. Обнимаю Аню. Их обеих я очень сильно люблю и никогда не сделаю им больно или плохо. Потом встаю и иду в свою нору. Там все комнаты пустые, а кровати сдвинуты в одну комнату. Кто-то у меня спрашивает, как же мы тут будем жить, на что я объясняю шутейно, что вот на этих сдвинутых в одной комнате кроватях и будем спать вповалку, брёвнами. В соседних комнатах пустота, будто они приготовлены к ремонту. Полина в удивлении, как на Луну попала. Выхожу из квартиры и перемещаюсь в столовую, там за столом сидят какие-то уже незнакомые люди, но одна из них – известная всем-всем. Она говорит мне всякие приветственные слова, узнаёт меня, я с ней беседую, потом выхожу из комнаты и вижу кожаный диван. Понимаю, что меня могут засечь, поэтому выхожу и из этой комнаты в какую-то маленькую, где запираюсь на засов. Звонит телефон, я отвечаю и слышу Чиваткина. У меня дома кончился песок (не сахарный, а речной), для каких-то особых целей он очень нужен. Собираюсь добыть его, сходить за ним на улицу. Вижу Полину, мы очень тепло о чём-то говорим, я ей отдаю деньги и какие-то вещи, совершенно не ожидая ничего в ответ. Потом попадаю на улицу, дождь кончился, я иду по асфальтовой дорожке, навстречу мне ребёнок лет пяти, девочка, в руках у которой рыжий львёнок с пятнышком на боку. Она показывает пальцем на мою ногу и говорит, что у меня странная татуировка. Я смотрю и вижу мой кожаный сапог на левой ноге, он как бы прозрачный, и видно, что на ноге татуировка в виде креста, грубая татуировка из линий. Крест на левой ноге, примерно в том месте, где у ботинка шнуровка. Я ничего никому не объясняю, просто иду дальше. Вижу кучу песка – и наступает понимание, что цель достигнута, песок – вот он, остаётся только набрать его и взять с собой. В голове стучит только одно: Полину и Аню я очень сильно люблю, у меня больше никого нет, я о них обязан заботиться и защищать. Они – единственные у меня, других просто нет и никогда не будет.

* * *

Достаточно плотная группа общения, вроде как даже рабочий коллектив. Собираемся куда-то ехать. Наше место дислокации в подвале, мы обсуждаем выезд. Я замечаю, что мне придётся взять какую-то сумку тяжёлую, ношу, но прежде чем ехать, надо завершить кое-какие дела. Выхожу на улицу первым и иду к нотариусу. Возвращаюсь и вижу всего два человека, один из которых Вадим Подпорожский. Ночь, зима. Мы в плащах. Я говорю, что раз ещё никого нет, то успею зайти в офис и оставить сумку. Меня это радует. Мы с Вадимом на выезде натываемся на книжный магазин и смотрим, что там можно купить. Я нахожу интересную мне книгу. Книги явно б.у. или просто уценённые. Замечаю, что эта книга не нового издания, что-то выделено карандашом, сзади наклеен штрих-код, но цены нигде нет. Я не думаю, что книга стоит дорого, поэтому рекомендую Вадиму её купить. Отмечаю, данное издание уже раритетное, т.к. произведение написано позже, чем издана книга: показываю ему ошибочные данные о выходе, напечатанные в начале, в конце и на страницах внизу. Что-то зачёркнуто карандашом, что-то нет. Мы оказываемся на концерте в зале. На сцене – какая-то группа, вижу двух гитаристов и басиста со старой жабой (прямоугольные инлеи, пуля в голове, санбёрст, все дела). Оба гитариста стоят около микрофона, один в него поёт, а басист стоит сбоку, отдельно от остальных, его не очень видно, он вроде как на месте, но вместе с тем его уже нет. Растворяется в воздухе, прямо на глазах по ходу выступления. Музыканты играют, я отлично знаю их гитарные партии, как будто сам играю.

* * *

Сижу с кем-то из знакомых на Нартова, напротив входа в Э-Т, в припаркованном уазике. Лето, день. Вижу из окна, что рядом на обочине лежит человек. Разговариваю по телефону с Аней. Вдруг человек встаёт и начинает заглядывать снаружи к нам в машину. Я узнаю в нём Игоря и начинаю прямо вслух в телефонную трубку комментировать происходящее: «Это Чиргинский, он в зелёной камуфлированной футболке, короткие волосы, у него одутловатое и даже толстое лицо, выражение лица какое-то мученическое, недовольное, хмурое, на лице видны заживающие раны. Он обходит машину, встаёт около капота и начинает толкать её назад. Машина постепенно набирает скорость, мы ничего не можем с этим поделать, машина всё сильнее и сильнее разгоняется». Я смотрю видеозапись хренового качества: ночь, спортивный стадион, вход в него. Попадаю прямо в запись. Всё вижу в плохом VHS-качестве. На стадионе команда хоккеистов празднует победу Стенли. Я понимаю, что там все русские, наши. Подхожу к ним и кричу по-русски: «Русские хоккеисты – чемпионы СССР!». Спортсмен, держащий в руках Кубок, слышит меня и говорит: «Это точно». Запись заканчивается, я смотрю её по телевизору, который стоит на сложенном столе на лестничной площадке, между двух пролётов. Я вижу, что стол надо перевернуть, поэтому хватаю телевизор и думаю, как теперь перевернуть стол, ведь руки-то уже заняты. Рядом оказывается дед, я говорю ему: «Переворачивай стол», он начинает его переворачивать. Переворачивает, я ставлю на него телевизор, теперь всё расположено правильно, как надо. Порядок.

* * *

Нахожусь в гостинице, в командировке. Тут я не один, несколько человек с работы или родственники, знакомые, уже трудно вспомнить. Гостиница расположена где-то на Свердловке. Мне надо куда-то идти, поэтому я предупреждаю своих родных о том, что не смогу ответить им по телефону, вероятнее всего. Сам же попадаю на работу, где меня просят помочь какой-то клиентке, которая должна с минуты на минуту прийти в отделение банка и что-то там сделать. Я смотрю на часы и понимаю, что надо всё делать бегом, иначе просто никуда не успею. Банк расположен на другом конце здания, я мчусь через улицу. Надо позвонить в ту комнату, где какая-то ответственная тётка, чтобы

предупредить о чём-то. Я бегу и знаю, что туда звонили и предупреждали. Прибегаю; тётка на месте, вроде всё утрясаем, она немного раздражена, я успокаиваю её, уверяю, что всё в порядке, предлагаю пройти в другое помещение. В голове понимаю при этом, что надо ещё оформлять нужные бумаги. В общем, у меня заботы, я делаю дела по работе. Потом опять оказываюсь в своём гостиничном номере, собираюсь куда-то идти. Тоже надо звонить и договариваться, я это делаю, но ощущаю предстоящую нервотрёпку, связанную со всем этим...

Вечер, Свердловка, много людей, я стою в районе Художественных Промыслов и кого-то жду. Всматриваюсь в людей. Мне надо зайти и забрать небольшую коробочку, типа роутера, потом пойти и подключить её у Ани. Я думаю, что главное – не забыть у себя в гостинице взять провода. Стою, жду и понимаю, что их у меня с собой сейчас нет. Но посещает мысль, что можно же использовать старые провода, которыми там уже всё подключено – осознание этого как гора с плеч, решение найдено. Объясняю Ане, как и что куда подключить. Потом оказываюсь опять у себя в гостиничном номере и жду звонка от Ани. Сам же ем красные ягоды, которые вымыл странным образом (погружал в воду, а потом дул на них, сдувал воду, сушил). Несколько сортов ягод; они все разложены по своим стаканам. Я их ем, жду звонка. Решаю заодно позвонить в Щербинки и предупредить, чтобы не волновались. Думаю, что я вот сижу и жду, и волнуюсь, а они волноваться уже не будут, если я позвоню.

* * *

Остались лишь воспоминания о том, что снилось нечто глобальное и последовательно информационное, со сложным сценарием и ощущениями. Но после пробуждения всё это ушло вглубь, и снаружи зацепились за память только незначительные мелкие сцены.

Я на работе после длительного перерыва. Работаю еле-еле, ни в какие серьёзные темы не собираюсь вписываться. Меня то и дело пытаются притянуть к чему-то нудному, к выставке или долгосрочным темам, а у меня тут же идёт сопротивление этим продолжительным вещам, потому что точно не успею их завершить. Но при этом я одновременно и хочу долгосрочности, ибо хочется подольше занять жизнь, растянуть её чулок максимально. Какой-то человек, который занимается или разработкой, или созданием образцов: я вижу его насквозь, он лживый и двурушный. Мне не хочется его сразу голословно обвинять в чём-то таком, поэтому доказательно, шаг за шагом, подтверждаю окружающим его ошибки и заблуждения. Мужик на меня даже не думает, но я определил в нём цель. Я не хочу его опорочить или что-то ещё, но мне видно то отрицательное и вредное, что идёт от него. Настя слушает мои слова и хочет отправить с каким-то делом, но я не соглашаюсь ехать, просто не могу. Предлагаю отправить кого угодно. В офисе на стене висит какая-то редкая полуакустика, типа старой еэски, я её в своё время хитро выменял, теперь хочу забрать домой. Но на работе об этом не знают, и складывается странная ситуация: с одной стороны, она моя, но с другой – никто об этом не знает. Понимаю, что если начать раскладывать платёжные документы, то будет понятно, что теперь гитара принадлежит мне, но мне не хочется всей этой бумажной возни и разбирательств. Гори оно всё огнём, бред весь этот! Дебильная ситуация и ощущения.

* * *

Лежу в больнице, в очень большой палате, хожу куда-то по делам туда-сюда. Дел уже не вспомнить, но они были весьма насыщенными и активными. В больнице, согласно неким документам, приходится соответствовать распорядку – я и соответствую. Вхожу в палату,

на одной из кроватей лежит человек, и я точно знаю, что он неживой. Крысы или мыши объели ему лицо, пока никто этого не видит, но я знаю точно, и нахожусь в ожидании это увидеть. Сажусь на кровати и играю на басу квартами-квинтами на рике. Ощущаю на себе внимание окружающих, они меня слушают. Что-то репетирую, что-то получается. Пытаюсь дозвониться до Маганюка, еду куда-то на край города – в автобусе опять этот человек с лицом, поэтому я выхожу, мне противно. Край представляет собой классический застойный промзоновский район. Некий мужик хвастает, что протащил сюда кабель и теперь тут есть связь. Теперь понятно, почему такая нестабильная связь и я не могу до Влада дозвониться. Он снял тут себе офис или устроился на работу.

* * *

Меня приглашают на собрание в здании школы, там куча народа с работы: Настя, Саша... Но вместе с тем это обычная средняя школа. Прихожу, чуть опоздав – меня встречают с одобрением. Сажусь за заднюю парту.

Нахожусь в своей квартире, недавно тут живу, вдруг звонят в домофон и угрожают, что квартира куплена незаконно и что придётся разбираться с ситуацией. Я посылаю их, кричу в трубку: мрази, ну когда же вы все отъебётесь от меня, дайте спокойно пожить!

* * *

...долго разговариваю с Фелаевым. Он какой-то больной, периодически интересуется и про моё здоровье. Его вопросы конкретны, со знанием дела, но я не хочу его вводить в свои дела, поэтому всячески ухожу от ответа, и так несколько раз...

...кто-то, кого я очень хорошо знаю, лежит на постаменте, мёртвый. Я ухожу, но потом с близким мне человеком возвращаюсь – и мы видим, что постамент провалился: это был не постамент, а могила. Вот могила просела, провалилась, и теперь мёртвый лежит прямо на захороненном ранее гробе...

...моя кожаная куртка, лётная, с овчиной внутри...

Утром несколько раз в окно стучались или прилетали на сетку окна синички.

* * *

Иду на бывшую работу, на Нартова. До открытия офиса немного времени, я жду на крыльце, потом поднимаюсь. Мне надо выписать счёт или оформить какие-то бумаги, не важно... Вхожу в офис, там Галерлин. Он обращает внимание на то, что у меня поверх футболки и джинсов надет какой-то халат – я говорю, что это маскировка «на спор». Вспоминаю, что там, откуда я пришёл, было много народу, мы веселились, были приглашённые официантки, я смотрел на это со стороны, и мне было всё равно. Бумаги оформлены, я выхожу на улицу и иду дальше. На улице зима, снегопад, я одет в тулуп с высоким воротником. Вхожу в вестибюль какой-то организации, стряхиваю с себя снег... Захожу внутрь и оказываюсь на кухне. Знакомые люди меня окружают, но мне надо завершить дело. На кухне я выливаю из эмалированной ванночки в раковину воду или закуску, мою её и крышку, ставлю на подоконник на Ванеева. Ванна падает, поэтому переставляю её в пространство между столом и газовой плитой. Сок и швабру вешаю на крючки сбоку стола, между холодильниками, при этом головой понимаю, что на Ванеева стол один длинный и между холодильниками никакого пространства нет. Иду в комнату, там нечто вроде офиса, мне дают видео-кассету и смеются, говоря, что там записано что-

то такое, что меня порадует. Видака у меня уже давно нет. Тогда мы начинаем подключать магнитофон прямо тут, все разъёмы-тюльпаны гнутые, мы возимся, у нас не особо получается.

* * *

Я избегаю встреч со знакомыми ранее. Просто не хочу поднимать прошлое, стараюсь уничтожить память. Так получилось, что совершенно случайно столкнулся рожа в рожу с Маганюком: он шёл в Щербинках вверх по дорожке, а я слишком поздно его заметил, постарался спрятаться за деревом, но было поздно. Как-то дежурно поздоровались, фальшиво всё, я ненавижу такие встречи, где исполняются формальные пляски вежливости и приличия. На хуй такие приличия. Потом сижу дома на Голованова, но проходная комната является действительно какой-то проходной одновременно с улицей, там будто улица Лебедева. Сажу на диване, вдруг из-за углового забора выходит Никифор. Я где-то даже обрадовался, т.к. давно хотел с ним пересечься, но внутри всё равно сидел червь сомнения, который мне упорно проводил параллель с только что случившейся встречей с Владом. На сей раз всё проходит поспокойнее, у меня раздражения особого нет, но я всё равно отмечаю, насколько же мы разные... Коля говорит, что теперь будет тут часто-часто, что мы будем постоянно пересекаться. Я уж и не знаю, хорошо ли это. Я избегаю встреч со знакомыми ранее. На хуй бы не пошло оно, прошлое! Выхожу из дома и иду по лестнице. Начинается суетливая беготня по этажам. Внезапно обнаруживаю, что бегу с Аней. Лестница и подъезд – типа как в муравейниках-гостинках с одной центральной лестницей и двумя крыльями жилых блоков. Выходим на одном из этажей, встречаем знакомых. Тут же и теща, которая начинает со смехом им рассказывать, как я с Аней встретился. Вернее, как ей рассказали про меня посторонние люди. Дескать, анархист. Она сначала подумала, что какой-то анархист уводит от неё её дочь. Рассказывает с юмором, мы все смеёмся. Я парирую, мол, ну какой же я анархист? Привожу примеры, в которых с одной стороны вывод такой, что любой человек – анархист, т.к. иначе поступать просто нельзя, но с другой стороны – никто не анархист. Короче, бью логикой. Довольно тёплый и приятный разговор, никакой напряжённости. Те, кому всё это рассказывалось, беседуют друг с другом, периодически применяя всякие иностранные слова и термины, цитаты... Я-то этих всех понимаю и знаю источники, но вслух не говорю своё мнение: они просто выёбываются своим интеллектом, а на деле ничего из себя не представляют. Нищие духом. Если же я открыто, вслух, об этом скажу им, то получается, что и сам выёбываюсь, а заодно ещё и унижаю их. Да и потом – невежливо же... Молчу, улыбаюсь. Пусть их считают кем угодно, мне плевать. Собираюсь ехать домой, сажусь на остановке в маршрутку из Щербинок. Вдруг оказывается, что контролёр, опять-таки, какой-то старый знакомый, чуть ли не бездомный, но, как оказалось, он поднялся в гору и теперь почти аж депутат! Я думаю, что если он депутат, то какого ж хуя делает в маршрутке. Но, может быть, депутатство ещё не началось, вот-вот начнётся, а тут он просто дорабатывает... Или пиарится, типа, простой человек из народа, такой же как и все... Его напарница – боевая и резкая деваха – сечёт происходящее вокруг и пассажиров. Я сижу около водителя, смотрю на людей, на их расплывчатые хари. В салон в районе Ларина заходят какие-то странные молодые люди, одетые в хрен пойми что. Я ещё из окна их увидел на остановке, но когда они сели к нам, то деваха стала их выгонять. Я говорю ей: кто это? А она – ряженые, бл. Ряженые. Одеты в цыганском стиле, но вперемешку с хиппанством. Разноцветность, психоделические картинки, пацифики... От них исходит некая угроза и палево, поэтому лучше чтобы их не было рядом. Ко мне пытаются апеллировать, дескать, я же сам такой же, не без греха. Контролёр с депутатом выгоняют их из салона. Вдруг оказывается, что мы на конечной, приехали. Мне дают огромный подарочный набор: большую сумку с вещами и целую кучу литературы, журналы и газеты, всё это неимоверно тяжёлое.

Непонятно, как это нести... Я пытаюсь сгруппировать газеты и книги, одновременно думаю, что надо переодеться. Оказывается, что маршрутке надо в новый рейс, поэтому я тороплюсь, хочу надеть свежую одежду, а в голове планирую свои дальнейшие действия. Меня подгоняют. Депутат стал злобным и жёстко меня гонит вон. Я спрашиваю, сколько у меня ещё есть времени на сборы – он говорит, что нет ни минуты. Решаю назло им всем ехать обратно домой, сделать кружок по маршруту, в ходе которого собраться, а потом выйти и пересесть на другой транспорт. Сижу сзади. В салон входят пассажиры, но я всех прогоняю с задней площадки, мотивируя это тем, что тут сижу я и что мне положено быть одному. Какой-то толстый нагловатый мэн пытался на меня наехать, но я ему дал ответку весьма жёсткой формы, прогнал его, а остальные даже и не попытались на меня накатывать. Нахожусь в крайней стадии раздражения на людей из прошлого и настоящего. Идите на хуй вы все, незнакомые мне люди, а также бывшие знакомые. Не надо ебать мозг своими воспоминаниями. «Помнишь, а помнишь...» Помню, к сожалению, но лучше бы не помнил! Прошрое я в рот ебал! Убеждён, что пересекаться с прошлым – последнее дело. Лучше чтобы меня никто из прошлых жизней не тревожил, а будущего и вовсе нет, поэтому надо быть человеком из ниоткуда для всех, кто окружает сейчас. Я согласен с известным лозунгом No future, но для себя дополняю его таким же для меня естественным: Прошлого нет! Есть только то, что сейчас. Да и то, в весьма условной форме.

* * *

Готовится какое-то празднование. Я учусь в школе, но уже взрослый. Идут многие обсуждения того или иного, распределяются роли и обязанности... Оказывается, что всё будет проходить в абстрактном спортивном зале или спортивном дворце, который где-то в первых Щербинках. Выясняю, что вопрос можно решить через Мишу Немоляева, который тоже учится со мной. Прихожу к нему домой около Драмы, он не открывает дверь. Звоню, звоню – наконец щёлкает чиза, дверь открывается. Получаю дурацкие смски, там задания по школьной программе географии. Немоляев мне сообщает о том, что стадион контролируется его родственниками, чуть ли не матерью. Обещает договориться. Я осознаю, что школу надо заканчивать, но у меня долги по географии – нет ни одной оценки, надо бы самому связаться с учительницей Балябьевой и узнать у неё задания. Но так получается, что я раз за разом забываю это сделать. Узнать надо сегодня или завтра, ибо уже в среду урок и могут спросить. С этими мыслями вхожу в свой подъезд на Голованова и хочу забрать почту из ящика. Там тусуется какой-то мутный народ, но я всё равно выгребая целую кучу прессы. О чём-то говорим. Прихожу домой на Ванеева. Вечер. Мысли про то, что надо рисовать контурные карты, но нет образца. Внезапно вспоминаю о контурных картах Полины, которые Аня рисовала для неё раньше. Вот их-то мне и надо, думаю. Принесу Балябьевой, отдам – пусть разбирается. Параллельно этому связываюсь с Немоляевым. Он торжественно сообщает, что стадион ему подарили, и что там можно делать теперь всё, что душе угодно. Я немного охреневаю от новости. Мы начинаем с ним планировать проведение каких-то мероприятий, концертов. Еду в районе Бугровского кладбища и слушаю (вроде по радио, но как бы и вживую) музыкальную группу, играющую совсем уж странное музло. Вот её будет как раз на концерт, думаю... Поступает сообщение, что надо устанавливать окна, я начинаю договариваться о цене. Пока суть да дело, договариваемся на 15 тысяч за окно. Вечером дома спрашиваю у Ани, почём она в последний раз делала окна у подрядчиков. Она лезет в свои записи, мы высчитываем 15,2 тысячи. Я говорю, что цена зависит от количества окон и от их сложности, применяемого профиля, от массы факторов. А сам думаю, что можно заказать тогда и по 15, наверное, почему бы и нет.

* * *

Иду в аптеку с целью купить какое-то редкое кольцо. Жду, когда полная тётка-фармацевт наговорится по телефону и обратит на меня внимание. Я говорю, что хочу купить у них. Называю размер. Она смотрит по таблицам и накладным, говорит цену: 18 рублей, советских. Ладно, говорю. Дайте примерить. А она в ответ, типа, идите на сайт, записывайтесь, там всё указано. Я говорю: а что, попроще-то никак нельзя? Я уже пришёл к вам, так зачем опять делать какие-то лишние действия? Она тупо смотрит и повторяет, что надо записаться через сайт, иначе не померить. А купить без примерки - пожалуйста. Ну и ну, думаю... С такими выебонами вы товар никогда продадите. Понимаю, что ничего у них покупать не буду, и уйду прочь.

* * *

Я присутствую на радио: вижу, что Д в своей манере общается со слушателями, хохмит, остроты так и льются. Он говорит, что какое-то время будет не в кефире, вместо него отработает другой ведущий, а сам он будет присматривать. Вижу этого кого-то другого. Они мне дарят клавиатуру, которую можно модернизировать, что-то с чем-то склеив. Я показываю Д, как будет в итоге, но он опять ведёт программу, поэтому у меня клей успевает стечь с поверхности. Я говорю ему, что надо намазать заново. Мы смакуем всяческие модернизации, но модернизации на совсем уж странном уровне. В это время вокруг нас происходит обучение журналистов, среди которых есть очень интересные персонажи. Их сажают в танк и везут на Свердловку. Танк едет со стороны Минина. В районе Драм-театра танк начинает целиться лучом мигающего света по окнам, тем самым определяя те точки, куда планируется попадание метаемым снарядом. Это всё объясняется будущим акулам. Танк мигает светом и по какой-то организации в здании Администрации, где раньше был магазин, но сейчас находится фирма, которую я знаю, но уже сложно упомянуть подробности... Танк проезжает выше, примерно к тому месту, где было Динамо и пельменная. Там полуразрушенный дом, на первом этаже выбиты стёкла. Кто-то из руководителей группы сообщает, что внутри находится женщина, у которой ребёнок, требующий изъятия в связи с ненадлежащим уходом. Журналисты идут по разгромленным комнатам, везде валяются осколки, обломки, грязь... Поднимаются на второй этаж и попадают в маргинального вида магазин с опойными продавщицами и трущимися рядом с ними мужичками. Одна из группы спрашивает нужную бабейку, и ей удаётся её выманить из подсобки. Баба не особо сопротивляется, ребёнка у неё забирают, но говорят, что отдадут после того, как та перестанет себя вести неподобающим образом. Реально, никто обманывать её не собирается, просто жалко ребёночка... Группа возвращается в то помещение, где всё начиналось. Д где-то рядом, отдаёт распоряжения по каким-то внутренним вопросам. Миссия выполнена, всё хорошо, сделано полезное дело, ребёнок в безопасности. Я во всём этом не участвую, только лишь наблюдаю за всеми со стороны. Как по телевизору. Мне с одной стороны и интересно, но с другой – это всё не моя суета, не мои задачи. На улице жара, лето, день.

* * *

У АЮ дома пытаюсь подключиться в вай-фай, телефон запрашивает пароль, я даю ей телефон и она вводит какой-то несложный. Всё начинает работать. Захожу на работу, спрашиваю, на месте ли АЮ – говорят, что нет. Опять достаю телефон и хочу подключиться к сети, но там ничего не находится. Офис где-то в районе Черного Пруда, в глубине. Выхожу на улицу, мне надо сходить по делам на Сенную. Я уже иду обратно, со мной идут две совсем молоденькие девчонки, одна из них, по ощущениям, наша Полина. Они идут и о чём-то своём весело щебечут, я же ощущаю себя в их компании несколько неуместным и старым. По пути решаю зайти в магазин и обнаруживаю там развал

всяческих товаров, толпу покупателей. У меня понимание, что мы с Аней тут хотели купить теннисные ракетки для настольного тенниса, вижу их и беру скорее, пока никто не опередил. Также вижу, что в продаже есть сетка. Звоню Ане, советуюсь, надо ли купить ещё и её. Выхожу из магазина на Минина. Где-то тут живёт Андрей Выков, я решаю зайти к нему. Он дома, мы тепло болтаем, я немного чувствую себя не в своей тарелке: у него роскошь, огромная квартира, совершенно другой уровень. Но мне это не столь важно, конечно. Хочу у него что-то посмотреть в сети, достаю свой планшет и прошу вбить пароль. Он вбивает и говорит его вслух – пароль как длинное предложение. Я спрашиваю, зачем такой длинный пароль, но он не отвечает. Пароль вбит, а ничего не заработало. Он говорит, что так бывает. Я понимаю, клавиатура планшета была на русском языке, из-за этого пароль не сработал. Спрашиваю его, на каком языке нужна раскладка. Он говорит, что не нужна. Планшет впал в ступор и пароля больше не запрашивает, но и не работает ничего; надо перезагружаться. Планирую сделать это попозже. Мне хочется зайти в ванную умыться, но решаю валить, раз планшет не заработал. Выхожу на улицу. Осенняя пасмурная погода, день, накапывает дождик. В районе Чёрного Пруда неожиданно мало людей. Чуть выше вижу Тыковлева, он прислонился к дереву и смотрит на выступление каких-то уличных клоунов. С Сашей я виделся буквально на днях, он тогда выглядел как в девяностые – худенький, молодой, я ещё подумал, что гораздо моложе своих лет выглядит... А тут вижу Сашу уже каким-то старым, сильно за пятьдесят, седой весь, сморщенный... Но худой и бодрый, как всегда ироничный. Я что-то у него хочу спросить, но он мягко меня перебивает и сразу заявляет, что сегодня не может вести беседы, ибо находится в философском состоянии вчерашнего. Всё это было сказано по-доброму, иронично и тепло. Я очень хорошо отношусь к Саше, особенно в последнее время, он очень светлый и позитивный человек. Он спрашивает меня: «Старый, а ты куда идёшь сейчас?». Отвечаю. Он предлагает пойти в баню, недалеко от Свердловки. Идём втроём: он, я и Выков. Баня как русская, но стены там почему-то в белой штукатурке. Я вспоминаю, что у меня дела и надо торопиться, поэтому быстренько ополаскиваюсь из таза. В бане не особо жарко, но чувство свежести и чистоты я приобретаю. Сразу же появляется ощущение готовности на свершения, при этом растёт стойкое чувство непонимания происходящего: зачем вообще что-то делать, если делать всё бессмысленно? Делать ради того, чтобы делать, ради процесса, мне не хочется. Я выхожу на Свердловку и встаю около дерева, начинаю смотреть на каких-то уличных клоунов.

* * *

Прихожу в офис или дачу, где-то за городом, спускаюсь в подвал, там ничего не работает. Вижу мужика: простой с виду, узнаю в нём Д. Говорим. Он признаётся, что недавно приехал, был вынужден куда-то далеко ездить. Рядом сотрудница, она не уверена в результате эксперимента, но Д её успокаивает и говорит, что всё будет работать хорошо. Она пробует и всё получается. Я тоже пробую, тоже положительный результат. У меня некая приставка типа внешнего модема, я подсоединяю к нему беспроводную мышку, и она работает, интернет работает. Ну и хорошо, думаю... Еду в троллейбусе в Щербинки, достаю приставку, но подключаю к ней проводную мышку – интернет работает только на остановках, а мне надо что-то срочно посмотреть и найти. Вскоре удаётся получить нужную информацию, а начиная с Мызы и интернет стал работать без перебоев. Выхожу из подвала, иду на улицу – там, около садов, со стороны Сороколетки стоят две птичьих клетки. Птиц в них нет, но всякие жёрдочки, поилки и игрушки в них висят, всё на месте. Клетки стоят рядом, я их чуть выравниваю и что-то с ними делаю. Мелкий ремонт. Всё работает хорошо и исправно. Поэтому с чувством выполненного долга возвращаюсь домой и звоню АЮ. Она тут же берёт трубку и сразу говорит, что не знает, рассказывать мне или нет. Рассказывать, конечно! Она рассказывает, что экстренно и без

приготовлений ездила к Яре на переговоры. Хочет что-то обсудить. Я готов слушать, но она не хочет по телефону.

Подхожу к какому-то месту, а там суета, люди ругаются. Прохожу чуть глубже и вижу без присмотра открытый магазин или парикмахерскую, на улице валяются приборы и видео-техника. Ухожу и попадаю на концерт. Вокруг совершенно разный люд. Кто-то обдолбан, кто-то нормальный. Я пробую играть на разных гитарах, но не особо получается, пальцы рук никак не могут двигаться в соответствии с командами из головы. Начинают выступать группы, некоторые из них мне не очень интересны. И я проматываю их, как при просмотре записи. Но некоторые очень интересные. Я же здесь не как музыкант, а как сотрудник данного мероприятия, или даже как организатор.

* * *

Идёт какой-то праздник, куча знакомых мне людей, все носятся и смеются. Мне всё равно. Чувствую, что надо что-то делать – идёт работа над новым устройством, я активно участвую в разработке. Приходится отъехать по делам в некую организацию, там суета и толпы людей. Вдруг оказывается, что в газете ЛС что-то должны опубликовать, это касается нас. Я смотрю газету и вижу место, где должна появиться статья. У меня есть логин и пароль, я их ввожу и попадаю в режим редактирования газетных материалов. Что-то там редактирую и всем показываю. Ткашенко удивлённо смотрит по сторонам, будто не понимает, за что уцепиться взглядом, взгляд пустой и блуждающий, как бы сквозь. Опять в организации, в суете происходит нечто странное, я как будто смотрю на всё это в записи: мужик прорывается через толпу людей на футбольном поле, толпа пытается его как-то задержать, но он отстреливается из дерринджера. Так странно, но я принимаю решение взять дерринджер в разработку. У меня перед глазами мелькают чертежи и технические раскладки. Разговариваю с батей, он даёт мне предмет из пластика и говорит, что раз уж я занимаюсь этими делами, то вот модель, которую можно выпускать. Я решаю принести предмет на работу для обсуждения. У меня большие планы и идеи по поводу модернизации. Аня и я у бати в саду, он хочет куда-то уезжать, поэтому показывает нам, где и что тут у него. В частности, рассказывает, что организовал производственный цех «за рекой», там можно делать заготовки металлических изделий и деревообработку. Мы ходим по огороду, под ногами на грядках куча опавших яблок: большие и подгнившие, но встречаются и нормальные. Батя находит себе сочное яблоко и откусывает от него, ест. Я тоже ищу. Вместо яблок вдруг я перебираю буханки ржаного хлеба, нахожу две свежайших, кому-то их показываю, и мне отвечают, что да, свежий хлеб, живой. Забираю их себе. Опять переносюсь в организацию, хожу по кабинетам, вдруг в одном из них вижу быка (вернее, мне почему-то так подумалось, что бык, но на деле это уменьшенная копия) с надетым на голову раструбом – таким же, как у больных кошек или собак, только тут раструб из стекла. Я спрашиваю, зачем это. Мне рассказывают, но я это объяснение стремительно забываю, т.к. мне уже пофигу. Мы с Аней купили её подруге из Аргмака туфли, на свои деньги, и решаем их отдать ей, при этом сказав, что они были по дикой скидке и поэтому цена очень низкая. Подруга – активная, резковатая. Аня и она что-то обсуждают, потом подруга берёт туфли и хочет отдать деньги, но я останавливаю её и излагаю легенду. Она убирает кошелек, но видно, что не очень верит в мои слова. Ещё о чём-то говорим, я рассказываю про дерринджер и быка, после чего Анина подруга мне заявляет: «У Вас глаза без нервов».

* * *

Я нахожусь на пляже, закрытом со всех сторон горами. К этому месту никак не подобраться, разве что по воде. Чувство защищенности. Я тут или живу, или просто воспринимаю это место как какое-то базовое. Внезапно появляется опасность. Прячусь. Вижу, что откуда-то сбоку, из-за гор, бежит человек – явно чужой, его не знаю. Слежу за ним по прибору типа планшета, только вместо экрана какая-то панель с кнопками. Человек мне не опасен, но я всё равно слежу. Ощущаю себя в Нюрнберге, в Старом городе около большого памятника карусели. Я с кем-то из знакомых иду в глубину от площади Горького за Мелодией, там надо взять какие-то проездные билеты. Перед тем, как войти в контору за билетами, останавливаюсь и немного торможу... Мы кого-то посылаем вперёд, а сами по прибору смотрим за пляжем. Потом нас зовут внутрь, мы заходим в помещение и садимся. У меня с собой разные напитки, мы хотим их выпить, нас трое. Никифор задерживается на улице, и мы решаем начать без него, делаем по глотку. Смеёмся по-доброму. Входит Никифор. Разговариваем между собой, кто-то что-то зачитывает «из своего», а я говорю, что надо обязательно завершать начатые проекты, иначе ничего после себя и не останется. Говорю это с тем чувством, которое испытывает человек, который сам что-то уж точно оставил – имеется ввиду творчество, вот сны записываю сейчас. Мы начинаем по прибору слушать и смотреть запись пляжа и наблюдать за пятачком, где мы недавно были: детская площадка, зелёный ларёк (где недавно приобретали напитки), магазин.... Видим молодых ребят, они говорят по-немецки, один из них держит в руках топорик или секиру. Он играет им, подбрасывает и ловит. Топорик ничего общего не имеет с топорами, которыми рубят. Этот топор – культовая вещь, которую надо использовать в особом режиме. Молодой парень с топориком кидает его в ларёк, который в сотне метров от него. Попадает, но не очень точно: топорик не втыкается в зелёный ларёк, а просто касается его лезвием. Из царапины начинает сочиться кровь. Мы комментируем, что надо было сильнее кидать.

* * *

Какая-то энергичная бессмысленная неоформленная каша. Итогом которой следующее: спускаюсь по лестнице со знакомым и заодно решаю забрать почту. Знакомый проверяет у себя: ничего. Вижу через отверстия дверцы, что у меня что-то есть. Я говорю, что сейчас заберу. Он спрашивает, как я заберу, это же долго, а мы куда-то торопимся. Я отгибаю дверцу, выгибаю её. Он удивляется такому методу. Достая оттуда корреспонденцию и отдаю ему. Он её смотрит и открывает одно письмо: там какая-то ругань, обзывательства. Мы хохочем, умираем от смеха.

* * *

В составе группы товарищей осуществляем исследование полуразрушенных гаражей где-то за НИИИС. Около одного я обнаруживаю (вернее, узнаю) тайный вход в подземные коммуникации. Штука эта явно военная, из прошлого, в весьма заброшенном состоянии. Но всё заперто, так что внутрь не пройти. Я аккуратно обхожу этот гараж, чтобы случайно не провалиться под землю – мало ли, вдруг за эти годы там всё сгнило. Земля притоптана вокруг, здесь много ходят люди. Мы что-то выискиваем. Весело базарим, шутим. Нам надо достать из странной системы липучек и закладок, расположенных в земле, какой-то или чайный пакетик, или что-то такого же размера и тоже на нитке. Один молодой парень из нашей группы, лёгкий и активный, умудряется это сделать. Показывает всем, как. Тот, кому это было нужно, хвалит его. Мы постоянно смеёмся. Парень начинает показывать свои дипломы об окончании учебных заведений, грамоты... Потом показывает свои дневники и тетрадки: я замечаю, как меняется почерк у человека. В его дневнике куча смешных записей от учителей. Около одной из его работ написано: «Будь моим сыном!». Там полно всего такого. По всем предметам плохие оценки, по поведению

с первого класса двойка, но человек с живым умом. Чем-то почему-то напомнил мне Пилатова Толика, которого я знал через Лерича. Парень молодой, поколением моложе меня. Тот, кому он достал пакетик, тоже начинает что-то показывать на экране. Вокруг него вьются две его нелепые собаки. Они скорее по-глупому смешные и трогательные, чем какие-то ещё... Я вижу на фотографиях неизвестную мне реку или озеро, и только где-то в углу совсем маленькая точка человеческой головы. И так все фотографии. Я шучу, что это фото болота или реки, а не тех, кто в ней плавает. Мы смеёмся долго-долго. Фотографии как видео: на одной из них также видны эти две собаки, вернее, их головы, торчащие из воды, по течению у одной из них развиваются уши, глупо-глупо. Я шучу, все смеются. Очень радостное и весёлое настроение.

* * *

Мы едем в такси и ищем какой-то дом или магазин. Новый район, никто ничего не знает, где тут что. Один из помощников деда вроде бы узнаёт местность, на стенах странная нумерация, но наконец-то всё нашлось. В магазине уже закрываются, однако, мы проходим в зал. Народ есть, не особо много народа. Я выбираю какие-то товары, кладу их в тележку, за которой мне приходится идти опять к входу, там я каждый раз сталкиваюсь с людьми, извиняюсь перед ними, они пропускают... Мой знакомый – он помогает деду в делах – спрашивает меня, что купить, и я распоряжаюсь. Заодно он берёт большую банку какао для деда. Я разрешаю: дед любит какао. Расплачиваемся. Кассиршу кто-то обвиняет в подтасовке, она оправдывается, говорит, что есть банкомат, всегда можно снять доллары и ими платить. В общем, иначе они не выживут, этим всё мотивирует. Мне всё равно на это, я тупо стою и жду своей очереди. Потом обнаруживаю себя одного, входящего на территорию детского сада. Темно, очень темно. Надо пройти по этому садику, чтобы значительно срезать путь. Ощущаю, что на меня нападают. Я начинаю маневрировать и уходить от нападения, стараюсь сам напасть, но при этом иду к выходу. Около выхода вижу, кто это. Выходим на свет. Гоняемся друг за другом уже на каком-то рынке между рядов, вокруг полно народу. Я прошу встретившегося мне знакомого отвлечь противника, он отвлекает, я нападаю и побеждаю, хватаю руками за горло и душу, душу. Но нападаю так, что вижу это и со стороны: человек умело захватывает моего противника ногами и так швыряет, что тот падает на асфальт, как мешок. Победил, но иначе. Теперь я у цели: опять в магазине, где опять что-то покупаем, мне надо найти две бочки для какого-то дела, что-то сварить. Бочки большие, литров по сто, но со стороны они как две пятидесятилитровые. Такое несоответствие размеров: их две – это как одна большая, но они обе большие. Бочки глупо разукрашены, но без них дальше тянуть нельзя. Купить надо обязательно. Опять иду за тележкой, опять извиняюсь перед теми, кто меня пропускает. Опять помощник деда и опять какао. Я покупаю, а потом возвращаюсь в торговый зал к кассирше, она мне уже знакома. Мы куда-то хотим пойти, я приглашаю её присоединиться к нам, она не ожидала такого поворота, но соглашается.

* * *

Еду из дома к Рашиду в офис, который расположен на Советской, примерно где здание администрации, только в цоколе, как на Терешковой. Быстро спускаюсь по лестнице, дверь не заперта – меня встречает Иванов, у него заклеен рот бумагой с печатью. Я понимаю, что это знак мне молчать, предупреждение такое. Слышу, что из комнаты, куда закрыта дверь, доносится разговор, идут переговоры. Выхожу на улицу. Сажусь за руль, доезжаю до Ошарской, паркуюсь около дома, где был банк, и начинаю наблюдать за входом в офис. Там какие-то машины загружаются-разгружаются, газель стоит с товаром... Суета, люди... Я засыпаю, сижу уже на заднем сиденье. Потом просыпаюсь, на часах около 23, темнота, но народ всё равно шарахается. Обращаю внимание, что забыл

запереться изнутри – запираюсь побыстрее. Понимаю, что времени много и уже никуда не успею.

* * *

Я приехал с Рашем в его деревню, но не в Шумилово, а в какую-то капитальную и невероятную глушь. Вокруг ни души. Совершеннейший отрыв от людей и цивилизации, только природа и звери. Ехали туда несколько часов. Сколько-то времени там находились, несколько дней – воспоминания тяжёлые, отходняк чудовищный. И вроде как получается, что Рашид собирается уезжать (причём не один, а с Витькой), а мне придётся остаться там. Что-то типа вахты. А я даже где-то и не против. Быть там надо достаточно долго. Рашид уже садится в машину. У него пикап, в кузов навалено всяких ящиков, досок и прочей дряни... Предвкушаю одиночество пребывания, но при этом знаю, что остаюсь тут отнюдь не один. Напоследок спрашиваю у него, где ружьё и патроны. Он говорит, что всё забрал с собой, а то ещё перепьёмся и поубиваем друг друга. И что-то так возмутило, что меня учит жизни человек, сам, по большому счёту, такой же – говорю ему, как же тогда поступать с дикими животными, если они нападут. Раш убедительно отвечает, что не придёт никто. Меня бесит его интонация, надменность и всезнайство. Я вообще ненавижу, когда за меня что-то решают, помещают в условия, которым я не в силах сопротивляться. Просто так перед фактом: бац! Я возмущён. Подхожу к его машине и начинаю выкидывать из кузова весь его идиотский скарб. Заявляю, что я в рот ебал все эти вахты, я еду обратно. Бросил всё и всех там, в деревне... И вот я уже дома, смотрю телевизионную программу передач, а там на весь день одна бесконечная передача про какое-то религиозно-мистическое действо: у некоей ебанутой дуры открылись стигматы, и вот всё это по ящику транслируют в прямом эфире, транслируют, транслируют, транслируют. По всем каналам тоже это показывают, но не так много. Я телевизор не включаю и ничего такого бредового не смотрю.

* * *

Так получилось, что я оказался владельцем издательства. В прошлом в нём или работал, или просто часто бывал... И вот прихожу туда, а народ еще не знает про все эти перемены. Ко мне относятся как и ранее, но кое-кто уже знает. Постепенно все узнают. У меня есть полная уверенность, что я все сделаю правильно, что все будет хорошо.

* * *

Читаю, просматриваю всякие сетевые свалки. Вдруг у Любы или Ольги обнаруживаю сообщение, в котором идет речь об Игоре: якобы, он в районе новогодних выходных попал в аварию на каких-то жигулях, да ещё и скрылся с места... Короче, виновника аварии ищут. И в сообщении говорится, предупреждается: объявись, как прочитаешь, знай о поисках. У меня сложилось стойкое ощущение, что Игорь жив и весь год с момента своей смерти где-то скрывался, а вот таким нелепым образом прокололся, попав в аварию, и тем самым засветился. Его вряд ли ищут менты, они считают его мертвым, но семья Игоря опознала в скрывшемся с места аварии именно его. Пост – некий знак, скрытое послание, и я его понял. Игорь жив, но в бегах. Нелегалка являет собой штуку тонкую: тут надо всегда быть начеку и не заигрывать с обстоятельствами судьбы, иначе обстоятельства тебя нахлобучат. Засветиться просто. Надо быть осторожнее. Все думают, что он умер в марте, это хорошо, ибо теперь ведь никто не будет его искать. А может быть и аварию он сделал специально, чтобы дать знать о себе. Ну не знаю. Но в любом случае, хорошо. Вдруг пальцами вынимаю изо рта зуб, во рту и на зубе крови нет.

* * *

Аня уже в Аргамаке. На улице зима. Вечер. Я собираюсь ехать к ней на дедушкином Москвиче. Надо отвезти туда Таню. Иду от дома на Голованова вниз, параллельно переписываюсь с мамой смс или в чате. Она спрашивает про некие керамические фигурки, которые дарила нам с Аней или дочерям. Я сначала не врубился в вопрос и утвердительно ответил на предположение о том, что они сломаны. Потом увидел ошибку и поправился. Сажу в Москвиче, Таня сзади собирается, возится с вещами. Я решаю завестись и прогреть мотор. Завожусь. Потом вспоминаю, что вероятно забыл дома права, начинаю искать их по карманам и в сумке. Наконец-то нахожу в паспорте за обложкой. Права книжечкой, в них два прокола нарушений. Вижу, что я не на ручнике, поднимаю ручник вверх. Говорю, что уж думал идти домой, искать права. Вместо Тани уже Аня, она спрашивает, уверен ли я, что хочу ехать. Отвечаю, что уверен. На улице совсем ночь. Мало бензина, надо заправиться, но 76 нигде нет. Знаю, что ни разу еще не заправлялся и думаю позвонить Ане в Аргмак и проконсультироваться насчет последовательности действий на заправке: как пользоваться пистолетом, как платить, отдавать талон. Хотя особого волнения нет: ничего сложного же... Так уж, скорее для порядка хочу спросить. Зачем-то.

Я на корабле, я матрос. Ночь. Мы все стоим на палубе и встречаем кого-то из главных. Вижу – П в форме, кожаная куртка и фуражка, какие-то другие адмиралы и прочие шишки. Они там общаются неформально и в хорошем расположении духа. Мы стоим. П проходит мимо меня и идет внутрь. Мой командир там же. Я вдруг заявляю ему, что хочу сегодня ночью дежурить, нести вахту. Командир обращается к П и говорит, что я прошусь на вахту. П смотрит на меня, одобрительно кивая головой. Командир говорит, чтобы я шел в столовую и поел внеочередным образом, раз уж вписался в дежурство. Иду. В столовке очень мало народа, в том числе те, кто приехал с П. Кто-то в форме, кто-то просто в костюмах. Я иду к небольшому отсеку, слева от окна, куда ставят грязную посуду. В глубине отсека сидят две сотрудницы столовой. Я скромно говорю, что заступаю на внеочередную вахту, и поэтому командир отправил меня в столовую на приём пищи. Одна из них встает и говорит, что сходит к командиру, чтобы тот всё подтвердил, а потом уже выдаст мне еду. Уходит. Стою, жду. Смотрю на зал, где люди едят, стоят в очереди с подносами, как в советских столовых. Немного отхожу от отсека и прохожу в зал. Вижу, как сотрудница столовой возвращается и несет какой-то горшок. Она меня не обнаруживает около отсека и начинает вертеть головой, смотреть по сторонам. Я подхожу. Она по-доброму говорит, что командир подтвердил ей все сказанное мною. Дает мне горшок, там горячая картошка с мясом. Спрашивает, сделать ли мне пельмени в бульоне.

* * *

Дома на Ванеева демонстрирую кому-то жабу 83 года с новатоновскими накладками. Человек поражен сменными фингербордами.

* * *

Нахожусь в каком-то строительном вагончике. Внутри ничего нет: ни мебели, ни вещей. За окном светло, день. Территория, где стоит вагончик, представляет собой огороженный забором концентрат разного рода офисов и предприятий. Короче, бизнес-центр. У меня на голове кожаная шапка-ушанка. Смотрю из окна, вижу ворота, через которые то и дело въезжают и выезжают автомобили. Один из них, въезжая, как мне показалось, чуть задевает вагончик. Внутри этой машины, кроме водителя, находятся два человека, один из

которых отдаленно знаком: лет пятидесяти, аккуратные седые усы, пальто-пиджак-галстук-портфель, типичный бизнесмен. Зачем я в этом вагончике, мне неизвестно.

* * *

Вроде как, планируем купить Полине новый телефон. Аня откуда-то достаёт и показывает простенький кнопочный кирпич и говорит, что дадим Полине вот этот аппарат, простой, надежный, только чтобы звонить и всегда быть на связи, пусть им пользуется. Я соглашаюсь.

* * *

Беспамятство. Было что-то глобальное, с долгим сюжетом, но после пробуждения всё это качественным образом забылось.

* * *

Во дворе дома в Щербинках какое-то собрание, где я впервые вижу людей из своего очень далёкого прошлого. Которые давным-давно или умерли, или ну никак не могут находиться здесь. С удивлением узнаю тех, с кем так или иначе пересекался лет двадцать назад на Куче. При всём этом я стараюсь как-то остаться незамеченным. Говорятся речи. Иногда складывалось впечатление, что хоронят или поминают. Потом что-то происходит, и народ расходится, остаётся всего несколько человек. Мы расположились наверху горы перед домом. Я чуть спускаюсь вниз и приношу своему дедушке подставку-стул, чтобы он мог сесть. Этот стул чуть было не занял другой старик, которого также знаю и который тоже уже не в этом мире. Но я опережаю его, отношу стул деду, а сам потом спускаюсь чуть ниже по горе и приношу ещё один стул, уже старику. Мне тяжело ходить, я делаю заметные усилия для этого. Понимаю, что все это видят: и присутствующие, и невидимые мне люди из окон дома напротив. Чувствую заложенность в спине, в ногах... Мне не хочется, чтобы меня видели, мне долгое время удавалось скрываться от внимания тех, кто меня знает, но сегодня такой случай, что присутствовать и засветиться необходимо, никуда не деться.

* * *

Жаркое лето, все одеты в шорты и футболки. Сажу в кафе с каким-то парнем, он примерно одного возраста с Полиной, но выглядит повзрослее. Вообще, кафе молодёжное: вокруг полно парней и девчонок лет по двадцать, плюс-минус. Я чувствую себя здесь лишним, старым. Разговор с этим парнем зашёл о компакт-дисках. Я покупал чистые болванки и спрашиваю его, как они. На что он заявляет, что это очень плохие, а вот другие какие-то получше, но вообще-то надо покупать и вовсе иные. Я отвечаю, что согласен, что эти «не очень», но другие (вернее, «иные») неоправданно дорогие, рублей на шестьдесят дороже, а покупаем мы большими партиями, следовательно, получается очень дорого в итоге. На что парень заявляет, что «жалко что ли 60 рублей?» Начал ему терпеливо объяснять про трудное время, режим экономии, что все деньги уходят на выплаты наших и ваших долгов. При этом я как бы уже лежу на раскладушке, прямо там, и пытаюсь прятаться под одеялом. Понимая, что мои объяснения ни к чему не приводят, что молодёжь – совершенно другие люди с другой логикой, просто притворяюсь спящим. Он встаёт и выходит из кафе. Я смотрю в окно и вижу, как он в толпе с другими ребятами куда-то идёт. Территориально это примерно где был обувной магазин в Щербинках, напротив стекляшки. Я в магазине, смотрю наружу, а они выходят и идут: одна часть толпы в сторону садов, а другая идёт направо, за угол. Появляется рядом Аня. Уже зима.

Идём по улице, я толкаю перед собой большие санки, огромные. Рассказываю ей про диски, про разговор с парнем. Добавляю пример про бензин. Она отвечает, что пример неудачный, я соглашаюсь. Сходимся на том, что это такое поколение, которое иначе мыслит и просто пока ещё не до конца понимает в приоритетах бытия. Надо довести санки из центра города в Щербинки. Мы решаем идти пешком. Вокруг снег и уже ночь. Принимается решение срезать дорогу. Спускаемся в какой-то непонятный пятак. Тишина, снег, мороз, луна... Идём, идём... Доходим до каких-то домов – это уже примерно где был у деда гараж. В некоторых домах есть свет. Я смотрю на один из них и говорю, что хороший дом. Аня отвечает, дескать, зимой там никого нет, он просто проветривается, а летом в нём салон или парикмахерская. Я понимаю, что знаю и это. Поднимаемся в гору, за которой будет наша конечная цель. Тоска и уныние в душе, но вместе с тем спокойствие от осознание того, что скоро всё закончится. Всё-всё. На вершине горы, как ни странно, вижу Дворец Спорта. Я не был тут сто лет, с тех пор, как продал гараж. Какое же тут всё родное... Толкаем санки. Идём.

* * *

Я захожу в подъезд, поднимаюсь наверх. Иду к какому-то значимому по работе человеку, к которому есть важное дело. Расположение квартир в подъезде более-менее классическое для советских панелек: выходишь из лифта, налево блок квартир, направо такой же. Выхожу из лифта и обнаруживаю, что на этаже есть люди, суетящиеся и взволнованные. Квартира, в которую мне надо, находится справа от лифта. Там, в коридорчике, две квартиры, коридорчик отгорожен дополнительной железной дверью. Люди – или менты, или кто-то такой – особо не понятно. Спрашиваю, что случилось. Оказывается, нужного мне человека убили, и он лежит в этом предбаннике, но ещё с двумя какими-то жертвами. Открываю железную дверь и вижу лежащего мужчину головой к квартире, и две молодых девушки по обе стороны от него, головами от квартиры. Мне сообщают, что они мёртвые. Я же пристально смотрю на них и замечаю, что одна ещё живая. Она похожа на известную актрису, но совсем ещё молоденькая. Я наклоняюсь к ней и начинаю разговаривать. Спрашиваю одно, другое... Она первый раз на таком мероприятии, это что-то типа кастинга или съёмки фильма. Потом оказываюсь за столом, идёт совещание, где я рассказываю о парадоксе: очень много параллелей у случившегося в подъезде и происходящего где-то там ещё. Привожу примеры, сравниваю и даю комментарии, меня слушают. Напоследок я говорю, что у убитого был стиль оформления письма, похожий на мой, фамилия похожа на мою. Как-то неудобно стало, поэтому решаю уйти. Разговариваю с молодым парнем, которого нанимают на столярно-строительные работы, обрисовываю ему задачи. Заодно надо где-то там распилить доски или брус, но мне заниматься этим и некогда, и неохота, поэтому я заказываю всё это Замятову. Дело предстоит в первых Щербинках. Говорю Илье, чтобы он спросил у того парня, как туда проехать и попасть. Договариваемся, что Илья будет несколько дней туда ходить и работать, его встретят и допустят к материалу. В общем, я со всеми договариваюсь и всё организываю, после чего опять иду на совещание. Там длинные столы (обстановка напоминает место, где проводят всякие поминки или обеды, сплошные ряды длинных столов), за одним из них сидит Рашид и раздаёт задания своим работягам. Среди прочего, надо что-то сделать с досками, обработать-подогнать... Все понимают, что задание непрофильное и долгое, заниматься всем этим – выкинуть кучу времени, а в итоге получится полная халтура. Тут встречаю я и говорю, что надо измерить нужные доски, пойти в хозяйственный магазин, там выбрать нормальные и уже готовые доски, убедиться в отсутствии сучков на них, купить, а уже потом спокойно обрезать по длине, обработать грани и пролачить или пропитать, цена вопроса небольшая. И всё! Все качают головами, всем такой вариант нравится, это решение проблемы. Тут Рашид говорит, что я слишком много на себя беру, это не моё дело, «не по чину», не мне решать, что и кому делать. Я согласен заранее: не

решаю ничего, я же тут не столько как сотрудник, сколько как его старый друг и приятель. Я лишь просто предлагаю. Рашид повторяет, что это всё «не по чину». Ладно, думаю. Мне в первую очередь надо решить вопрос с двумя моими счетами, которые лежат передо мной на столе, а на не мои дела плевать. Сопровождение заканчивается, я сразу же встаю, молча кладу счета перед Рашидом и мгновенно выхожу на улицу. На хуй всё это пусть катится. Без меня только. Так решаю.

* * *

В конце концов, я веду внука куда-то, где только что был без него. Щербинки, район моей школы. Предлагаю зайти к бабушке. Она стоит на улице с неизвестным мне человеком и занимается хозяйственными делами. Подходим. Бабушка тут же угощает нас солёными огурцами. У меня есть банка с едой, я хочу убрать огурец туда. Банка с едой – для внука. Убираю туда огурец. Мне надо сходить с бабушкой к ней домой. Говорю внуку, чтобы ждал меня на улице и чтобы никуда не убежал, что я быстро вернусь. Прихожу в комнату бати, где он сделал ремонт и зачем-то на потолок укрепил макеты. Я вижу, что один из них - 6П42-9, зачем его-то надо было туда вешать... Пробую снять с потолка пистолет, но он прикреплен намертво. Отличный экземпляр, надо отметить. Сразу бросилась в глаза антибликовая полоса, как на ранних, широченная, миллиметров семь.

* * *

Я на работе что-то делаю. Так получилось, что стал обладателем старого советского Урала, но инструмент не похож на серийные образцы. Какая-то вся из себя люксовая модификация, новая, всякие многослойные канты и богатая инкрустация. Рассматриваю и радуюсь, что повезло занять такое. Кому-то показываю, а в голове мысль: вот тормозит ноутбук, ну так а что же мне мешает поставить туда постарше и полегче операционку, ведь тогда вообще всё летать будет... По телевизору транслируют клипы, один из которых привлекает общее внимание, певец поёт очень специальным голосом. Я говорю, что это Макгоуэн или Уэйтс. Тут же пишутся титры, но в них указан совсем другой исполнитель. Вдруг на работе рядом обнаруживается Игорь. Все вокруг рады, я тоже рад, мы обнимаемся как после долгой разлуки. Начинаем ходить по офисным комнатам. Тут же появляются планы по работе, намечаются дела. В ящике стола лежит бумага с расписанием дел, мы берём её и решаем посмотреть, какие дела там расписаны. Дела какие-то бытовые, не относящиеся к работе. Мы смеёмся. Потом Игорь подходит к окну. Солнечно и радостно. Он встаёт на подоконник. Ощущение, что это последние мгновения. Думаю, что раз уж он смог выкарабкаться из ситуации, раз всё-таки не умер, то даже если и придётся уйти на несколько лет, то это не беда: главное, что жив... Игорь стоит на подоконнике и своим видом показывает, что может шагнуть вниз. Головой показывает мне, мол, тебе тоже можно идти. Я стою на полу комнаты и смотрю на него. Говорю, что не пойду. Мне делается очень грустно и щемяще одиноко на душе... Очень жалко Игоря. Я помню и понимаю, что скоро будет год с его смерти. Грустно на душе.

* * *

Еду из города в Щербинки, мне надо заехать в квартиру, где жил дед. Вечер, уже совсем темно. Деда дома нет, в квартире пустота и чистота – похоже чем-то на незаселённый гостиничный номер. Вижу, что на полу на ковролине лежит квадратный кофр-чемодан, обитый металлическими уголками. Открываю. Внутри пустота. На улице я уже на Сороколетке, там происходят странные изменения: между домов умудряются строить всё новые и новые здания. Сажусь на землю около своего бывшего дома (около ипподрома) и смотрю на строящийся дом. Он гораздо, гораздо выше девятиэтажек и ещё не достроен

даже... Рядом со мной оказывается какой-то мужик, я с ним разговорился на тему синтезаторов и органов. Рассказываю ему, что у меня дома есть Farfisa 233, но только вот нет педали слалом и басового мануала. Он в ответ рассказывает про дочь, она тоже умеет играть, дома есть клавиши, но она не интересуется всем этим, включала их от силы раз десять за всё время, только когда надо было сдавать зачёты или готовиться. Я почему-то вспоминаю про Полину. Далее оказываюсь в школе. Уже взрослый, но учусь там. Меня окружают молодые люди, разницы в возрасте никто не замечает. Идёт урок. Я лежу на кровати в классе и читаю книгу. Книга какая-то научная, но в конце есть часть, написанная Андреем Ругиным, ушедшим несколько лет назад в Москве от гриппа или чего-то такого нелепого. Ученики около доски читают по ролям. Учительница подходит ко мне и говорит, типа, хватит читать, слушай урок. Я говорю, что такая интересная книга, не могу оторваться, понимаете ли, но в любом случае слежу за уроком и информацию получаю. Показываю ей обложку книги. Она видит, что книга "умная", отходит от меня и разрешает читать. Я встаю и выхожу из класса. В коридорах тишина, все на уроках. Поднимаюсь высоко-высоко, на чердак, в курилку, где курю, рядом никого нет. Возвращаюсь в класс. Там мне рассказывают и показывают видео, что в Оренбурге сегодня аномалия: несмотря на календарную зиму, вдруг резко потеплело, за один день на всех деревьях распустились зелёные листья, выросла трава. Люди на кадрах этому не удивлены. Но есть одна неприятность: там ураган, невероятно сильный ветер. По видеозаписи наблюдаю, как около дороги ветром гнёт и ломает гигантские деревья. Я говорю, что у меня есть знакомый, Ругин, он как раз из Оренбурга, знает про ураганы всё, надо позвонить ему и проконсультироваться. Понимаю, номера Андрея у меня не сохранилось, но виду я не показываю. Урок кончается, все кучкуются в классе или около него. Я зачем-то беру сумку через плечо и предлагаю Саше Алексечеву, посвятившему себя космонавтике в 93 году, пойти покурить. Он не идёт, поэтому я один. Опять решаю зайти в квартиру к деду и к его пустому чемодану. В курилке много народа, я покурил и вышел, но вместо того, чтобы идти в класс, опять поднимаюсь на чердак. Меня зовут, а я делаю вид, что никого не замечаю и не слышу. Уже практически около входа на чердак понимаю, что меня зовёт учительница и говорит про повестку. Надо её получить. Ладно, думаю, получу и схожу. Чтобы спуститься с чердака, надо или перепрыгнуть отсутствующий пролёт на лестнице, или аккуратно пройти по проложенным над пропастью досками. Рядом оказывается какая-то работница школы с тарелкой, полной котлет. Она тоже идёт с чердака вниз. Смотрю, как она идёт по доскам, и решаю тоже по ним пройти, а не прыгать, как я делал раньше. Говорю ей, что тороплюсь получить повестку и возможно уже сегодня заехать по ней. Очень много дел, потом может не уже быть времени. Тороплюсь, спускаюсь вниз по лестнице бегом.

* * *

Сижу дома в Щербинках на кухне – я вроде как тут, на кухне, и живу. Вдруг зашумела вода в трубах, на меня стала капать тёплая вода. Я быстро соображаю, что это нас пролил Рузьев. Быстро говорю Ане, чтобы звонила в аварийку, а сам иду к Рузьевым. На часах примерно семь, утро, так что наверняка у них есть кто-то дома. В момент выхода из квартиры слышу, что капать перестало: стало быть, они всё быстро ликвидировали. Поднимаюсь на 8 этаж, звоню, мне открывает сын Василия, уже взрослый. Я слышу, что в ванной комнате Вася с женой энергично отчерпывают воду. Я зову его, он выходит ко мне. Вася явно не расположен к разговору, отвечает резко и коротко. Ему и некогда, и нет желания говорить со мной. Я излагаю ему свою картину случившегося: прорвало трубу с горячей водой под ванной, ну и т.д. Он не подтверждает и не опровергает это, своим видом явно показывая мою нежелательность. Я понимаю это и ухожу. Хрен с тобой, думаю. Спускаюсь к себе на 7 этаж и замечаю, что в подъезде перед квартирой развешаны наши вещи: мои унты, батина обувь и проч. – не так много, но всё-таки. Я открываю

дверь, зову Аню и говорю, чтобы она убрала из подъезда наши вещи, так как сопрут же. Она отвечает, что дома их вешать некуда, вот она и вывесила всё в подъезд, чтобы сохли после потопа. Я настаиваю, чтобы убрала. Пусть висят в комнате около лоджии, говорю. Ничего страшного, повисят и там, зато будут целее. Вхожу в квартиру. В момент, когда я уже изнутри закрывал дверь, заметил, что по лестнице снизу вверх идёт какой-то человек. Оставил узкую щель и увидел дядьку лет под шестьдесят, который пешком шёл наверх, без верхней одежды, в джинсовой рубашке, джинсах и туфлях. Он посмотрел на меня, я захлопнул дверь и заперся изнутри. Потом открываю дверь в какой-то ресторан и захожу в зал, где с удивлением вижу сцену, на которой этот дядька стоит и делает непонятные физические упражнения. Он спортивен, широченная спина, силища явно большая. Это какой-то бред. Выхожу на улицу и иду на стоянку. Припаркованный ряд машин позволяет мне спрятаться за ними, сев на корточки. Я не один: сидим вместе с Куклиным около припаркованных машин. Обращаю внимание на то, что рядом с нами стоит Л200 Сомина, щёлкаю ногтём по задней части кузова и слышу характерный звук пластика. Потом щёлкаю также по другим автомобилям, которые рядом. Где-то звук металла, а где-то тоже пластика. Показываю Сергею, что у его Икстрейла – пластик. Он говорит, что знает, что зато не сгниёт. Соглашаюсь, что пластик зато не сгниёт.

* * *

Как оказалось, существуют подземные коммуникации, в которых живут или пребывают люди. Выглядит это как две большие трубы, сваренные буквой Т, с возможностью перехода во все места. С торцов всё это дело, само собой, заварено. Коммуникация закапывается под землю и там находится человек или несколько человек. Ведётся научно-исследовательская работа, а также предполагается вероятность спасения в случае угроз извне. Таких Т-труб в мире закопано полно. Я предлагаю оснастить торцы труб специальными резьбовыми соединениями, чтобы в случае необходимости можно было особым образом стыковать разные трубы торцами и тем самым делать двойные Т-трубы, тройные и т.д. – возможности коммуникаций значительно расширятся. Меня выслушали с моим предложением и заинтересовались. Подошла какая-то сотрудница организации, которая продаёт нам электроэнергию. Я в это время строил забавную конструкцию из небольших валиков, натянутой между ними нитью и соединяющей изоляцией. Что это было такое? Не знаю. Сотрудница начала горячо рассказывать про то, что надо платить за ток, иначе будет вот что. Я спокойно её выслушал, а потом спросил: что будет, если не платить долго? Понятное дело, если месяц-два-три не платить, никто с топором не придёт и не зарубит, провода не обрежет, а если не платить год, но и не пользоваться? Ну и обрежете провода, а что дальше? Услуги же не оказываются, платить формально не за что. Короче, что-то там наговорил ей, от чего логика угроз надтреснула.

* * *

Нахожусь в районе Терешковки, наблюдаю за какими-то людьми, к которым подошли два сотрудника-ппсника. Вдруг меня осеняет: это какие-то левые менты, т.к. у одного замечаю длинный хаер в хвосте. Я выхожу из засады и обвиняю их в этом. Они сразу же валят прочь. Потом, в ходе каких-то дел и передвижений, я ещё раз встречаюсь с этим хайрастым левым ментом, но уже сам выступаю в его роли: мне надо куда-то идти «на дело», я передеваюсь в форму и перехватываю хаер резинкой, размышляя, куда спрятать хвост.

* * *

В Щербинках, около дома Сахарова, где раньше была хоккейная коробка, стоит чёрный внедорожник типа двухсотого крузака, но это почему-то мерс. Я подхожу к нему, открываю переднюю пассажирскую дверь и сажусь. За рулём сидит Паша. Он говорит по телефону, я понимаю, что с Настей. Говорят об очередных делах, о каких-то тяжбах. Паша одет в костюм, он явно едет с какой-то важной встречи. Слушая его разговор, становится понятно, что опять очередные проблемы и их пытаются разрулить. Мы начинаем ехать в сторону Малиновой Гряды. Где-то звонит телефон, Паша разговор не прекращает, но начинает шарить рукой по заднему сиденью. Я нахожу телефон быстрее, открываю крышку и даю ему. Телефон старый дамповский, моторола. По разговору понятно, что это звонит Настя, но с другого телефона: такой метод шифра, когда разговор ведётся одновременно по нескольким каналам. Тут я начинаю слышать их разговор. Паша рассказывает Насте о том, что надо кому-то чего-то там, и речь идёт об очень большой сумме. Настя недовольна, какого пса, мол, ты по телефону такое озвучиваешь. Он отвечает, что просто сказать это ерунда, важно то, как сделать в итоге. Как-то так, в этом смысле. Она говорит, что мы громкие и за нами следят. На что в ответ Паша заявил о слежке и слушке с того момента, как они ввязались в это дело, а сегодня и особенно. Так они и переговариваются одновременно по двум телефонам поочередно. Я молча сижу на переднем пассажирском месте, мы медленно едем. Вдруг резко газуем и отрываемся от хвоста. Заезжаем за парикмахерскую около Сахарова, Паша ставит машину поперёк дороги, перегораживая единственную полосу. Всё это время он продолжает говорить с Настей. Я выхожу из машины и иду дальше по тропинке к Малиновой Гряде. Навстречу мне выезжает и останавливается какая-то машина типа девятки или пятнашки, я вижу в ней много молодых, гопнического вида, парней. Сразу в голове мелькнула мысль: это те, кто пришёл нас мочить. Я вдруг точно это понял. Это – от тех, кто следит, с кем конкурируют и кому перешли дорогу. Люди, явно нанятые конторой или даже сами оттуда, которым дали задание на контакт. Из машины выходит молодой мужик, подходит ко мне. Я как в замедленной съемке вижу, что он достаёт правой рукой из кармана медицинский скальпель. Перехватываю его обеими руками и фиксирую. Психологически готов к нападению. Но краем глаза замечаю в его левой руке ещё один скальпель. Тут же осознаю свою ошибку: у меня остался правый бок незащищённым. Он быстро-быстро наносит много ударов скальпелем мне в почку и печень. Абсолютно не больно, но я понимаю, что это конец. Понимаю свою ошибку, понимаю, как надо было останавливаться и как защищаться, предусматривая вариант двух ударов с обеих сторон. Понимаю, что на меня решили пустить одного, а несколько других пошли к Паше и его машине, тоже на контакт. Понимаю, что игра с судьбой привели меня к смерти. Я не зол ни на кого, я абсолютно спокоен, но это осознание совершенно отчётливо и неумолимо пришло в момент, когда наступила смерть.

Смерть прожить - не боли перейти.

* * *

Непрерывная возня и настройка тремоло у органы: кручу подстроечники маленькой отвёрткой в потрохах, тремоло то включается, то нет, какой-то бесконечный процесс с нестабильным результатом.

* * *

Непрерывные стройки, где я принимаю участие, только непонятно, в роли кого. Находясь внутри, где уже идут отделочные работы, общаюсь с Алексечневым. Происходит очень сложная пертурбация в жизни, я решаю немного уйти в тень, спрятаться, дабы не искушать судьбу. Прихожу в клуб охотников или яхт-клуб. Народ одет в камуфляж.

Пытаюсь сохранить инкогнито. В кают-компании длинный стол, где среди прочих сидит Алексечнев и Терегин. Меня узнают. Я одет в светло-коричневую дублёнку, как и ещё пара человек. Подсаживаюсь к ним и шучу, что мы тут как клуб по дублёнкам такого цвета. Общаемся все дружески, шутим. Разговор заходит о новой работе, опасной. Я вдруг оказываюсь в теме этого. Выходим в коридор покурить. Меня спрашивают, знаю ли я, сколько зарабатывают люди, выполняющие подобную работу. Я говорю, что знаю, но зависит от того, что делать: просто тупо сопровождать или реально ввязываться и участвовать в контактах. Мужик говорит, что получают по шестьсот. Я говорю, что вполне реально, но это уже серьёзный уровень, когда может потребоваться и ввязаться, и применить... Потом вижу Аню, мы уходим, и она рассказывает про овощные эпопеи из её прошлого: как они сажали картошку и как её хранили. Я будто по телевизору смотрю про них кино. Аня и её сестра Лена, молоденькие девчухи, с ними ещё взрослые люди – их мама и ещё кто-то, но при этом и их дети, таскают в погреб деревенского дома мешки с картошкой. Камера снимает как бы из погреба. Голос Ани рассказывает, что урожая хватало на всю зиму, но картошку они хранили, привязывая мешок на столбе наверху, потому что она так лучше сохраняется. Там же Лена привязывала и еду, потому что холодильника не было. Это дом во Вторусском, но с погребом, и почему-то в очень живой и людной деревне.

* * *

Я в больнице для очередной операции. Ловлю себя на мысли, что меня не готовят должным образом. Спрашиваю у лечащего врача, что за операция будет – он как-то туманно отвечает, никакой уверенности, мол, посмотрим... Но из-за того, что меня не готовят, я делаю вывод, что не будет ни реанимации, ни полного наркоза. Так что, скорее всего, будет закачивание яда.

* * *

Я работаю ночным сторожем в огромном здании кинотеатра. Ночью тут есть ещё люди, но я тоже на посту. В кинотеатре мы вдвоём с дедом. Ночь. Я живу ночной жизнью, захожу в кинозал, зачем-то включаю проектор и звук. Вижу в окно, что меня засекли, всё быстро выключаю и иду к себе – а там уже посторонние люди. Они кого-то арестовывают. Я скрываю свои намерения. Мне надо найти блок питания для примочки ЦЗ. Они подсказывают, что такой же был у какой-то Юлии. Я спрашиваю, у какой? У Доброниной или Моркецовой? Отвечают, что ещё у какой-то. Не понимаю. Опять ночь, я опять в кинотеатре один. Скоро конец смены, я выхожу из своей комнаты и хочу выключить всё оборудование. Везде почему-то работают телевизоры. Я замечаю много где спящих охранников, поэтому телевизоры оставляю. Слышу, что где-то в темноте хрустит жако, который живёт в кинотеатре. Он потихоньку во сне что-то бормочет, скрипит. Мне он нравится, я здороваюсь с ним. Быстро иду к себе, тороплюсь, дед тоже тут же, мы торопимся куда-то идти. Состояние стабильного спокойствия, но и одновременно с этим суеты. Говорят, что блок питания красный. Я не понимаю, какой ещё блок питания и зачем он.

Нахожусь за своей бывшей школой. Я не один, со мной ещё двое знакомых. Иду чуть впереди, они за мной. Вдруг вижу, что они отстали и что-то раскапывают. Возвращаюсь к ним и наблюдаю в земле тайник. Замечаю, как к нам идут несколько человек. Мои спутники замерли и накрыли головы какими-то ветками, замаскировались. Я отбегаю подальше и тоже прячусь в деревьях и кустарниках. Люди подходят к моим, убивают их выстрелами. Потом подходят ко мне, мы начинаем говорить: они спрашивали, а я отвечал. Когда правду, когда врал. Наконец мне удалось выкрутиться и я пошёл домой на

Голованова. И вот уже нахожусь в квартире, масса комнат, как будто здесь живу. Ко мне пришли соседи, и я понимаю, что они хотят напасть на меня и уничтожить. Обнаруживаю в большой комнате ими же уже снаряжённые магазины 5.45, а также ака под них. Были и кс с глушителями, из них только что стреляли в меня, я потом собирал это как трофеи. Была сайга 12, разобранный – я быстро вставил затвор в затворную раму, всё это дело в коробку, сверху забил крышку одним шлепком. Увидел магазин 7.62, смотанный изолентой из двух, но не один с другим рядом, а в длину – как это будет работать, я так и не понял. Но безумная смотка, несмотря на свою бредовость, картриджи подавала исправно! Пристегнул этот магазин к сайге 12. Конечно же, что-то заклинило. Вообще, как хоть получилось пристегнуть-то это? Непонятно. Я опять быстренько всё разобрал и обнаружил, что в патроннике был патрон 12 калибра. Подцепил его и вытащил, потом всё собрал обратно. И уже теперь всё стало подаваться хорошо. Сайга тем временем стала якобы соответствующей калибру автоматом. Временами понимаю, что это вовсе не мой дом и я тут не живу. Я сам сюда пришёл. У стороны нападения был даже Ехров – именно он контролировал магазины. Кто-то в меня стрелял или целился. Но у меня была цель, я уничтожал врага.

* * *

Я и Аня нелегально лезем в гараж деда. Гаражный кооператив охраняется, поэтому действовать надо аккуратно и тихо. Но мы неосторожны. Лезем, чтобы взять из погреба картошки, овощей. На улице ночь, темно. У нас есть ключи от гаража, мы открываем замки и входим внутрь. Гараж почти квадратный, огромный, но машины в нём нет. Включаем свет, открываем крышку в погреб и спускаемся вниз. В погребе тоже включаем свет и потихоньку начинаю набирать картошку. Я вспарываю мешок, висящий на стене, достаю оттуда огромные картофелины и думаю, куда их положить. Аня в другой стороне гаража делает то же самое. Вдруг слышим, что на улице какая-то суета. Я осторожно выглядываю из погреба и вижу в щель ворот, что там ходят люди: они заметили открытый гараж. Мы снаружи вроде как заперлись, но свет в гараже оставили горящим. Я решаю, что нас засекли по свету. Спускаюсь в погреб, и мы начинаем быстро-быстро набирать овощи. Слышим, как снаружи открываются навесные замки. Осторожно прикрываю изнутри крышку погреба, и мы выключаем свет в надежде, что нас не заметят. Входят мужик из гаражного кооператива и мой дед Иван. Они осматривают гараж, но там всё хорошо, никаких посторонних. Открывают погреб и спускаются. Мы в темноте молча замерли. Они включают свет. Мы, как ни в чём не бывало, как идиоты, смотрим на деда. Я начинаю валять дурака и рассказываю, что мы пришли за картошкой, но нас снаружи заперли, вот мы тут и. У меня что-то спрашивают, в ответ увлечённо гоню, понимая, что это какая-то лажа, но куда деваться... Дедуня спокоен; он вряд ли мне верит, но я же не чужой. И ничего страшного не будет.

* * *

Я у себя дома, но дом представляет собой старый автобус. Играю на органе и электропианино, под драм-машинку с каким-то бэксом. Рядом знакомый, очень хороший человек Логвиновский. Мне немного стыдно играть перед ним: такой колхозный уровень... Но я играю, звук очень смачный, натуральный Хаммонд. Спустя какое-то время смотрю в окно и вижу, что на улице происходят беспорядочные махачи. Далекое, но всё это, так или иначе, приближается. Выхожу на улицу и вижу, что они совсем рядом. Главное, чтобы никто из вандалов не проник в мой дом. Приходит мысль, что неплохо было бы иметь такой автобус, который в случае необходимости становился бронированным, мог опускать антивандальные жалюзи, приседать пневмоподвеской, тем самым превращаться в неприступный броневик. Ничего ему не сделаешь. С этими мыслями оказываюсь в

Шумилово, у Раша. На улице снег, я весь в сугробе. Захожу к нему домой, там Рашид в чайник накладывает снег, чтобы кипятить воду. Тоже так делаю порой. Из-за непогоды оказывается, что мне придётся задержаться в Шумилово на несколько дней. Очень спокойно и тихо вокруг.

* * *

Ходил на работу что-то рассказывать и согласовывать. Что-то важное. Самочувствие было крайне тяжким, все на это обращали внимание.

* * *

Нахожусь в районе Гребного канала и вижу такое приспособление: небольшая моно-лыжа с мотором внутри, от неё навёрх идёт лямка-поводок. Человек встаёт одной ногой на лыжу, в руки берёт лямку, вид - как на самокате. И по снегу мчится с огромной скоростью! Очень быстро! Компактные размеры: можно положить в сумку, если снег кончается или надо куда-то дойти пешком. Короче, забавная механическая штука, при помощи которой, применив кое-какие навыки, можно очень быстро перемещаться пешеходу по улице в зимнее снежное время года. Идём с кем-то по аллее около кинотеатра Импульс в сторону Щербинок-2, мне опять показывают эту штуку, её купили. Оказывается, она не особо дорогая: четыреста долларов где-то по нынешнему курсу. Я пробую на ней ехать, у меня отлично получается, быстро! Кто-то говорит, что лыжу можно снять и вместо неё поставить любую площадку типа куска пластика, будет ещё удобнее! Вдруг, где-то напротив Гагаринского, я замечаю в кустах огромный, гигантский предмет. Мы подходим и видим: это витая пружина с набалдашником, всё хромированное, размером примерно с два ствола среднего дерева. Поднимаем и смотрим. Я говорю, что это что-то потрясающее: такую вещь не стыдно и дома иметь. Шучу. Все уважительно смотрят на деталь и соглашаются. Поражает то качество, с которым сделана пружина. Говорю всем, что это от шасси самолёта. Вспоминаю, как на Гребном канале видел АЮ, которая пешком шла по взлётно-посадочной полосе. Ходить там запрещено, но она шла, разговаривала по телефону, и нашла прямо на ВПП, под точно такой пружинной, зажигалку. Взяла её себе. И кто-то теперь про это узнал. Я звоню ей и кричу, чтобы она срочно выбросила зажигалку, потому что кто-то узнал про это, и ей угрожает опасность. Пытаюсь как-то её спасти.

Прихожу к родителям в Щербинки. Мне надо быстро дойти до Приокского рынка и купить им разной еды. На улице зима, я выхожу на улицу и на этой самой моно-лыже, дворами, на огромной скорости мчусь в Щербинки-1 к рынку. Пересекая улицу Лебедева во дворах, заметил развитое шоссе с транспортом и светофорами. Но на шоссе – сплошной лёд. Загорается красный свет для автомобилей, а они не останавливаются и катятся по льду. Я выжидаю, потом осторожно еду на лыже через дорогу. Думаю, что даже если движок как-то испортится из-за передвижения по льду, то это всё легко чинится. Или, в конце концов, если лыжа проживёт хоть один сезон, то это уже будет отлично. Но с моим весьма редким использованием, полагаю, это дело будет прекрасно работать всю оставшуюся жизнь.

* * *

Устроился работать сторожем где-то в районе Бекетовки. Прихожу на смену. На первом этаже странное учреждение из 2-3 комнат, дверь входная не запирается, никого нет. Спрашиваю, надо ли куда-то звонить на пост, отмечаться – не надо, говорят... Странно. Есть блокнот, там сторожа что-то записывают, но я ничего не понимаю. Потом

оказывается, что это участковый опорный пункт или ночной дежурный пункт для ментов. Наступает ночь, начинают приходить на работу сотрудники. Пришло несколько молодых ребят, недавно работающих, но уже ничему не удивляющихся. Стали таскать задержанных. Мне захотелось курить, но оказалось, что в этой, охраняемой мною ментовке, тупо нельзя этого делать. Поэтому я вышел на улицу и стал искать какие-нибудь заведения, где можно, типа кабаков. Войдя в один из них, я не нашёл такого места: кабак уже оказался закрыт. Тогда прямо из него, из служебных коридоров, я проник в огромный спортивный центр, там была уйма народу и много этажей. Передвигался по центру на коньках или роликах, быстро и молниеносно, едва успевая маневрировать между людьми. В конце концов, вышел на улицу. Там должна была бы быть ночь, но был день. Возвращаюсь на работу. В предбаннике уже куча бичей, их бьют и вытаскивают наружу. Я не удивляюсь, стараюсь не быть задетым блевотиной и кровью, прохожу внутрь. Там полно народу, работа кипит! Вдруг замечаю в глубине комнаты Вадика Магарова. Мы тепло здороваемся. Он рассказывает, что только что устроился работать оператором на ТВ, приехал сюда с группой снимать сюжет. Я говорю ему, что рад видеть. Он предлагает мне тоже попробовать себя на поприще журналистики. Соглашаюсь. Договорились, он спросит там, у своих, в телецентре, о возможном сотрудничестве. Выхожу на улицу, перехожу дорогу и иду куда-то в гору, вглубь. Вижу магазин, в котором должны продаваться раритеты и редкости, типа антикварки. Но там, как оказалось, продуктовый, и весьма странный: продают старого варианта еду, как в Союзе. Я ухожу и иду обратно, сторожить. Решаю идти подольше, ибо смена ещё долгая и торопиться не надо. Странное дело, сторожить и охранять тех, кто сам это неплохо делает. Бред и маразм. Иду между домами, обходя их по каким-то асфальтированным горкам. Иду долго. Иду, иду... Наконец, подхожу к улице Бекетова и перехожу её. Смена кончается, я собираюсь валить. Вижу, что у кого-то есть куртка, такая же, как у меня. Рассказываю и объясняю особенность флисовой подкладки, излагаю концепцию воротника, как его надо застёгивать. И что уже привык к такому варианту одежды. Очень удобно и тепло.

* * *

Нахожусь в помещении, напоминающем частный дом. Рядом Куклин, мы хотим посетить Чиргинского, который на данный момент в тюрьме. Я карандашом рисую чей-то портрет: вечером сделал набросок, а теперь сижу и жду Сергея, рисую более детально. Сосредоточенность и внимание к мелочам делают рисунок потрясающе детальным. Маниакально прорисовываю нос, уши, волосы, глаза, подбородок. Звонок в дверь, там Сергей. Он уже уходит. Я останавливаю его на пороге и спрашиваю, как там Игорь (будто он ходил к нему без меня). Отвечает с такой грустью в голосе: главное, что все живы. Повторяю за ним эту фразу. Возвращаюсь в комнату к портрету. Возникает ощущение, что это я сижу в тюрьме, в очень странной хате. Кафельные стены, две кровати, большое окно, умывальник. Больше похоже на больничную палату. Я в хате один. Замечаю, что на полу лужа. Встаю в неё обеими ногами. На ногах у меня шерстяные носки, они не промокают. Решаю устранить лужу. Рядом лежит тонкий ковёр. Я осторожно переступаю по кроватям и подбираюсь к окну. На подоконнике стоит пивная советская большая кружка с чаем. Обращаю внимание, что с чужой соседней шконки на пол капает вода. Подставляю кружку, она быстро наполняется водой. Вода капает и капает на пол, уже огромная лужа. Внезапно стены пропадают и вся обстановка оказывается на улице. Начинаю руками гнать воду из лужи по асфальту в сторону, к люку водостока. Заодно нащупываю руками в песке какие-то кольца. Прогнав воду, рассматриваю находки: просто безделушки. Оставляю их на столе молчания, а сам иду по дороге к забору. Ворота в нём открываются, и на территорию въезжает троллейбус. Я собираюсь сесть в него и уехать хоть куда, лишь бы отсюда подальше.

* * *

Иду на Нартова-2, где у меня какие-то дела. Издалека вижу, что едет Мазанкин на Ниве, паркуется около входа. Я кричу ему издалека, чтобы он подождал меня. Подхожу. Из машины, кроме него, выходят ещё двое: его сын и какая-то незнакомая женщина. Здравуюсь. Рассказываю ему, что меня отправляют в рай. Он немного не верит даже, сильно удивлён. Я говорю, что уже был там, но недолго, буквально пару дней. А теперь вот отправляют в экспедицию надолго. Беседуем с ним, он что-то рассказывает. У меня мысли совсем не здесь: думаю о том, что надо не забыть взять какие-то вещи с собой, зарядить мобильный телефон, приготовить еду, оставить своим родным людям деньги. Обязательно расписать, какая гитара сколько стоит, чтобы продали. Завещания уже составлены, с этим всё в порядке. Открываю холодильник и роюсь в ящиках. Вижу три початка кукурузы, винегрет в салатнице, ещё что-то. Рассуждаю, что домашним хватит этого, пока меня не будет. Телефон разряжен, но зарядки под рукой нет. Ладно, думаю, потом заряджу. Вхожу в офис, Мазанкина ещё нет, меня тут никто не помнит и не знает. Спрашиваю Женю, где он. Выхожу опять из здания, но около входа уже никого нет.

* * *

Звоню в Минск. Связь нестабильная, постоянные провалы. Перезваниваю и перезваниваю. Сотни раз. Одно и то же, одно и то же.

* * *

Аня. Зову, жду, постоянно проверяю комнаты дома. Суставы и мышцы выворачивает боль. Ани всё нет и нет. Оглушённость и пустота. Всё ходуном.

* * *

Сложнейший наворот из воспоминаний о каких-то событиях и чувствах. Сюжет был, но совершенно пропал сразу же после пробуждения. Помню детские сады, разбившегося Алексечнева, медицину, транспорт... Коля Гужов передаёт мне в подарок сигареты, в пачке я нахожу письмо от него. Сигареты эти – его новая запись. В школе какое-то мероприятие, я там уже взрослый, но вроде как ещё учащийся, хоть и на последних днях своего обучения. При всём при этом, меня все знают, узнают. Не по себе там находиться, но головой понимаю, что надо «отбыть номер», иначе будет хуже. В жизни тоже отбывают свои номера, иначе хуже.

* * *

Откуда-то иду домой, буквально мчусь. День, зима. Я в пальто, без шапки. Из подъезда выходит какой-то бородатый мужик в очках, я избегаю столкновения, влетаю в подъезд и лечу к себе на этаж по лестнице. Дома – как на Ванеева, но из окна спальни видны сады, как в Щербинках. Дома Аня. В спальне стоит электроорган Фарфиса, на нём лежит гитара. Я беру её в руки и говорю Ане, что точно такая же у меня была двадцать лет назад, в девяностых. Пробую играть на ней и осознаю, что гриф безупречный, удобный профиль как раз по моей руке. Поразительно даже. Аня уходит, я в большой комнате смотрю какой-то фильм. Приходит мама. Она давно не была у нас в гостях, я рад её посещению. Вдруг вспоминаю, что давно хотел показать ей свою Фарфису, веду в спальню и показываю. Играю на органе что-то возвышенное. Ей нравится, она тоже пробует нажимать на клавиши. Я смотрю в окно и вижу, что в садах лето, там отстроены грандиозные коттеджи. Светит солнце. На душе очень спокойно и хорошо. Мама

спрашивает, за сколько я купил орган. Я рассказываю, что у меня есть знакомый, ему предложили инструменты, но он гитарист, тогда я дал ему одну из своих гитар, а он мне привёз все те клавиши, которые ему отдали, выгодный такой обмен. Среди них и была эта двухмануальная Фарфиса. Вещь. Классика. Мама уходит домой, но перед тем, как уехать, нарезала мне колбасу на кухне, тонко-тонко... Я в комнате ем бутерброды, потом иду на кухню и беру весь контейнер с этой копчёной колбасой и ещё ржаного хлеба, приношу в комнату, сажусь и ем, ем, ем...

* * *

Где-то за городом, на даче или в деревне у кого-то в гостях. Раннее утро, лето. Саша Дормачеев и компания в доме неподалёку, там с вечера гости, в том числе и Игорь Чиргинский. Я хочу их всех повидать и иду к их дому, но вижу, что навстречу мне идёт Юра Баршин в резиновых сапогах и плаще. Он говорит, что там с вечера все пили, поэтому Юра, приехав утром туда, решил никого не будить и заняться своими делами. Мне тоже не хочется видеть товарищей в тягостном состоянии, поэтому я прошу Юру довезти меня до города, до Щербинок. А вечером я бы вернулся. У меня дела в городе, поэтому как раз всё складывается вовремя и удачно. Что-то надо сделать в городе. Мы едем на Юриной СХ4 по дождевой грязи к трассе. Работает радио. Передают Малера, шестая симфония.

* * *

В какой-то школе или офисном здании стою около лифта и жду. Рядом несколько людей, которых я хорошо знаю. Соседи по дому. Рассказываю одному из них, что в классе надо забрать вещи. Мы идём к классу, он открывает дверь. Там я рассказываю ему про музыку и про то, что давно хотел поиграть некий концептуальный нойз. Он говорит, что даст мне телефон человека, хорошего музыканта, Логвиновского. Отвечаю, что такие вещи варятся не с хорошими музыкантами, а с соратниками и товарищами в первую очередь. Оказываюсь дома. Я живу на Свердловке около Драм-театра, окна выходят прямо на улицу, первый этаж. Рядом со мной Аня. Смотрю в окно, там зигзагами бродят люди. Выхожу на улицу и зачем-то ищу в зигзагах знакомых мне людей. Вдруг вижу Олю, мою первую любовь. Она меня не узнаёт, я очень этому рад. Нет ничего хуже, чем встречаться с людьми из прошлого.

* * *

В странном месте. Чья-то работа. Я слежу за неким прибором, который расположен на столе или этажерке с выдвигающейся полкой. На полку я установил орган Юность-70, в зелёном перламутре. Орган может принимать модемные звонки. И вот всю эту систему я и поддерживаю по роду службы. Однажды меня просят выключить орган на некоторое время, потому что приезжает комиссия с проверкой. Я покорно его выключил и пошёл в магазин, где продают странные, как казалось, вещи: красную-красную капусту, какое-то мясо, но происхождение всего этого тоже очень непонятное. Я не боюсь попробовать, но люди вокруг опасаются и шарахаются от меня. Тут же делают татуировки: Алексечнев показывает на плече внедрённые из его горла нити, которые будут выступать татуировочной базой. Нити приживутся, а потом на них уже будет рисунок. Ещё такую же татуировку хочет сделать и Оля. Я смеюсь над ними. С Аней смотрим на этот зоопарк как бы со стороны, но не осуждаем никого, а даже и жалеем. Мы же живые.

* * *

Беспамятство. Совершенно капитальный и грандиозный сон, но буквально через какие-то минуты всё напрочь забылось и улетело в ничтожное ничто...

* * *

В командировке, где-то за границей, у очень богатого человека, сидим с АЮ в его кинозале. Экран разделяет зал на две части. Многое зависит от того, откуда смотришь. Так получается, что потом мне показывают вообще всё здание, в том числе и спальню: гигантскую, как спортивный зал, 48 метров в высоту. Но там идёт ремонт. Ночью под потолком в небольшой комнате, очень спокойно и тихо. Утром едем по городу, я смотрю из окна и вижу десятки девятиэтажных панелек, все брошенные и с разбитыми окнами. Внутри квартир – я уже как будто хожу по ним – везде старинная мебель и редкие вещи. Говорю АЮ, что можно при желании обустроить любую нору, если пройти по брошенным квартирам. Непонятно только, зачем они все разбили себе окна? Уже дома сидим в кинозале и тоже готовимся что-то смотреть. Рядом сидит тот самый богач, но в качестве гостя. Он узнаёт меня, и я его спрашиваю про расстояние между рядами кресел у него в зале. Он что-то отвечает, мы беседуем. Потом я подхожу к АЮ и рассказываю, что дальше нет особого смысла заниматься ничем прежним, надо диверсифицировать свою деятельность. Она какая-то домашняя и тихая, маленькая и трогательная. Я обнимаю её и хочу защитить, она мне как самая дорогая сестра. Мне её вдруг стало очень жалко.

* * *

Наконец-то добрался до двери в комнату. Там сверху кем-то когда-то было сточено или снято, чтобы дверь нормально закрывалась и входила в косяк, очень неаккуратно. Было подпилено с обеих сторон, а посередине оставлено. Поэтому произошёл завал, который просто так не выправить. Я в каком-то охуении снимаю дверь с петель, обтачиваю края напильниками и зачищаю наждачкой. Потом начинаю исправлять ситуацию с верхом двери. Ко мне подходит Аня и спрашивает, что я делаю. Объясняю ей всё это, показываю. Говорю, что у меня есть идея: надо на Ванеева взять электро-лобзик и верх аккуратно спилить в один уровень, а потом нарастить единой планкой для красоты.

* * *

Иду на остановку автобуса около 33 магазина в Щербинках. Маршрут непонятный, направление в гаражи и сады. Встречаю на остановке отдалённо знакомых по работе людей, они тоже ждут автобус. Вдруг у нас какие-то общие дела, мы едем вместе уже по делу. Оказываемся в странном месте, вроде армейской части, там грузят из ящиков картриджи, по виду 5.56 или 5.45, типа таких, сослепу не разобрал. Грузят молодые ребята, прямо лопатами черпают и перегружают. За ними наблюдает военный, в форме. Работа заканчивается и мы все выходим на остановку Ларина по направлению в город. Там эти ребята говорят, что сегодня пятница и их призвали сегодня вечером, вот они и едут. Спокойно так говорят про всё это... Я слушаю их рассказы и думаю, что у людей пока ещё нет ничего такого особо важного, что их привязывало бы к той жизни, от которой они уезжают. Почему-то чувствую сильную жалость к ним, мне хочется сделать что-то хорошее для них, и я даю ребятам пакеты, в которых различная еда. Солёности, мясо, хлеб, овощи и фрукты. Говорю, что в дороге всё съедят, а то когда их ещё накормят уже по месту прибытия? Отдаю всё, что у меня было съестного. Умеренный пневмосклероз.

* * *

Куда-то едем с Аней. Она за рулём, я рядом. Вдруг вижу, что к машине кто-то подходит. У нас закрыты окна, и я ещё нажимаю на кнопку центрального замка, чтобы двери нельзя было открыть снаружи. Незнакомец подходит к Аниному окну и стучит в него, она открывает окно, я кричу ей, чтобы ни за что не открывала! Очень тревожно.

* * *

Грядут встречи и разные дела, я возвращаюсь к себе в квартиру и чего-то жду. Из прихожей идёт лестничный пролёт, заканчивающийся маленькой дверкой на кухню. Я хожу вверх-вниз по этой лестнице, специально топаю. Думаю, что в принципе бы надо увеличить вход на кухню, сделав или дверь побольше, или просто арку большую. Я в этой квартире уже не живу, но она моя старая, я тут буду жить в ближайшее время. Ощущение, что где-то рядом мой дед. Я жду. Вдруг слышу, в подъезде кто-то приехал в лифте на этаж. Осторожно выглядываю и узнаю человека. Потом так происходит ещё несколько раз, одно и то же. Занятия в учебном заведении кончаются в определённое время, а отец поедет на встречу чуть раньше, он уже, скорее всего, там. Люди из колледжа валят толпой на остановку. Я тоже иду. Оказывается, что мы все должны попасть на какой-то корпоратив или мероприятие на открытой площадке, и я должен там выступить. Приезжаем на вокзал, нас встречает непонятный мужик и ведёт через подземные переходы. Говорю, что надо остановиться у магазина и купить поесть, а то я голоден. Мужик отвечает, что тоже забыл еду дома, поэтому уже покупал сегодня в магазине какую-то закуску. Мы стоим после мероприятия в небольшом лесочке, меня откуда-то знают. Подходит маленькая и тоненькая девочка и что-то говорит. Я вижу, что она едва-едва пришла во взрослый мир, ещё ребёнок по сознанию. Мягко и по-отечески стараюсь, чтобы не обидеть её, как-то аккуратно отмазаться от наивных вопросов. Вижу её со стороны. Она у себя дома со своей мамой, они едят, у них одинаковые светлые волосы, девочка делает знаки маме. Она хочет уйти, говорит, что всё это не для неё, с таким надрывом... Я даю девочке шар, в котором написано предсказание для неё. В ответ она жёстко протестует. По её мнению, открывать шар надо потом, позже, когда все всё забудут. Или сейчас, но не здесь. Мне всё равно, поэтому забираю шар и убираю обратно в карман. И молчу.

* * *

Выхожу на улицу около 49 дома по Жукова, у меня с собой самокат. Я начинаю ехать на нём, да так быстро, что приходится притормаживать. Ощущение скорости, аж дух захватывает. Ощущение свободы духа, аж скорость захватывает.

* * *

В компании знакомых непонятно по какому делу. Готовим еду, мясо. Но мясо не привычное (не говядина-свинина), а какое-то экзотическое. Светло-красное, достаточно мягкое даже в сыром виде. Я беру нож, отрезаю кусок и ем. Все видят. Женщины удивляются, спрашивают про вкус. А на вкус мясо очень даже ничего себе, мясо как мясо. Однажды в Венгрии ел тартар, хорошо всё, только не забыть бы посолить. Мясо мне кажется вполне приемлемым. Аня говорит, что опасно это было делать из-за отравления. Пытаюсь возразить: поколениями люди ели такое мясо и ничего им не делалось, жили себе прекрасно. Потом мы сидим в кабинете и что-то решаем, планируем. Решения весьма важные, но постепенно всё переходит на воспоминания о какой-то музыкальной жизни прошлого. Рядом со мной вроде даже Куклин, а также очень красивая брюнетка, которую я не смог узнать или вспомнить. Воспоминания выливаются в некий видеоряд или фотографию, на которой изображены несколько людей. Справа на фото Андрей-Солдат с

Надей. Брюнетка обращает на фотографию внимание, ну а я вежливо убираю её в карман кителя. Проходит какое-то время, я еду в машине, место рядом с водителем, а сзади несколько человек, парни и одна девчонка. Вдруг мы узнаём друг друга – это была опять она. Мы тепло обнимаемся, целуемся, радуемся встрече, как будто не виделись сто лет, и как будто у нас были близкие отношения в прошлом. Но на самом деле мы виделись всего лишь один раз. На нас поглядывают пассажиры с осуждением и даже с какой-то ненавистью. Нам всё равно. Приезжаю домой, иду наверх к себе. Выглядываю в окно и вижу, что Степан, припаркованный около подъезда, весь завален снегом, в сугробе. Потом вижу, как около него проехал трактор и прочистил дорогу. Ладно. Через некоторое время смотрю – а Стёпа стоит, раскуроченный, отбито правое зеркало, капот открыт, дверь открыта, из него что-то таскают несколько чуваков. Блядь! Срочно начинаю надевать ботинки. Стараюсь побыстрее зашнуровать их, но не получается, я ору батю, чтобы он тоже собирался на войну. Кладу в карман наган - хорошо, что ещё не успел задарить его кому-нибудь до применения. Беру в руки маглайт-шестёрку или телескопическую дубинку и мчусь по лестнице вниз отбивать машину от ёбанных вандалов. Мрази. Ненавижу.

* * *

Сначала приснилось что-то мощное, вселенское. Проснулся и подумал, что надо бы доползти до коридора со светом и записать. Но увиденное было настолько поразительно и мощно, что я решил записать утром. Разумеется, утром, после пробуждения, всё благополучным образом забылось. Только это и помню.

* * *

Едем мамой в Щербинки к бабушке. Она дежурит в клубе Квант. Вечер. Мы подходим к клубу и входим внутрь. Она нас ждёт. Мы рады встрече. Я говорю маме, что мне надо на встречу, по работе. Прихожу в дымный кабак, все уже там. Потом кто-то с кем-то уходит за угол, и мы понимаем, что произошла потасовка. Обрато приходят в крови и синяках, но победителями. Предлагаю это дело отметить, встаю и иду покупать бутылку водки. Выхожу на улицу. Я где-то на Сурикова во дворах, на улице вечер, темно, зима, очень колючий ветер. Полно народу, все неспешно гуляют. Хожу от дома к дому. Даже не хожу, а езжу как будто на коньках с большой скоростью. Ищу магазин, смотрю на рекламу витрин, где же винный... Вдруг звонит телефон – мама. Отвечаю. Она спрашивает: «Никита, ты где?»

* * *

Я в школе, уже ночь, сижу и жду в одном из кабинетов Настю. Она здесь работает. Её всё нет и нет. Комната небольшая, жилая. В углу на полочке вдруг громко-громко зазвонил телефон. Сначала мне показалось, что это мой, но это не мой. Беру телефон, он типа древней дамповской моторолы девяностых годов, с такой откидывающейся крышкой. Я пытаюсь ответить, но не получается. Аккумулятор отделяется от телефона и падает на пол, теряется. Приходит понимание, что я не могу позвонить никому и никогда. Ни с кем не могу связаться. Тут входит в комнату Настя с каким-то незнакомым человеком. Нам с ней надо перекачать из одного компьютера в другой данные, базу. Вся сложность в том, что один компьютер находится около моста на высоком столбе, а второй внизу и сбоку. Мы и раньше планировали варианты реализации задуманного, но у нас ничего не получалось. Этот мужик начал говорить с Настей про вероятности. Я же просто слушал и молчал. Вдруг мне в голову пришла мысль опустить шест, присоединить шланг, поднять обратно, подцепить крючком шланг и приконнектить его ко второму компьютеру. Но что

потом делать со шлангом, когда всё перекачается? Мы сидим и ничего не понимаем. Заколдованный круг какой-то. Настя вся в этом, очень сосредоточенная и серьёзная. Я хочу её успокоить и как-то снять напряжённость. Выхожу на улицу и иду через сады или частный сектор. Вдруг сзади останавливается машина и ко мне бежит человек в чёрном балахоне с огромной дубиной или палкой. Я ожидаю нападения, достаю пистолет и стреляю в него. Он падает и ползёт обратно. Приходится ещё несколько раз доставать оружие, потому как мне казалось, что на меня могут напасть. Это было ложным чувством. Но я каждый раз забывал, есть ли в патроннике патрон и досылал заново, поэтому несколько патронов упало в ночную траву, я их не нашёл. Думаю, что надо посмотреть, что там с патронами. Оказалось, что остался только один – в патроннике. Дальше в магазине было несколько пустых гильз, зачем-то обжатых звёздочкой. Я их достал из магазина, рассмотрел, и попытался вернуть обратно. Теперь они уже в магазин не лезли, постоянно вываливались и перекашивались. Ночь не прекращалась. Мне надо было добраться до города, я решил не ждать утра и идти наобум, куда глаза глядят. Почему-то казалось, что я обязательно выйду на окраину деревни и увижу огни города, на них и пойду. На окраине я вышел на дорогу. По трассе был средний трафик, сразу же возникла идея банально ехать стопом, всё разузнать о том, куда идти, заодно и попросить подвезти туда. Вдруг я увидел, что на дороге авария, разбитый жигуль, оттуда бежит мужик, явно не в себе. За ним несётся гаишник или военный, точно видно не было. Я затаился. Гаишник догнал мужика и стал его бить. Потом стал брить ему голову на макушке. Подбежал ещё кто-то, и я понял, что они хотят выстрелить мужику в голову. Он был виновником аварии, мент хотел его наказать. Вдруг вижу лицо мужика и узнаю в нём Чиргинского. Поднимаюсь по дороге вверх, вхожу в дом, там узкий длинный коридор. Кругом грязь и бардак. Здесь живёт странный человек-свинья: чёрные волосы, чёрная борода, чёрные волосы по всему телу, как у обезьяны. Он очень большой, одет только в брюки. Жара, сильно натоплено в помещении, освещение очень слабое. Свинья говорит, что в другой комнате у него сюрпризы. Ну, думаю, ладно, посмотрим. Не съест же. Открываю дверь в эту другую комнату. Слева на стене много-много каких-то фигурок, которые сделал человек-свинья: от чебурашек до непонятных геометрических. Коричневые или чёрные, они просто висят на верёвочках. Я поворачиваюсь обратно к свинье, он показывает мне пальцем на свой нос: чёрный пяточок, как у животного. Мне противно, я блюю себе под ноги. Хочу побыстрее покинуть этот дом, эту дорогу и деревню, весь этот ёбанный балаган. Как же всё заебал. Всё и все. На хуй пошли все чужие игрища, жизни, интриги и идеи. Заебалось принимать участие в чужом спектакле. Хочется спокойствия, просто хочется домой.

* * *

Мотаюсь, мечусь по комнатам, ищу какое-то место, но его нигде нет. Наконец нахожу, но не могу туда попасть. Ожидание чего-то важного и необходимого, без чего мне не обойтись никак.

* * *

Это была последняя запись в тетради.